

Жизнеописания афонских подвижников благочестия иеромонах Антоний (Святогорец)

Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX
века

От издательства

Поучительно читать повествования о дивных подвигах равноангельной жизни древних подвижников. Наша душа волею или неволею при этом согревается, отрешается от земного пристрастия и воспламеняется, хотя и временно, тем желанием Божественного, которым у подвижников она горела непрестанно. Мы и намерены предложить любителям духовного чтения жизнеописания некоторых подвижников святой Афонской Горы, подвизавшихся там, в прошлом, 19-м веке.

Издательство очень признательно отцу иеромонаху Антонию за его труд по собиранию сего душеспасительного и назидательного материала и за предоставление его нам для напечатания. Как далее, в предисловии, о. Антоний указал, сии жизнеописания были составлены русскими иноками, подвизавшимися на Святой Горе. Многие из них не только собирали и записывали устные предания об афонских подвижниках, но и сами были очевидцами их подвигов, а часто и сопостниками и учениками. Сии жизнеописания кратко, но исчерпывающе повествуют о жизни избранников Божиих, приводят выдержки из их душеспасительных наставлений и бесед. Подвижники сии – греки, русские, грузины, молдаване, болгары и сербы.

Их жизнеописания печатаются впервые в одном сборнике и мы надеемся, что они пополнят духовную сокровищницу Житий Святых Угодников Божиих, столь дорогую для благочестивого русского читателя. Жития Святых издревле были излюбленным чтением наших предков. Последуем же и мы их примеру, и будем черпать духовные наставления из жизни Святых Божиих людей!

Да послужит сия книга смиренным приношением нашего Издательства русским православным людям к великому Отечественному юбилею – 1000-летию Крещения Руси!

Архиепископ Лавр с братией.

Свято-Троицкий монастырь,

Джорданвилль, Н. I.

Предисловие

Предлагаемые здесь жизнеописания некоторых святогорских монахов-подвижников прошлого, 19-го века заимствованы главным образом из следующих трех источников:

1) «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле инока Парфения» – Москва, 1855 г.

Сей инок Парфений был постриженником монастыря св. великомуч. Пантелеймона, Руссика, на Святой Горе Афонской. Впоследствии он стал игуменом Гуслицкого монастыря, Московской епархии; скончался же в Гефсиманском скиту близ Троице-Сергиевой Лавры в 1878 г.

2) Записки монаха Пантелеймона. Постриженник того же св. Пантелеймоновского монастыря, скончался игуменом Троице-Киренского монастыря, Иркутской епархии, в 1888 г.

3) Записки монаха Денасия, насельника Руссика, где и скончался в 1928 г.

Записки сих последних двух собирателей духовных плодов с пустынных лугов печатались на страницах журнала Руссика «Душеполезный Собеседник» с 1889 по 1911 г.г., а частично остались неизданными в рукописях.

Поскольку означенные труды недоступны для большинства любителей святогорского пустынного меда, то пришла мысль собрать все эти жизнеописания и предложить их на общую пользу и назидание, согласно словам великого вселенского Святителя Василия, архиепископа Кесарии Каппадокийской:

«БУДИ РЕВНИТЕЛЬ ПРАВО ЖИВУЩИМ, И СИХ ЖИТИЕ И ДЕЯНИЕ ПИШИ НА СЕРДЦЕ СВОЕМ».

иеромонах Антоний.

Похвальное слово святогорскому монашеству инока Парфения

(«Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле инока Парфения», ч. 4. Москва 1855)

«Хочу описать общежительную Афонскую жизнь, – живых мертвецов, земных ангелов и небесных человеков, ангельскому житию подражателей, воинов Царя Небесного. Как Ангелы служат день и ночь своему Небесному Владыке: так и сии, отдавши свои телеса, вкупе и с душами, своему предводителю, отцу игумену, и друг другу, Господа ради и царствия ради небесного, добре послушали словес Господа своего, Иисуса Христа, сказавшего в Святом Евангелии: «Иже хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» (Матф. 16, 24; Марк. 8, 34; Луки 9, 23). Сии воины делом исполнили сии Христовы словеса, до конца отверглись себя, и взяли крест свой, сиречь терпение, и идут вослед Иисуса Христа, на гору Голгофу, сиречь распяться миру, и до конца умертвить свои страсти, и погребстись во гробе смирения, и воскреснуть о Христе бесстрашием. Пост они держат повседневный, ночь стоят на молитве, а день обретаются на послушании. И они достигают царствия небесного сими тремя добродетелями: Постом укрощают плоть свою и страсти, потому что чрево есть царица всем страстям: когда царицу умертвишь, то и рабы разбегутся. Послушанием искореняют и исторгают страсти, и достигают смирения, и погружаются в смиренномудрие. Молитвою отгоняют всякие мятежные помыслы, и соединяются с самим Богом. Сии самоизвольные страдальцы положили твердое основание своего спасения, веру. И веруют своему Создателю, что не лишит их Царь Небесный венца мученического. Мученики терпели от мучителей раны, темницы биение и заточение, а после и смерть. И сии бескровные мученики ежедневно терпят мучение отсечением собственной своей воли; носят иго, – послушание, пост, молитву, всенощное стояние, бдение, поклоны; чего не хотят,

то им дают; чего не желают, то им повелевают; куда просят, туда не пускают; а куда не желают, туда посылают. И всегда на кресте висят не от мучителей, но своею доброю волею. Еще же и злой мучитель диавол беспрестанно с ними имеет мысленную брань, и внушает им снiti со креста, и влагает им в ум лукавые помыслы: жалость о мире и яже в нем, о родителях и сродниках, о имении и всех прелестях и красотах мира сего. Еще лукавый враг диавол внушает им: сниди со креста, не можешь так поститься, не можешь вместить эту пищу, не можешь понести такого послушания, потеряешь свое здравие, ты млад, а жизнь твоя продолжительна, сниди со креста. Кто сего не приимет, тому внушает выйти из монастыря и удалиться на безмолвие в пустыню, – дабы изгнать от обители, и отлучить от избранного и Богом собранного стада. Но сии духовные воины сего лукавого советника побеждают, ово сами собою и молитвою; а ежели сами не могут, то объявляют своему пастырю, отцу игумену. Ибо во афонских общежительных монастырях братия имеют обычай ежедневно исповедовать свои помыслы и все лукавого прилоги своему пастырю и предводителю, отцу игумену. И имеют к нему такую веру, что все свои помыслы и все прилоги отдают на его рассмотрение и рассуждение: как он скажет, так и делают, и принимают от него советы, яко от самого Бога, и бывают спокойны. Потому диавол и все его коварства и козни бывают бездейственны, и никакой силы не имеют на совершенных послушников. А хотя и приидет к ним какой помысел, то они, яко коня возьмут за узду, и поведут к своему пастырю, говоря: «что ты мне стужаешь? ты знаешь, что я не имею своей воли и своего рассуждения, и не знаю – откуда ты: от Бога ли, или от врага диавола; а пойдем к моему пастырю: как он рассудит? И бывают спокойны. И по все часы и минуты тщатся сохранить свою совесть чисту и непорочну, как пред Богом, так и пред пастырем, отцем игуменом, и пред всею о Христе братиею. Сии живые мертвецы погребены, яко в гробе, отсечении своей воли и своего рассуждения. Телом делают и совершают послушание, носят тяготу своего начальника и друг друга; умом же и сердцем всегда беседуют с Богом молитвою, и всегда своего

возлюбленного многовожделенного Господа Иисуса Христа внутри себя носят, и Им утешаются; и всегда в уме своем с Ним беседуют, глаголя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!» Сии воины Царя Небесного обои пути монашеского жития проходят, послушание вкупе и безмолвие: послушанием достигают смирения и смиренномудрия; безмолвием же восходят на высочайшую степень любви и бесстрастия. Где там любостяжание, и любовь к земным вещам? Где зависть и ненависть? Где там сластолюбие и пьянство? Где зависть и ненависть? Где там сластолюбие и потому что кто приходит в монастырь и определяется жить в общежитии, тот все свое имение, вещи, книги и иконы, – много, или мало, – отдает в общее...

...Все сии воины Царя Небесного, возлюбившие Господа своего от всего сердца своего, и от всея души своея, и от всего помышления своего, сии рабы Бога Вышняго, не словом, но делом исполняют слова Спасителя своего: «аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит отца своего, и мать, и жену, и чад, и братию, и сестр, еще же и душу свою, не может Мой быти ученик» (Лук. 14, 26). На них сбудется обетование Господне: «всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имени Моего ради, сторицею примет, и живот вечный наследит» (Матф. 19, 29). Сии духовные воины с дерзновением могут глаголать: «се, мы оставихом вся, и вслед Тебе идохом: что убо будет нам?» (ст. 27). И Господь ответит им на последнем суде: «приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие» (Матф. 25, 34).

И в сем еще веке не оставляет Господь рабов Своих, верою и любовью Ему служащих, но посылает им разные утешения, и награждает их разными дарами Духа Святого. Иные, переплыв страстное и многоволнистое греховное море, достигли в тишину бесстрастия.

Многих я видел в Русском монастыре, которые, жизнь свою препроводивши в общежитии, в совершенном послушании и в отсечении своей воли, овые двадцать лет, овые тридцать, а другие сорок, пятьдесят и шестьдесят лет, достигли

совершенного бесстрастия, стали на высочайшей степени любви и беззлобия, сделались яко бесстрастные Ангелы. Другие достигли глубины кротости и смиренномудрия. Овые, достигши бесстрастия, получили дар слезный, и не могут никогда воздержаться от слез, ово о своих согрешениях, ово о своей братии, ово о всем мире, чтобы всему миру простил Господь грехи. Овые получили дар радостных слез, и всегда плачут от радости, что много любят Господа своего, и чувствуют великие Его милости и благодеяния к роду человеческому, и что сподобил их отлучиться от суетного и многмятежного мира сего, и прийти в тихое и небурное пристанище монашеской жизни. Овые получили дар пророчества, откровения и видения, а другие – дар восхищения ума к Богу; и сии дары открывают только своим пастырям, духовным отцам, которые могут отличить истину от обольщения, и яко искусные вожди все прикрывают одним смиренномудрием, и приписывают все великому Господню человеколюбию и молитвам братии; а наипаче заповедуют блюстись обольщений врага нашего древнего, диавола: ибо он преобразуется в ангела света. Каждому отцы духовные дают наставления – беспрестанно помнить и призывать имя Господа Иисуса Христа, просить Его великого милосердия, плакать о своих согрешениях, и не скрывать никаких помыслов, ни даров.

Сии духовные воины, во плоти сущи, побеждают бесплотного врага диавола, все его козни разрушают послушанием и смирением, и все его прелести обличают, и до конца упраздняют духовных отцов рассуждением.

Препровождая такую жизнь и благодушно переплывая сие житейское море, они достигают тихого и небурного пристанища, и переходят в небесное и вечное отечество, идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Когда кто из них заболит, то отходит на больницу, а ежели не может сам идти, то отводят, и пекутся о его здравии: никакая мать не может ходить за своими больными детьми так, как духовные братия пекутся о больных; и для них читают особенное правило, и почти ежедневно причащают. Удивительно – что, вообще, больные во св. Горе много не лежат, но или скоро

выздоровливают, или скоро отходят на вечную жизнь, и умирают яко засыпают...

Это все я говорил об отцах, живших в монастырях или близ монастырей. Но на св. Горе Афонской много есть совершенных отшельников и пустынножителей, живущих в глубочайших пустынях и в непроходимых местах, кругом самого Афона, в горах и в дебрях и в пропастях земных, где мало проходят люди. Живут в пещерах. Одежда на них от многолетия обветшала, и ходят полунагие, а иные покрыты власами. Питаются травами и зелием, а иные питаемы самим Богом. От людей они укрываются, и мало кому показываются. Случается находить их кельи, но заставить самих редко. Одни монахи застали одного, и с ним разговаривали. Они спросили: – Давно ли пребываешь в пустыне, и откуда пришел? Он им ответил:

– Вам мою мирскую жизнь знать не нужно; только, в самой юности оставил я мир, и пришел на Святую Гору, и уже 50 лет здесь пребываю. 10 лет прожил в монастыре под послушанием, а 40 лет живу в пустыне сей, и никого из отцов не видел, кроме вас и своей братии! Они спросили:

– А разве ты не один живешь в пустыне сей? Он ответил:

– Нет, нас здесь живет до 40-ка человек, питаемых Богом! Они еще спросили:

– А как вы проживали в течении тех лет, когда Святая Гора была почти разорена, и всюду ходили турки и разбойники? Он ответил:

– Ничего мы не видели и не слышали!

Потом поклонившись, пошел во внутреннюю пустыню.

В 1844 году отцы из скита Кавсокалива ходили по непроходимым пустыням, где собирали полезные травы для продажи. Из числа их был один русский монах Давид. Он рассказывал, что нашли они одного пустынножителя, уже скончавшегося и лежащего на земле, и одежды никакой не имущего. Неизвестно – давно ли скончался; но тело ни какому тлению не предалось, и испускало некое благоухание. Они, отпевши погребение, похоронили, но имени не узнали.

В 1846 году 3 человека ходили на верх Афона, и зашли в пещеру, где спасался преп. Петр Афонский, и узнали, что в ней

некий пустынный живет, но самого его увидеть не сподобились: ибо услышав, что идут люди, вышел вон. Они посмотрели его имущество: одна икона, четки, сосуд с водою и трава для пищи; хлеба не имелось; ложе – голая земля.

Можно сказать, что святая Гора подобна пчелиному улью: как в улье многое множество пчелиных гнезд: так на Афоне много монашеских келий. Как в улье непрестанно жужжат пчелы: так на Афоне иноки день и ночь жужжат, глаголя Давидовы псалмы и песни духовные.

Духовник о. Григорий – грек

Духовник о. Григорий жил в кельи св. царей Константина и Елены близ монастыря Пантократора. Родом грек из страны Каппадокийской, великий постник, ибо дважды в неделю употреблял пищу, а в посты один раз в седмицу. Он от юности оставил мир, родителей, имение, и когда ему было 18 лет, пришел на Святую Гору, где прожил 40 лет у своего старца в послушании, и был ему во всем подражателем. Старец постриг его в монашество и благословил принять священство и духовничество. По прошествии 40 лет в 1840 году старец отошел ко Господу, оставив его по себе наследником богатства духовного и, что было, телесного, и препоручил ему двух учеников. Григорий, похоронив своего старца, через некоторое время призвал учеников своих сказать им: «Чада мои, не могу вам быть за старца и наставника, хотя и 40 лет был в послушании и учился монашеству, но еще имею нужду много учиться, и не могу быть на своей воле. Пойду в Руссик в общежитие, и там поучусь совершенному монашеству, смирению и терпению. Вы же, если хотите, оставайтесь в этой кельи, или идите в какой-либо монастырь.

Скорбно было ученикам слышать такие слова от своего старца, и они много его упрашивали остаться, равно и вся братия Пантократорского монастыря и прочие, близ живущие отцы, но он ответил им: «Отцы и братия! Не могу быть я вам пастырем или духовником; сам еще требую многому учиться. Пойду проверю себя в общежитии и еще поучусь совершенному монашеству. Слышал я неоднократно от своего старца, что пустыня страсти только усыпляет, а общежитие умерщвляет и искореняет; и я боюсь их, хотя и 40 лет прожил в пустыне со старцем. Но вот старец умер, и я опасаюсь, чтобы страсти во мне не проснулись и меня не погубили, и вот, из-за этого я не могу быть с вами.

И так он перешел в Руссик почти в одно время с нами (инок Парфений) в 1840 году. И меня привел Господь с ним пожить; мы вместе ходили на послушание. Хотя он был духовник, но на

всякое послушание ходил прежде всех и пред всеми смирялся, и всем покорялся.

Такую имел он чистоту сердечную и дар прозорливости, что провидел тайные помышления. Я, грешный, на себе это испытал. Однажды собирали мы масличные ягоды – вся братия и он с нами, только какие-то обуревали меня помыслы. Он подошел ко мне, ударил меня рукой по плечу и сказал мне по-гречески: «Отче, зачем ты принимаешь такие помыслы? Они от диавола, гони их прочь от себя!» Услышавши это, я испугался, поклонился ему до земли, просил его святых молитв. Потом так умилилось сердце мое, что никак не мог удержаться от слез. Я благодарил Господа Бога моего Иисуса Христа и Божию Матерь, что сподобился в одной обители жить и на послушание ходить с такими старцами.

В то же время в Руссике жил схимонах о. Мартиниан, грек, в совершенном послушании и в отсечении своей воли, и сделался незлобив как младенец. Такую имел любовь ко всем, что за всех душу свою полагал, и всех немощи на себя принимал. Он такую имел от Бога благодать и чистоту сердечную, что провидел внутренние тайные помышления. Русского языка он не знал, но часто нас русских обличал, и давал душеполезные наставления. Иногда по-русски говорил так, что и русскому так не сказать, а после опять ничего не понимал по-русски, так что мы очень удивлялись.

Но тяжело было отцу Григорию в общежитии больше из-за поста, потому что игумен всегда ему благословлял ходить в трапезу, чтобы мог проходить послушание и наставлять братию. Скоро его сделали духовником всей братии. Всего жил он там 2 года. Пантократорская братия всегда к нему ходила, и со слезами его просили возвратиться к ним, потому что не могут они себе найти по совести другого духовника. Просили и старцев, чтобы посоветовали ему возвратиться к ним, и игумена, и вот, в конце концов, он возвратился в свою келью, отчего исполнил великой радости монастырь Пантократор и всю Карейскую братию.

Духовник о. Григорий-Болгарин († 1839)

Отец Григорий родом был болгарин, из самой Болгарии. С юности оставив мир, он пошел вослед Христа, когда ему было только 15 лет. По пришествии на Святую Гору он прожил на ней более 60-ти лет неисходно. 50 лет он был духовником, и говорят, такую имел благодать, что на духу грехов не спрашивал, но сам объявлял, и каждого доводил до слезного раскаяния. Он знал кому какое дать духовное врачевство, и кто что может понести. Приезжали к нему патриархи и архиереи просить у него наставления и получали разрешение в недоумениях касательно церковных канонов.

К великим грешникам был снисходителен, и всех привлекал к покаянию. Многие из разных стран шли к нему на покаяние и получали от него облегчение, так как он знал разные языки. Говорят, что он предвидел себе кончину. По смерти его, через 3 года, откопали его кости, которые оказались желты как воск. По вере афонцев это означает, что монах получил милость от Господа. Жил о. Григорий на Капсале и был он духовником великого русского старца о. Арсения.

Скончался он в 1839 году.

Духовник о. Арсений – русский († 1846 г.)

Родился он в России на великой русской реке Волге в Нижегородской губернии в городе Балахны в мещанской семье. Родившись от православных родителей, в святом крещении был наречен Алексеем. В отрочестве обучен был чтению и письму. Юность проводил в житейских и мирских попечениях, но Господь, провидя в нем Своего раба, не дал ему погрязнуть в мирских страстях и скоро вложил ему в разум заняться чтением Божественного и отеческого писания, в котором он скоро мог рассмотреть и узнать суету и прелесть мира сего – всю бесполезность о нем попечения души. На 20-м году Алексей оставил дом свой, родителей и пошел странствовать Бога ради по российским монастырям. Придя в общежительную Песношскую пустынь в Московской губернии, он решил там остаться, где положил начало монашеской жизни, определившись в число братии и проходя послушание 3 года. Потом возымел желание идти за границу в молдавские монастыри, которые тогда славились великими старцами и подвижниками. Когда он открыл свое желание своему духовному отцу, то духовник благословил, хотя игумен не раз его отговаривал, однако он отправился в путь. Придя в Киев и поклонившись св. мощам киевских чудотворцев, нашел там себе спутника по имени Никита (он был из Тульской губернии) который до самой смерти, более 40 лет, во всех скорбях, трудах и подвигах был ему соучастник. Взявши благословение от киевских чудотворцев и помолившись им, отправились они в путь.

Придя в Молдавию и обойдя все молдавские монастыри и скиты, нашли себе духовного отца и пастыря в Балашевском скиту, находившемся в 4-х часах ходьбы от города Буташи, которому предали себя в полное послушание. Через некоторое время духовный отец постриг их в монашество и нарек Алексею имя Авель, а спутнику и сотруднику его – Никандр. Через несколько времени наставник их, видя их великие подвиги и смирение, понудил Авеля принять священство, «яко достойного

и в Писании искусного». Сознвая великую ответственность перед Богом и считая себя недостойным, он со слезами просил своего старца не налагать на него тяжкого бремени выше его сил, и оставить его работать Господу в простом монашеском чине. Но старец ему сказал что совершенному послушнику не подобает иметь своего рассуждения, а должно творить повеленное, и не учить своего старца, а быть послушливым даже до смерти. Авель поклонился ему до земли и сказал: «Прости меня, отче святой: согрешил пред тобой: делай как тебе угодно!» Скоро он был рукоположен в иеромонаха, и по согласию всей скитской братии был сделан духовником. Но хотя он и стал иеромонахом, однако своего послушания и смирения не изменил: повиновался своему старцу как простой монах, и никогда ничего не начинал без его благословения. Повиновались они оба с о. Никандром своему пастырю и наставнику в совершенном послушании и отсечении своей воли 18 лет. Проводив своего старца и пастыря на вечное упокоение, имея его ходатаем за себя пред Господом Богом, сами остались сиротами. Однако, по своей воле жить не захотели, а положили жить по-братски – одному у другого быть в послушании, и не разлучаться до самой смерти. Так и исполнили на самом деле. Хотя о. Никандр и желал о. Авеля иметь себе наставником, потому что он был иеромонах и духовник, но о. Авель никак не соглашался быть старцем, но положили жить по-братски. Жили они так некоторое время, и было обоим откровение от Бога, повелевающее им идти на Святую Афонскую Гору, и там продолжать оставшуюся жизнь. Они объявили один другому откровение, и начали собираться в путь. Услышавши о том, скитские и прочие отцы начали их отговаривать и говорили им, что в такое смутное время никак нельзя идти не только на Святую Гору, но и в Турцию; некоторые жили там и все ушли, потому что Святая Гора полна турок и разбойников; монастыри все заняли турки и стоят заперты, а в кельях живут разбойники, и что по всей Турции христианам почти проходу нет: повсюду христианская кровь проливается. Отец Авель им ответил: «Отцы и братия, поистине так, как вы говорите, – это и нам известно, но как Богу угодно, так да будет! И воистину так, как

говорили отцы, потому что недавно, в 1821 году, в Константинополе убили Патриарха Григория, и великое было там смятение. Но о. Авель чувствовал, что есть к нему зов Божий и есть Его святая воля идти ему на Афон. Он не послушал советов, а без сомнения веровал, что Господь не оставит их. Отец Авель и о. Никандр положили отправиться в путь. Что имели, раздали братии, а себе на путь оставили денег и книги.

Поехали в Галац и там сели на корабль и отправились в Константинополь. Приехав туда, увидели там горе и слезы, – кровь греческая лилась по улицам ручьями: греки им говорили: «Зачем вы, отцы, теперь к нам приехали? Захотели делить с нами горькие минуты? У вас в Молдавии не режут так баранов, как здесь режут людей, ежедневно по сто и по двести, и это – на площади, при всех, а по улицам неизвестно сколько. Отправляйтесь обратно в Молдавию, а на Святую Афонскую Гору лучше не ходите: по морю корабли не ходят, а посуху всюду разбойники, и сама Афонская Гора полна разбойников: в монастырях с монахами живут турки. Но наши отцы веровали и твердо надеялись, что будут они на Святой Горе.

В то время в Константинополе хлеб был весьма дорог, а они часть денег истратили на проезд, часть на пищу, и уже ничего не осталось, а книг никто не покупал. Они ходили по рядам, прося милостыню, и сами питались, да еще бедных греков питали, и так перезимовали в Константинополе. Сколько они там скорбей претерпели, про то только знает Тот, Кто их послал. Дождавшись весны, отцы положили свои книги у одного грека, а сами пошли посуху на Афон. Что в пути они претерпели, скорбей и напастей, и побоев, только один Бог был свидетель, Который видел их страдания и «яко злато в горниле искушал их, да сотворит светлейши». Почти каждый час нападали на них разбойники, но взять у них было нечего: ни денег, ни одежды у них не было. Иные только побьют, другие последние сухари возьмут, иные обругают, да и так пустят. И в таком пути пробыли они более месяца когда, наконец, дошли до Святой Горы. И что увидели они там? Жилища монашеские опустели, сады одичали и лесом заросли. Монастыри стоят

запертые, а ополчение Царицы Небесной разбежалось по разным странам: иные скрылись по непроходимым лесам, горам и вертепам, иные заперлись внутри монастырей, и мало где кого видно было. Отцы наши пошли к Самой игумении Афонской – в Иверский монастырь к чудотворной иконе Царицы Небесной, к Вратарнице Афонской. Когда они пришли к воротам монастыря, отцы иверские приняли их и привели их в церковь поклониться Царице Небесной. Пришедши туда и увидевши Ее икону, они весьма обрадовались: пали на колени перед Нею и многие слезы проливали, прося Ее принять их в свой Святой жребий – Святую Афонскую Гору. Еще тому много радовались, вкупе и удивлялись, что в такое смутное время, когда ополчение Ее все разбежалось, Она, Царица Небесная стоит на Своем месте веселая и радостная, во всем Своем полном убранстве, украшенная золотом, серебром, и драгоценными камнями. Турок полон монастырь, а не могут Ее святую икону похитить. Отцы наши спросили греков, почему не убрали и не спрятали ее? Или почему не сняли с нее украшения? И почему турки с нее богатства не похитили? Отцы иверские им ответили: «Куда нам ее убрать и зачем? Она наша Покровительница и Защитница – Святой Горы Назирательница, хотя и наказала нас за грехи наши, но лица Своего не отвратила от нас, и не до конца разгневалась на нас, но еще с нами пребывает, и как Она на нас весело смотрит, то еще имеем надежду, что пройдут эти скорби, теперь у нас только радости и утешение что Она, Владычица, с нами пребывает. А когда находят на нас скорби от турок и от недостатков, то мы к Ней прибегаем, и обретаем в скорбях своих утешение. Вы говорите: почему турки не похитили с нее богатства? Не только они не могут снять с нее богатство, но и в малый сей храм не могут войти. Вот уже третий год в монастыре живут, а еще ноги их не было в храме этом. Когда разозлятся на нас, начнут требовать от нас золота и серебра, или церковной утвари, то мы отвечаем, что не имеем, хотя и есть, но спрятано. Когда же турки угрожают нам, мы им показываем эту святую икону и говорим: «Вот, на этой иконе много золота, серебра и драгоценных камней; если вам угодно, то возьмите себе!» Они же, стоя в дверях, говорят: «Мы не

можем к ней подступить; вон Она на нас как сердито смотрит», и отходят с посрамлением, а мы благодарим Царицу Небесную, что Она Сама Себя защищает, и нас грешных спасает и покрывает. И за то еще благодарим, что послала турок смирить нас грешных; если бы их не было, то нас разбойники совсем разорили и опустошили!

Еще скажем вам одну вещь: с год тому назад, великое было смущение и тревога на Святой Горе, так что и остальные отцы хотели бежать вон. Прежде этого смущения на Святой Горе насчитывалось всей братии несколько тысяч, ныне осталось не более одной тысячи, и те хотели оставить и бежать, кто куда знает, и полагали, что совершенно Божия Мать оставила Святую Гору, и оттого запустеет она. Но когда начали так помышлять, тогда скорая Помощница, Царица Небесная, Владычица наша Богородица явилась многим отцам и пустынникам, и сказала: «Почто очень испугались, и почто входят помышления в сердца ваша? все это пройдет, и паки наполнится Святая Гора монашествующими. Вот даю вам извещение, что когда Моя икона будет находится в Иверском монастыре, то ничего не бойтесь, а живите в своих кельях. А когда изыду из Иверского монастыря, тогда каждый да берет свою торбу, и грядет куда знает! И теперь все пустынножители каждую неделю приходят к нам в монастырь, и смотрят, на своем ли месте стоит Божия Мать? И увидевши, опять возвращаются в свои пустынные кельи.

Отцы наши, слышавши сие, очень обрадовались: во-первых – о покровительстве Царицы Небесной, во-вторых – о том, что много еще есть пустынников.

Потом иверские отцы привели их в гостиницу, и покоили целую неделю. Потом сказали: «Отцы Святые, мы вас на первый случай упокоили; а больше уже нас не отягощайте, потому что нам теперь и самим пищи взять негде: у нас 40 человек турок, а кормить их нечем: всюду разбойники, а доходов никаких нет. А вы возьмите в нашем скиту одну келью с малою церковью: там станете огород обрабатывать и рукоделием заниматься, и так пропитаетесь как-нибудь. А какая

в чем будет нужда, мы поможем; а ночевать ходите в монастырь!

Отцы наши поблагодарили иверских отцов за их страннолюбие, взяли в скиту одну келью, и начали там проживать: огород возделывали и ложечки делали, но рукоделие их тогда никто не покупал. И так прожили все смутное время – более четырех лет. Чем они питались, – одному Богу известно, а сами никому не сказывали; хлеба в то время достать было трудно. Часто я своего старца спрашивал: – Отче святой, чем вы питались в то смутное время? – Он же мне отвечал: – А что Господь сказал в Евангелии? – Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Матф. 6, 33) – и паки: Воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их (Матф. 6, 26). Так и нас Господь пропитал! Так отцы наши пропитались, и не они одни, но более тысячи оставались на Святой Горе, и всех Бог пропитал.

В те годы собрали они себе великое богатство духовное: скорбями и терпением в недостатках телесных потреб они процвели и созрели, и плоды принесли. За то наградил их Владыка Царь Небесный дарами Духа Святого, и даровал им помощь одолеть врага диавола, победить страсти душевные, вкупе и телесные. И достигли они в тихое пристанище душевного спокойствия и безмолвия, сиречь соединения ума с Богом. Отцу Авелю дал Господь дар рассуждения, вкупе и прозорливства, отцу же Никандру – дар слезный: ибо плакал день и ночь до самой смерти.

Когда после смутного и скорбного времени послал Господь Бог на землю мир, разрушились рати и войны, пропали все разбойники, всюду настала тишина и спокойствие, тогда и братия паки стала сходиться на Святую Гору. Тогда и православные христиане потекли на поклонение. Тогда начало продаваться и рукоделие. Пришел один купец и купил все у кого что было. Отцы наши продали все свои ложечки, и получили за них 2000 левов. Отец Никандр сказал: – Теперь, отче, поправим наши нужды! – Отец Авель ему отвечал: – Да, теперь поправим!

Потом в скором времени пришел к ним один мирянин просить милостыню. О. Авель спросил его: откуда, и какую имеет нужду? – Мирянин же ответил со слезами: – Я отче святой, с острова Хиоса; жену и детей моих взяли турки в плен. Турчанин за них просит 5000 левов, и я собираю их другой год. Набрал, слава Богу, 3000; а еще надобно 2000. Бог даст, и это помаленьку соберу! – Выслушав сие, отец наш сказал ему: – Взойди ко мне в келью, и я чем-нибудь помогу тебе! Он взошел; отец же наш вынул все деньги, что имел, и дает ему: – Возьми, иди и выкупи жену свою с детьми! – Мирянин же ему ответил: – Отче святой, что вы надо мною глумитесь? мне и без того скорбно; а дайте мне одно лево, я и пойду!

Отец ему опять сказал: – Нет чадо, я не глумлюсь, я духовник, как могу глумиться, а ты возьми! и проводил его за двери. Мирянин с радостью пошел в путь свой. Отец же Никандр, видя сие, горькими слезами заплакал, и сказал: – Отче, что ты это сделал? почему ты все деньги отдал? 4 года мы трудились, и думали нужды поправить, а теперь опять скорбеть будем! – Отец наш сказал ему: – Ох, о. Никандр, когда мы будем совершенными монахами? Уже Господь нас провел сквозь все скорби, а ты еще немоществуешь. В самое трудное время нас Господь пропитал: теперь ли не поможет? Теперь, слава Богу, рукоделие продается; опять будем работать, да продавать, а лишние деньги в клад Богу отдать: а что чужие беречь? Еще и ум от Бога отвлекают. Станем на молитву, а ум – к ним! И Господь сказал: «Идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше» (Матф. 6, 21). Пусть они лежат у Бога, а мы будем и сердце там держать! – Тогда о. Никандр умилился, и пал ему в ноги, плакал и просил прощения. От того часа о. Никандр ни во что не входил, а только до самой смерти плакал. Вскоре оба постриглись в великую схиму. О. Авель был наречен Арсением, и принял схиму от одного схимонаха Арсения. Отец же Никандр был наречен Николаем, принял схиму от отца Арсения. И стали они жить как старец с учеником, и прожили в скиту Святого Иоанна Предтечи 10 лет.

Когда умножилось в скиту число братий, началась молва, а по причине огорода и сада требовалось житейское попечение,

то обоим стало от сего тяжко. И согласились они оба удалиться во внутреннюю пустыню, на совершенное безмолвие, чтобы никаких телесных и житейских попечений не иметь, а жить одним с единым Богом; ибо пустыннолюбивый и безмолвный не может терпеть молвы и суеты. И оставили скит и келью, и взяли келью уединенную, от скита один час ходьбы и от Иверского монастыря один час, на холме, в самой непроходимой пустыне, во имя Святого Иоанна Златоуста. Прежде это была великая келья, но во время смущения до основания почти разорена. Они ее устроили только в малом виде, и церковь освятили, и две кельи приделали. И положили они начало жизни своей по пустынному уставу: ни какими попечениями житейскими не заниматься, ни садом, ни огородом, хотя и были масличные деревья, но они за ними не смотрели. Когда поспевали плоды, то отцы приглашали кого знали бедного, и ему поручали набрать плодов. Я (инок Парфений) самовидец строгой их жизни, и многожды мне случалось у них ночевать. Много я присматривался к их жизни, и сам желал с ними пожить и поучиться от них монашеству. Но они с собой жить никого не принимали, и говорили: – С нами жить никто не может. Мы едва в 30 лет достигли в эту меру жизни, и теперь еще искушаемся и изнемогаем, хотя дух бодр, но плоть немощна, аще не бы благодать Божия подкрепляла нас! – С того времени, как они пришли на Святую Гору, о. Николай прожил 19 лет, а о. Арсений 24 года, и не вкусили они ни рыбы, ни сыру, ни вина, ни масла. Пища их была сухари, моченые в воде, и те носили из Иверского монастыря на своих плечах на гору. Еще любили стручковый красный перец. Вот повседневная их трапеза: сухари, перец и баклажаны, – случался и лук, ежели кто принесет. Соленые маслины и смоквы предлагали только гостям. Таковой их трапезы и мне многожды случалось быть соучастником. И всегда кушали однажды в день, в третьем часу по полудни, а в среду и пяток оставались без трапезы.

Устав их жизни был такой: после трапезы до вечерни занимались по кельям чтением духовных писаний. Потом вечерню правили по уставу, – читали всегда со вниманием и со слезами, не борзясь, тихо и кротко, потом повечерие с канонем

Богородице, и на сон грядущим молитвы. Ночь всю препровождали в бдении и в молитве, и в поклонах. Ежели сон их преклонял, то сидя мало давали место сну, не более часу во всю ночь, и притом неприметным образом, а более нудили себя и часто ночью прохаживались. Часов у них не было, а всегда знали который час, ибо под горою, в Иверском монастыре бьют часы на колокольне, и они всегда слышали. В самую полночь сходились в церковь на соборную молитву, и там читали полунощницу, а потом утреню по уставу; после утрени читали всегда канон с акафистом Пресвятой Богородице. Потом предавались безмолвию, пока рассветает. Потом занимались рукоделием, делали по 10-ти ложек на брата. Работали в разных местах. Разговоров между собою отнюдь никогда не имели, разве только о нужном и необходимом, а пребывали всегда в молитве и хранении сердца, а ложки делали самой простой работы. Потом читали часы и молебен Божией Матери, а потом трапезовали. И так проводили дни и ночи в беспрестанной молитве и рукоделии.

Еще старец любил часто служить литургию: когда были вино и просфоры, то почти каждый день служили. Но великую нужду имели в вине и просфорах. Служили литургию больше только вдвоем. Иной раз мне случалось быть там и слушать их «громогласную» литургию и «музыкальное пение», слезами растворенное. Вижу двух старцев, постом удрученных и иссушенных: один в алтаре, пред престолом Господним, стоит и плачет, и от слез не может возгласов произносить, только едиными сердечными воздыханиями тихо произносит; а другой стоит на клиросе и рыдает, и от плача и рыдания, еще же и от немощи телесной, мало что может слышать. Аз же грешный, между такими великими огненными столпами весь был одержим страхом и ужасом, не знал куда направить свой слух: в алтарь ли, или назад? всюду побуждают меня на плачь. Но хотя человеческим ушам и мало слышно, но на их литургии Сам Господь призревал, по обетованию: На кого воззрю? токмо на кроткого и молчаливого, трепещущего словес Моих (Исаии 66, 2). Здесь «Трисвятую песнь» припевали, ни единого житейского попечения не имущие, и воистину ничтоже земное помышляющие;

здесь посреде двоицы Сам Господь пребывал, по обетованию: идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреди их (Матф. 18, 20). Сии два старца столь возлюбили Господа своего, что ни на одну минуту с Ним не хотели разлучиться, но всегда с Ним беседою соуслаждались, умом и сердцем и устами. Только у них было и разговоров, что о молитве, или о любви к Богу и к ближнему. А ежели бы кто стал при них говорить стропотное о своем брате, то они прекращали беседу. Они всякого ближнего любили больше нежели себя, что явно показывали дела их. Они всегда старались, чтобы каждый был спокоен. Кто бы к ним пришел с какою нуждою, они никого из кельи своей не выпускали скорбящего. Кто телесные ради потребы скорбел, того они награждали, хотя бы и сверх силы их: последние свои книги отдавали в залог, и уже после, как им Бог поможет, выкупали. Кто душевную скорбь имел, того утешали благими своими беседами. Бедные имели в них помощников, скорбящие – утешителей, страстные и немощные грехами – скорое исправление и освобождение.

Я же о себе скажу: когда пришел на Святую Афонскую Гору, то не имел у себя почти ни одной копейки. О. Арсений благословил мне учиться выделявать ложечки, а мне не на что было купить инструмент. Когда я ему открылся, он сказал мне: – О том не скорби! – взял с окна сумочку, высыпал деньги, пересчитал, и дал мне все, сколько было, и сказал: – Возьми, только всего имею 30 левов! – Я заплакал, и сказал: – Отче святой, а себе что не оставили? – Он же мне ответил: – Мы сыты будем, о нас не имей печали: нам Бог пошлет. А сколько надобно денег на инструмент? – Я сказал, что 50 левов. Он пошел в церковь, принес оттуда книгу, отдал мне, и сказал: – Иди, и заложу у Кореневых (два русских монаха, двоюродные братья, жившие в кельи Преображения Господня, напротив Кутлумушского монастыря) и возьми денег, сколько надобно, а я после выкуплю их! – О, каких слез мне сие стоило: я всю дорогу проплакал.

У него первый вопрос был всякому: Что, доволен ли? не имеешь ли какой нужды? Еще скажу здесь об одном случае в мою бытность на празднике Успения Божией Матери: Один мой

духовный брат, именем Феоклит, сколько имел у себя денег, 150 левов, взял все на праздник купить себе рясу и холста. Пошел, и потерял все, и сделался весьма печален и скорбен. Увидавши его, духовник о. Арсений спросил: – Что такой скорбный? – Он сказал, что потерял все деньги. Старец спросил его: – Разве нужду великую имеешь? – Потом вынул свою сумочку, и дал ему, сказав: – Вот, только имею 60 левов, иди и купи, что тебе нужно! – О. Феоклит взял, и пошел от него; потом сам себе размыслил: – Я человек молодой, могу работать, а они стары и немощны, и отдали мне последнее: надеются они на Бога, что сыты будут; меня ли Господь оставит? Пойду и отдам назад! – Пошел, и стал о. Арсению отдавать назад деньги, а старец не берет. Он же упал ему в ноги, и со слезами едва упросил, чтобы взял. Старец же, взявши, сказал: – Не будешь ли скорбеть? – О. Феоклит ответил: – Не буду, отче святой, теперь мне радостно, что вы назад взяли!

Довольно лет прожили они в своей пустыне, и возымели желание сходить в Святой Град Иерусалим поклониться Живоносному Христову Гробу, и не оставил Господь рабов Своих. В 1836 году приехал из России на Святую Гору иеромонах Аникита, князь Ширинский-Шихматов, великий постник, – обошел всю Афонскую Гору, посетил и сих двух постников в их пустыне, занялся с ними духовной беседою, и весьма их полюбил, и избрал о. Арсения себе в духовники. Потом предложил: не угодно ли с ним заедино путешествовать в Иерусалим? Они согласились. Князь много радостен был, что таких будет иметь спутников. И сходили во Иерусалим, и прожили там всю зиму, и проводивши святую Пасху, возвратились на Святую Гору, и паки водворились в своей кельи. Но только я сам слушал из уст самого духовника, что когда ходили в Иерусалим, столько претерпели скорбей, что единому Богу известно. Я спрашивал: – Какие скорби, отче, и от чего они вам приключались? Разве от недостатка телесных потреб? – Он мне ответил: – Нет, мы были всем довольны от Бога и от людей, лучше быть нельзя: в Иерусалиме поклонники задарили нас червонцами, но мы их, милостию Божией, все бедным арабам раздали. Но скорби были другие: столько лет

сидевши в пустыне, мы уже почти мир и позабыли, а туда пришли в самую суету. Более скорби терпели мы за пост: все утешаются, все нас просят, все почитают, но мы, не могли вместить сего, только скорбели, и не знали как доехать до Святой Горы.

По приезде на Святую Гору, о. Николай упросил духовника, чтобы приходящих посетителей в келью к нему никого не допускал, чтобы его не беспокоили. За год до смерти о. Николая было им обоим во сне откровение: о. Николаю был голос, что он уже переплывает великое и многоволнистое море, и достигает в тихое пристанище. И о. Арсению был голос, что он приближается к великому и прекрасному граду, заканчивает свой путь. Оба старца поведали друг другу видения и познали, что они от Бога, и уразумели, что приближается их кончина. Тогда приложили пост к посту, и к слезам слезы, и начали готовиться к отшествию своему. За полгода до смерти, о. Николай лишился зрения телесными очами, но душевными совершенно зрел. Ибо открыл ему Бог угодников своих на Святой Афонской Горе, в живых еще пребывающих, о чем сказывал о. Арсению, бояся, да не впадет в какую бесовскую прелесть. О. Арсений весьма его предостерегал, и не велел ему доверять видениям, а только плакать пред Богом, и просить в грехах своих прощения. О. Николая посетили другие телесные болезни: не мог уже и в церковь ходить, но более на одре сидел, и то нудился, отнюдь не хотел лежать на ребрах. Но когда в субботу или в неделю захочет духовник отслужить литургию, – придет в келью к о. Николаю, и скажет: – О. Николай, литургию бы надобно отслужить! – Он же весело ему ответит: – Служи, отче! – Духовник скажет: – Как я буду служить? ты болен, а одному невозможно! – О. Николай ответит: – Я приду и помогу тебе! – И встанет с одра своего и пойдет: и правило прочитают, и литургию отслужат. О. Николай причастится Святых Таин Тела и Крови Христовых, возьмет просфору, и ею почти неделю питается, а другой пищи никакой не употреблял. И так жили полгода.

Каждую неделю была литургия, а иногда две, а певец и чтец был больной и слепой, однако за ним не было остановки, и

всегда к своему послушанию был готов. В субботу мясопустную так же служили литургию, – потом о. Николай пошел в свою келью, а духовник, убравшись, в свою. Вскоре о. Николай пришел к духовнику, пал ему в ноги, и говорит: – Прости меня, отче святой, что я не во время к тебе пришел: ибо имею нужное тебе сказать! – Духовник сказал: – Бог тебя простит, говори что имеешь! – Тогда о. Николай, исполненный слез начал говорить: – Отче святой, когда после литургии я прошел в келью и сел на одре моем, – тут же открылись очи мои, и начал видеть хорошо, и тут же отворилась дверь кельи моей, и исполнилась вся келья света. И вошли три человека: два юноши со свечами, посреди их муж в священнической ризе, неизреченной славой сияющий, и подошли ко мне. Муж в облачении говорит мне: – Узнал ли меня – кто я? – Я дерзновения исполнился, и ответил ему: – Воистину узнал – кто ты! – Он паки спросил: – А кто я? – Я ему ответил: – Воистину ты – о. Аникита, наш друг и сопутешественник во Иерусалим, и уже третий год как помер! – Он же начал мне говорить: – Воистину, о. Николай, это я и есть. Видишь ли, какую славою наградил меня Царь мой Небесный, Иисус Христос? И тебя также наградит: после четырех дней освободишься от всех скорбей и болезней, и меня Господь послал утешить тебя! – И сразу же вышли из кельи, а я остался один, и опять закрылись очи мои, но наполнилось сердце мое неизреченной радости! – Отец духовник, выслушавши сие, сказал ему: – Блюдись, о. Николай, да не искушен будешь, а сему не доверяй, но уповай на Бога, и проси Его милости! Отец же Николай опять сказал: – Отче святой, прости меня. Буди воля Господня надо мною: но исполнилось сердце мое неизреченной радости. Прошу тебя, отче: служи теперь каждый день литургию, а я буду готовиться и причащаться Святых Таин! – Духовник сказал ему: – Хорошо, я буду служить: только чтобы за тобой не было остановки! – И тогда пошел о. Николай в свою келью.

Литургия была в неделю и в понедельник и во вторник, и о. Николай был причастником, и ему стало легче. В среду на сырной неделе были часы, в четверток опять была литургия. О. Николай читал и пел на литургии, и причастился. Потом

духовник по обычаю дает ему просфору, но он не взял, а только сказал: – Отче, взойди ко мне в келью! – и духовник за ним пошел. О. Николай сел на одре, спиною к стене, и начало лицо его изменяться и играть румянцем, а он, возведя очи свои на небо, был в исступлении. Потом пришел в себя, и начал говорить: – благодарю тебя, отче святой, что ты претерпел от меня до кончины моей все мои недостатки, и довел меня до царствия небесного! Духовник спросил его: – О. Николай, что видишь? – Он же сказал: – Вижу, отче, что пришли за мной посланники, и разодрали мое греховное рукописание: уже, отче, благослови! Духовник сказал: – Бог тебя благословит! – Он же сказал: – Рукою благослови! – Духовник благословил рукою. Он же, взяв руку, поцеловал ее, и еще не выпустил ее, как возвел очи на небо и тихо испустил глас: – Господи, в руке Твои предаю дух мой! – И сразу же отдал душу свою Господу, Ему же от юности своей поработал, и верою и любовью послужил. Воистину честна пред Господом смерть преподобных Его. (Пс. 115, 6). Скончался он в 1841 году, февраля 6-го дня, на сырной неделе в четверток. Мы тогда жили в Руссике. К нам известие дошло уже в субботу вечером, и мы пришли в воскресенье, на четвертый день. Сошлось на погребение много русской братии, все ученики о. Арсения. И все удивлялись: лежит о. Николай, как живой, ни чем в лице не изменился, руки и ноги – как у живого, не окоченели, все члены и составы мягки, и из уст исходит приятное благоухание, подобно фимиаму, и вся братия радовались и прославляли Бога. Похоронили его в сырную неделю, и разошлись.

О. Арсений остался один с единым Богом, и сам готовился к исходу. Многие просились к нему в ученики, многие желали с ним жить, но он никого не принимал целый год. Потом получил от Бога извещение, чтобы остался на время еще пожить в мире сем, ради прочих братий. Тогда он начал принимать всех желающих с ним жить, и в скором времени собрал 8 человек. Тогда заставила нужда оставить эту келью невместительную, и ушел он со всеми учениками в скит Лак, в самую далекую пустыню. Взяли там большую келью, и водворились.

Скитские отцы весьма обрадовались, что пришел к ним такой светильник, который может всех осветить своею жизнью; но русские братия, жившие близ Кареи и на Капсале, весьма скорбели, что удалился от них отец их. Впрочем, хотя далек и труден был путь, но от своего утешителя не отстали, а и туда труждались ходить. Духовник же им не велел труждаться, но другого себе избрать духовника, ближе. А они ему ответили: – Отче святой, много духовников есть, да отца и утешителя в скорбях наших не можем найти!

Ученики, жившие с о. Арсением, многие не вместили его жизни и нестяжания, и вознамерились отлучиться от него, и стали просить у него благословения, чтобы отпустил их избрать себе на Святой Горе другое место для жительства. Он же начал их увещевать, и говорил: – Чада мои возлюбленные, чем вы не довольны? Или чем я вас отяготил? Если скорбите, что много трудов, то сидите вы каждый в своей кельи, на безмолвии, только не оставляйте келейного своего правила и соборной службы, упражняйтесь всегда в богомыслии и в беспрестанной умной молитве, всеми силами старайтесь очищать внутреннего человека, и не принимайте никаких прилогов диавольских. Открывайте все свои помыслы, и не скрывайте их, да не обладает кем из вас диавол. Или вы пищею не довольны? И о том не скорбите. Все нам Господь потребное пошлет к насыщению и к утешению, ибо Он сказал: Ищите прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам (Матф. 6, 33)! – Но некоторые ученики не послушали наставления старца, и говорили: – Кто может вместить твое нестяжание? Что Господь нам и пошлет, то ты все раздашь прочим! – Он же сказал им: – Кто хочет со мной жить, – да подражает мне, кто не хочет моею последовать жизни, – да живет где хочет: я благословляю, – только внутри Святой Горы Афонской, а вонь из Святой Горы выходить благословения не даю, кроме особенной Божией воли! – После сего многие разошлись, кого куда назначил. Впрочем, отлучились телом, а духом и любовью все к нему остались привязаны. Поживши в скиту 3 года, по некоторым благословным обстоятельствам он

оттуда вышел с оставшимися учениками, купили келью Святой Троицы, близ монастыря Ставроникиты, и стали здесь жить.

О. Арсений много в жизни своей терпел гонения и клеветы, и даже почти самое изгнание, от завистливых людей. Воистину, как Апостол сказал, хотящие благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут (2Тим. 3, 12).

В одно время приехал на Афон из России, из Саровской пустыни, иеромонах Палладий, который определился на жительство в скит Святого пророка Илии и, немного поживши, умер. Малороссияне, жители скита, нашли после него лестовку и малую манатийцу, и все взбунтовались, закричали, что все великороссияне – раскольники. Давно они великороссиян ненавидели, и искали причины, дабы изгнать из Святой Горы. Навели следствие: греки и болгары весьма этому удивились, ибо они великороссиян больше любили нежели малороссиян, и много дивились таким необычным вещам. Однако малороссияне свое сделали, оклеветали великороссиян, а паче всех духовника о. Арсения (В 1838 году о. Арсений на короткое время был настоятелем Ильинского скита). лестовку и манатийцу отправили на рассмотрение к патриарху в Константинополь, и написали разную клевету. Патриарх, получивше сие, много тому удивился. Всем собором о сем рассуждали, и понимали, что какая-то есть клевета, ибо знали верно, что вся Великая Россия – православные христиане. Однако патриарх потребовал самого духовника Арсения на лицо. Услышавши сие, отправились оба в Константинополь, духовник и о. Николай. Отправились пешие, сухим путем с Афона до Константинополя верст 1000. Пришедши они явились к патриарху. Тот их обо всем расспросил, и узнавши клевету, очень сожалел о них. Потом показал им мантійцу и лестовку, и сказал: – А это что такое? – Духовник ответил, что иеромонах Палладий приехал из Саровской пустыни: – Там есть такой обычай, что такие мантии и четки имеют для келейного правила. – Патриарх сказал: – Слышал я про Саровскую пустынь. Очень одобряют ее уставы! – Потом спросил: – Каким путем пришли ко мне, по морю или посуху? – Они ответили: – Посуху, святой владыко! – Патриарх со слезами сказал: – Ох, отцы, как я вас

утрудил. Почему же вы не на корабле? – Они отвечали: – Не имели что отдать на провоз! – Патриарх дал им денег, и велел ехать на корабле, и написал на Святую Гору, чтобы впредь таких старцев не беспокоить, и клевет на них никаких не принимать, а кто дерзнет на них клеветать, да будет отлучен от Церкви и от Святых Таин. И так возвратились отцы наши домой, а уста клеветников заградились. Старец о. Арсений великие делал на Святой Горе распоряжения, и никто ему противоречить не мог: по его благословению взошли русские в Руссик; многих он оставил на Святой Горе препровождать жизнь свою, хотя и не желали; а многих выслал из Святой Горы, в разные места. Дивное поведали о духовнике Арсении: В 1839 году, в кельи русских братьев Кореневых лежал больной монах Иоасаф. В одну ночь сделалось ему очень тяжело, и, ожидая смерти, пожелал он духовника. У Кореневых тогда ночевали и посторонние, двое из них с фонарем пошли за духовником, а расстояние более 5-ти верст. Пришедши к духовнику, сказали ему, что умирает монах Иоасаф, и желает видеть его, и просили, чтобы поскорее шел с ними при фонаре, потому что ночь очень темная, да еще и дождь. Он же сказал: – Да, нужно скоро, точно умирает; вы идите вперед, а я сейчас уберусь, и с своим фонарем вас догоню! – Они просили вместе идти с ними и поспешить, но он их отослал, а сам обещался их догнать. Они пошли скоро, и соболезновали о том, как он пойдет один лесом и под дождем, да еще боялись, чтобы больной не помер до прихода духовника. По пришествии их в келью, их встретил монах Филипп, и сказал, что уже помер о. Иоасаф, и спросил: – Почему вы так долго не приходили? – Они сказали: – Мы шли скоро, и поспешали, чтобы застать живого! – Монах Филипп сказал: – Что вы оправдываетесь? куда-нибудь заходили в гости; уже духовник пришел более получаса, исповедал, причастил и отходную прочитал, и сию минуту о. Иоасаф скончался! – Они же, слышавши сие, очень удивлялись, зная, что не было и часа, как пошли от кельи духовника. Пришедши поклонились ему и спросили: – Отче святой, как вы скоро пришли? мы не видали, когда вы нас обогнали! – Он же сказал: – Нельзя было медлить и то едва застал, а я прошел прямым

путем, которого вы не знаете! – Они умолчали, хотя добре знали, что другой дороги нет, и помышляли, не тем ли путем он шел, которым пророк Аввакум из Палестины в Вавилон к пророку Даниилу, сидящему во рву, обед носил? Еще к двоим больным на Капсале приходил таким же образом.

Еще нечто дивное случилось в 1845 году: июля 4-го дня вздумал он идти на праздник в лавру пр. Афанасия Афонского. В этот день, отслуживши литургию, пошел он в путь кругом Афона, и пришел ко всенощному бдению в Лавру: расстояния же было от кельи его до монастыря св. Павла 8 часов ходу, а от св. Павла до лавры 7 часов ходу. В лавре отстоявши бдение и литургию, продолжавшуюся 16 часов, в трапезу не пошел, а взял хлеба и отправился в путь, и к вечеру пришел в свою келью, расстоянием 8 часов. Все много удивлялись тому: молодому надобно идти 3 дня, а он 70-ти летний старец, да еще и немощный, с больными ногами, простоявши 16 часов, все в полтора суток окончил. После спросили его: – Отче, как вы могли так скоро сходить, когда и путь все с горы на гору, по острому камню? – Он же ответил: – Обновися, яко орля, юность моя; не по естеству, а Божию помощью! В начале 1846 года старец Арсений приблизился к своей кончине; а еще раньше, видя как он один вскопал весь огород, спрашивали его: – Зачем вы, отче, много трудитесь? Почему не заставляете учеников своих? – Он же ответил: – Мне уже не много осталось покопать, а ученики еще без меня накопаются! – Потом сделался болен ногами, и не мог уже работать, ни ходить, но каждую седмицу служил 4 литургии: в воскресенье, среду, пяток и субботу, хотя с великим трудом: когда выходил с выносом чаши тогда ученики его поддерживали. На пятой неделе великого поста в субботу отслужил едва, едва. Марта 23-го числа, в ту же субботу известили по всей Горе всем его ученикам, что старец болен, чтобы все пришли получить последнее благословение. В воскресенье 24-го марта все рано сбежались духовные его дети: Из Руссика духовник о. Иероним, из Ильинского скита игумен о. Паисий, и прочих множество. Подошел к нему ученик о. Павел хромой, стал его спрашивать: – Отче святой, или хочешь нас оставить, от нас отойти? – Он же ответил: – Да, пришло время,

надобно долг отдать! – О. Павел опять спросил: – А что, отче, не боишься ли смертного часа, не ужасаешься ли и не трепещешь ли ответа праведному Судии? Ты был более 30-ти лет духовником! – Он же весело на него посмотрел, и сказал: – Страха и ужаса не имею, но некая радость наполняет мое сердце, и великую имею надежду на Господа моего, Иисуса Христа, что Он не оставит меня Своею милостью, хотя я добрых дел и не сотворил; ибо чем похваюсь, разве немощами своими? По своей воле ничего не сотворил, а что и сотворил, то помощью Господа моего и по воле Божией! – Потом приказал всем духовным своим чадам подходить по одному, и каждого прощал и разрешал, и давал последнее благословение и наставление, кому где препровождать жизнь свою, и упражнялся в сем деле почти до последней минуты своей жизни. Лежал он на галерее. Потом велел всем от себя отдалиться, и все пошли вниз. Он начал молиться, но не могли расслышать, что он говорил. Поднимал трижды руки к небу. Потом опустил их и затих. Тогда подошли и увидели, что он уже скончался и предал душу свою в руце Господа своего, Его же от юности возлюбил, и Его ради плоть свою до конца измождил. Воистину честна пред Господом смерть преподобных Его.

Потом начали убирать его к погребению. Когда открыли его ноги, то увидели ужасное зрелище: у обоих ног от колен вниз почти остались одни голые кости, а плоть вся сгнила от стояния и от многолетних ран, и все много удивлялись, на чем он стоял, и как он так скоро ходил. Никогда не сказывал, что больны у него ноги, и всегда стоял на ногах, и по Святой Горе летал как птица, даже не ощущали от них никакого дурного запаха. Похоронили его подле самого алтаря на кельи Святой Троицы, 1846 года, марта 25 дня.

И лишилась Святая Гора такого столпа и светильника: он поддерживал и просвещал всю русскую братию 24 года, и не только русских, но и греков, болгар и молдаван. Греки говорили: – Мегалос геронтос Арсениос! (Великий старец Арсений) – Но что много говорить? Если все его подвиги, добродетели и случаи подробно описать, то великую книгу надобно писать. Довольно сказать, что был на Афоне старец Арсений, и показал

образ жизни своим ученикам: не словом учил, но делом показывал.

О. Арсений росту был среднего, волосом рус, брада средняя с проседью, главу держал наклонену на правое плечо, лицом был чист и весел, очи наполнены слез, был весьма сух, но на лице всегда играл румянец, наипаче же, когда служил литургию, всех приводил в удивление на него зрящих, ибо лицо бывало яко огненное. Речь была кроткая, немногословная, говорил всегда просто, без ласкательства, решительно и без повторения. Весьма начитан был священного и отеческого писания, и всегда говорил и приводил свидетельства наизусть, чему удивлялись и ученые. Ученики с ним жившие никогда не видали его спящего или на спине лежащего, а больше на ногах, и мало когда сидящего. Он давал естеству своему мало сна, сидя, почти не приметно, и всегда упражнялся в молитве, в чтении и в рукоделии.

Учение и наставление о. Арсения было во всем согласно с древними отцами. Каждого учил жить по воле Божией и по совету старцев, а не по своему разуму и хотению. Многим казался тяжек через то, но как сам старался, так и другим строго внушал делать все и распоряжаться по Божией воле. Такого старца на Афоне не осталось из русских, разве только если после какой процветет. Хотя и много есть подвижников, но более из простых, и рассуждения такого не стяжали. Через 3 года, по афонскому обычаю, откопали его кости, они оказались желты как воск и испускали благоухание.

Духовник о. Венедикт – грузин († 1862)

Родиною о. Венедикта был Шорапанский уезд, Кутаисской губернии – древнее Имеретинское царство. Отец его был сельским священником по фамилии Киотишвили. Образование он получил домашнее от своего отца, и сам он потом служил сельским священником. Родной брат его находился в свите последнего имеретинского царя Соломона 2-го, и когда тот убежал в Турцию, тогда и оба брата Киотишвили находились при нем. По кончине царя о. Венедикт отправился в Иерусалим, где удостоился совершать литургию при Гробе Господнем.

Из Иерусалима о. Венедикт отплыл на Святую Гору где остановился в Пантелеймоновом монастыре. Это было в 1816 году. Здесь о. Венедикт, по известной только ему причине, не обнаружил своего священного сана. В это время монастырь только строился, и о. Венедикт трудился вместе с прочими рабочими. Один монах, бывший в Иерусалиме в то же время, когда был там о. Венедикт, как-то нечаянно увидал и узнал его. Пришедши к игумену, отцу Савве, он сказал ему: – Как же это вы обращаетесь со священником, заставляя его исполнять самые последние работы? Я видел его служащим при Гробе Господнем! – Отец Савва весьма удивился и, тотчас же призвав его, просил сказать ему всю истину. Смирившийся иерей признался. Тогда о. Савва наложил на него канон: 40 дней следить за всеми неугасимыми лампадами в параклисах монастыря.

В скором времени он узнал о строгом уставе греческого монастыря Дионисиат и, ревнуя о подвигах, ушел в этот монастырь, где постригся в схиму. Для назидания себя святоотеческими писаниями он брал грузинские рукописные книги в Иверском монастыре. Но долго ему не пришлось подвизаться в этой обители: по случаю греческого восстания нагрянули сюда турецкие солдаты и наполнили все монастыри. Однажды о. Венедикту случилось быть в Карее. Там увидали его солдаты и вступили с ним в разговор. По всей вероятности эти турки были из области Батума, где живет множество грузин-

магометан, потому что знали по – грузински. Потомки православных грузин, они хорошо обошлись с о. Венедиктом. Это заметили монахи Иверского монастыря, и они предложили о. Венедикту перейти к ним. Монастырь предоставил ему весьма почетное послушание: заведование параклисом Божией Матери, в котором находится чудотворная икона Царицы Небесной «Вратарница». Эта должность предоставлялась всегда более благоговейному из иеромонахов.

О. Венедикт к тому же был усердный постник: в понедельник, среду и пятницу он ничего не вкушал и не пил. На этом послушании о. Венедикт находился до прибытия на Афон юноши Василия т.е. до 1834 года. Часть доходов получаемых от разных поклонников всегда предоставляется в пользу заведующего параклисом. О. Венедикт все деньги, накопившиеся за это время, отдал монастырю. В признательность за его услугу и за жертву, монастырь предоставил ему на выбор одну из двух келий: св. пророка Илии или св. Василия Великого. Стремившийся к безмолвной жизни о. Венедикт избрал первую, стоящую на холме напротив монастыря с прекрасными видами на все 4 стороны. В этой келье желал безмолвствовать патриарх Григорий 5-й, в 1821 году, в 1-й день Пасхи, повешенный турками в Константинополе. В эту келью перешел о. Венедикт с учеником своим Василием, и прожил до самой смерти – 28 лет.

Внутренняя жизнь его была вполне сокровенною. Известно только, что суточное правило свое он исполнял по четкам. По вторникам, четвергам, субботам и воскресениям он неопустительно совершал литургию. В монастырь ходил на бдения только на Пасху, на Рождество и на Успение, а после бдения возвращался к себе для совершения литургии. В день праздника святого пророка Илии ему приносили из монастыря сласти и кофе, чем он угощал пришедших к нему на праздник.

Знаменитый старец о. Иларион грузин был духовным сыном о. Венедикта, и он как и все современные старцы Святой Горы высоко ценили духовные дарования и опытность в духовном руководстве старца о. Венедикта.

Старец преставился ко Господу 9-го марта 1862 года, в пяток третьей недели святой четыредесятницы.

Старец о. Виссарион – грузин († 1893)

Отец Виссарион родился в 1807 году в Гурийском княжестве, Грузинского царства. При святом крещении ему было дано имя Василий.

Родители его, протоиерей Максим и Анна принадлежали к дворянской фамилии Кикодзе. Отец его состоял при дворе владетельного князя Гурия, Мамия Гуриели, скончавшегося в 1810 году, вскоре после того, как отдал свое княжество в подданство России.

В тогдaшнее время образование молодых людей начиналось дома под руководством старших в семействе, и заканчивалось в стенах монастырей. Учебниками служили церковно-богослужебные и отеческие книги. В прежние времена в течении столетий в Грузии существовал обычай: через каждые 3 года посылать по 12 юношей в Афины для получения высшего образования. При этом большею частью избирались дети именитых князей.

Дед Василия, иерей Герасим, овдовев, вступил в монастырь «Намерневи» в Лечхумском уезде, Кутаисской губернии, и здесь под руководством этого старца находился юный Василий несколько лет. По кончине деда Василий немедленно оставил свою родину и удалился на Святую Афонскую Гору. Это случилось таким образом: сосед Василия путешествовал в Иерусалим, а оттуда на обратном пути заехал на Афон. Здесь он нашел духовника о. Венедикта, и, по просьбе его, тот постриг его в рясофор. По возвращении в Грузию он много рассказывал о высокой жизни его духовного отца, афонского старца. В числе слушателей был и отрок Василий, и он пожелал сразу поехать на Афон к старцу. О своем намерении он открыл отцу, но тот не соизволил его желанию, и не хотел отпускать его. Тогда Василий сам стал собирать деньги и объявил отцу о своем намерении непременно отправиться на Афон.

До Кутаиса он пошел пешком. Здесь он получил паспорт и пошел дальше до Поти по берегу Черного моря, где отыскал

корабль, имевший вскоре отправиться в Константинопль.

Во время плавания Василий познакомился с одним купцом – армянином. Узнав от Василия о цели его путешествия и о скудости средств, посоветовал ему, когда пристанут в Трапезунд, сойти на берег и обратиться за помощью к турецкому паше, человеку очень милостивому к христианам. Василий принял этот совет, и лишь только корабль бросил якорь в пристани, он вместе с купцом съехал на лодке на берег. Проводив его до дома паши, армянин предложил ему одному безбоязненно войти. Паша приказал его впустить. Василий не потерялся и не унизился как христианин перед мусульманином. Войдя в комнату, где по восточному обычаю, поджав ноги, сидел паша, Василий почтительно поклонился ему и подойдя ближе, поцеловал место около паши на диване. Впоследствии, при его рассказах об этом на вопросы почему он не поцеловал у паши руку или колено, как есть обычай у грузин, он ответил: – Как же его в руку или в колено целовать, ведь он турок! – Паше объяснили, что этот человек намерен отправиться в Иерусалим, но не имеет денег, и просит оказать ему милость. И паша приказал выдать ему 180 левов, сумму очень значительную. Приехав в Константинопль, он скоро отыскал корабль, отправляющийся на Афон, и немного спустя, наконец, вступил на землю Святой Горы. Был 1835 год и Василию шел 28-й год. В Карее с ним повстречался один греческий монах знавший грузинский язык, так как он некоторое время находился в Грузии на метохе Иверского монастыря. Узнав о цели прибытия его на Афон, он направил его к о. Венедикту.

О. Венедикт очень обрадовался, когда узнал, что юноша грамотный и может петь. – Давно, – говорил старец, – я желал иметь ученика и жить отдельно на кельи, но не нашел грузина! – Тогда они перешли на жительство в келью святого пророка Илии, и вскоре о. Венедикт постриг Василия, переименовав его Виссарионом. Около 30-ти лет они жили вместе, и о. Виссарион восходил по ступеням подвижничества. Он обладал смиренномудрием и простосердечием, и в конце концов в своем незлобии достиг состояния малого дитяти. Наученный от своего старца, он весьма прилежно занимался умно-сердечной

молитвой. Монах Иаков, из Иверского скита, иногда бывая на их литургии, на которой о. Виссарион пономарил, говорил, что тот с таким благоговением совершал свое служение, что можно подумать, что это ангел, а не человек. На большие монастырские праздники о. Виссарион приходил и прислуживал за трапезой. Более всего ему приходилось прислуживать старцам-проэстосам, помогая их ученикам готовить и подавать кушанье. Монастырские рабочие, узнав доброту о. Виссариона, всегда старались бывать около тех мест, где он помогал. Бывало, когда он несет большой поднос с тарелками, его уже осаждают несколько человек, прося уделить им что-нибудь. О. Виссарион, как бы не обращая внимания, чуть ли не половину подноса раздавал позади идущим. Послушники, заметив это, начинали жаловаться своим старцам, но те, зная его простосердечный характер, налагали пальцы на свои уста.

Под конец жизни старец много лет страдал обычным на Афоне ревматизмом: пальцы на руках его были искривлены, а когда он лежал, то одну руку принужден был всегда держать высоко в петле, прикрепленной к потолку. Кровь уже не могла согреть болезненное тело старца, ни помогала ни теплая одежда, ни одеяла. Несколько согревал его лишь горячий чай.

Во все время своей жизни на Афоне старец усердно занимался непрестанной молитвой Иисусовой, и в этом молитвенном состоянии он пребыл до последнего вздоха. Когда заметили совершенное измождение старца, то стали внимательно следить за его движениями. Он до того ослабел, что не в силах был произносит полной молитвы, а только непрестанно шептал: Упало, Упало...! т.е. Господи, Господи...!

7-го октября 1893 года, вечером, он вдруг стал говорить, что приехал протоиерей Георгий – старший брат ученика его Христофора. Окружавшие его спросили: – Где он? Старец ответил: – Разве не знаете, что он приехал на Афон и с ним еще другие? – Бывшие при старце приняли это за бред, и оставили без внимания. Между тем, действительно, в тот же день в Дафни приехали из Грузии протоиерей Георгий в сопровождении двух грузин. На другой день утром они прибыли на грузинскую келью святого Иоанна Богослова, и не отдыхая, тотчас

попросили проводить их на келью святого пророка Илии, желая немедленно повидаться с братом и с старцем Виссарионом. Погода стояла дождливая, но о. протоиерей сказал, что чувствует в себе непреодолимое желание как можно скорее повидаться с старцем, и тотчас пошел.

Когда донесли старцу, что приехал о. Георгий и привез ему письмо от его родного брата – епископа Имеретинского Гавриила, то он слабо проговорил: – Дайте мне мое письмо! – и взяв его в руки, не открывая, поцеловал его и отдал обратно, не спросивши что именно пишет брат. Кратко повидавшись с о. протоиереем, он уже более не говорил, все время пребывая в молитвенном состоянии, и с молитвою на устах тихо предал дух свой в руце Божии 9-го октября 1893 года.

Старец о. Виссарион прожил на Афоне 58 лет и все на одном месте. Всего от рождения ему было 86 лет.

Духовник о. Леонтий – русский († 1876)

Отец Леонтий родился в Малороссии. Через год умерла его мать, и отец отдал его в дом к одному богатому бездетному молдаванину. 22-х лет о. Леонтий убежал от своего воспитателя и скрылся в монастыре Калдорашани, находящемся в 20-ти верстах от Бухареста. Здесь он прожил 16 лет, и потом отправился на Святую Гору вместе со своим другом, монахом Антонием, которого он впоследствии постриг в схиму, и таким образом сделался его старцем. Обосновались они в молдавском скиту Лак, где о. Леонтий прожил 35 лет, до самой смерти.

Старец о. Леонтий рассказывал одному своему собеседнику: – В начале поступления моего в монашество, старец дал мне такое наставление: кроме первой исповеди пред пострижением о том что было в мирской жизни, иметь откровение помыслов всегдашнее и послушание совершенное. Всех братьев считать за ангелов и служить им в послушании как Самому Богу. Потом старец дал другое наставление, как хранить чувства и ум от помыслов!

Вскоре его рукоположили во иеродиакона. Правило келейное у него было такое: 300 поклонов земных с молитвою Иисусовой в день, а вместо поясных – читать святое Евангелие. Земные поклоны он выполнял даже и тогда, когда был в преклонной старости, что при непрестанном занятии молитвою умно-сердечною было бы даже излишне; но старец, пока чувствовал силы, не оставлял и подвигов телесных.

– Иной, – говорил он, – может 1000 поклонов положить, и при том не чувствует утомления в теле, а иные и после 50 едва дыхание переводят; но такие равняются с теми, кто много полагают!

– Вот мы, отче, – говорил собеседник, – много пьем, едим и спим, а силы у нас умеренные!

Если не будете давать естеству потребного, то вы еще более ослабеете. Преподобный Паисий, с которым говорил Сам Господь, увидал однажды одного брата, от двух дневного поста

в изнеможении лежащего на земле, и удивился, ибо он провел 60 дней не евши и не ослабел. Господь явился ему и сказал: Не думай так: ты по Моей благодати сделал так, а он от своей силы с болезненным трудом! – Какое же он, – спросил Паисий, – получит воздаяние? – Равное с тобою! – сказал Господь! – Есть и здесь в скиту кои постятся по 2 и по 3 дня, и по неделе, – это с помощью благодати!

– Если хочешь, – говорит преподобный Антоний Великий, – испытать того, кто имеет высокое имя, что он духовный человек, то обесчести, уничижи его; и если перенесет, то точно он такой; а если нет, то ничего не имеет. Когда уничижит кто тебя, и ты не потеряешь к нему любовь, – это путь Божий!

Когда предстояло старцу отправиться куда-нибудь из кельи по своим нуждам, – в скит ли, или в монастырь, или еще куда, то он полагал несколько поклонов пред иконою Божией Матери с таким намерением, что бы с ним ни повстречалось, все переносить без смущения. Однажды пришел он в Карею к знакомому болгарину, который принял его с любовью и пригласил его отдохнуть на архондарик, пока он не управится с своими делами. Старец вошел, помолясь, и по обычаю сказал с поклоном: благословите! В это время лежал там один монах; вдруг он бросился на о. Леонтия, и стал бранить его. Озадаченный старец только и говорил: – Так, отче, так: правду говоришь! – Тот кинулся искать палку, но не случилось на архондарике ничего подходящего, и он выскочил наружу. Старец остался в ожидании его. Вздохнувши к Божией Матери, он сказал себе: – Ну, Леонтий, вот теперь покажи то, к чему готовился! – Вера к Матери Божией не оставляла его; он надеялся, что Она укрепит его настолько, что обидчик, уставши бить его, остановится, а у него не иссякнет терпение. Прибежал его поноситель. Старец ожидал, что он кинется на него; но тот бросился к ногам о. Леонтия и стал просить прощения. Какой-то влах, похожий на старца, оби-дел этого монаха, и он обознавшись, думал что это и есть его обидчик, но сбежав вниз за палкою, столкнулся с хозяином, который спросил его о духовнике Леонтии. Тут только он понял свою ошибку. Незлобивый старец, видя смирение и сокрушение монаха,

сказал: – Бог да простит; только исполни малый канон – положи Божией Матери 100 поклонов! – Едва тот начал класть поклоны, старец, заметив искренность его раскаяния, сказал: – Будет, довольно!

Таких случаев много бывало со старцем. – Если я, – говорил он, – не приготовился бы прежде на всякое уничтожение и побои, что последовало бы? Я бы ему возразил, он мне, и дело дошло бы до драки. Так всегда ко всему надо быть готовым!

О. Леонтий был человек начитанный, рассудительный и добросердечный. Всех приходящих к нему на исповедь врачевал и утешал так, что уходили радостными.

О знаменитом афонском подвижнике о. Иларионе грузине старец Леонтий слышал еще до приезда на Святую Гору, и когда прибыл, прежде всего отправился к нему с переводчиком. Тот преподал о. Леонтию правила умного делания, и как вести себя, идя по сему пути. До этого времени старец не занимался умным деланием, хотя желал этого, но без опытного руководителя не дерзал начать. После всегда обращался он за советами к старцу Илариону, и сам о. Иларион иногда приходил к нему. О. Леонтий стал глубоким делателем умной молитвы, и потом в этом деле стал наставником молдаванина отца Антипы, который позже переехал в Россию и скончался в Валаамском монастыре.

В шумном и многолюдном монастыре, по словам старца, и по разнохарактерности братии трудно сохранить внимание к себе; но если кто имеет совершенное послушание и постоянное откровение помыслов, то и это спасает.

Что бы ни делать, куда бы ни идти – все с Иисусовой молитвой. Сам Спаситель наш, живя 33 года на земле, оказывал послушание Иосифу и Матери Своей. Никто не видел Его смеющимся, а плачущим несколько раз, показывая тем, как мы должны идти путем спасения. Совесть очищенная сама показывает преимущество жизни внутренней против внешней!

В борьбе со страстями старец советовал: «Если напала и беспокоит, например, зависть к брату, то сейчас возьми и найди в книге какого-нибудь отца о зависти и читай. Равно и при других

страстях – следует посмотреть и прочитать подходящее чтение. Так приучается человек обороняться и противостоять страстям. Человек, имеющий послушание и смирение незаметно преуспевает духовно. Если случается, что и молодой монах говорит о страхе Божиим, или вообще о пути спасения, надо слушать и по силе исполнять; а если кто имеет и белую бороду и был бы хотя и духовник, как и я, но научает противному и не согласному со свв. отцами, то нечего и слушать его!

Старец советовал постоянно иметь память смертную и плачь: это путь покаяния, а другого пути нет.

О. Леонтий обладал крепким телосложением и крепкою надеждою на Бога-Промыслителя всяческих. Бывало, принесет он на своей спине из Руссика или из других отдаленных мест полную торбу сухарей и иных жизненных припасов, но большую часть и все лучшее раздаст беднякам, больным и старым. Себе же он оставлял только сухарей и что-нибудь другое, что можно употреблять не прибегая к огню. Ученик его о. Афанасий, едва ли куда ходил из скита, а обо всем нужном для пропитания заботился сам о. Леонтий. Ученик, как малое дитя, сидел дома и кушал готовое, что ему принесет старец.

О. Леонтий мирно преставился ко Господу 25-го мая, 1876-го года, будучи оплакан всеми его духовными чадами и всеми пользовавшимися его духовными советами и утешением.

Сокровенный старец – болгарин († 1862)

(из записок о. Пантелеймона)

Один русский пустынник, схимонах Макарий, живший в пещере на Керасях и скончавшийся в 1888 году, рассказывал следующее: Схимонах о. Арсений, лесничий лавры, бывший до поступления в монашество 18 лет капитаном сардаров (охрана Святой Горы из христиан) и сколько-то лет чабаном, знал все тропинки лесов афонских, вследствие чего когда он поступил в лавру, то получил должность лесничего. О. Арсений вполне соответствовал своему назначению.

Во время прохождения своего послушания он узнал об отшельнике, сокровенно живущем в лаврских лесах, и случайно поведал о нем о. Макарию. Это случилось следующим образом: Перед Пасхою 1861-го года приходит к отцу Макарию отец Арсений и спрашивает: есть ли у него что к Пасхе? И когда тот объяснил, что ничего нет, то о. Арсений сказал ему, что в эти дни приходят в лавру каюки (судна) с одного острова Архипелага с маслом, сыром, яйцами и пр., и советовал ему сходить заpastись теперь. Когда же о. Макарий сказал, что у него и денег нет, то он обещал заплатить своими: одним словом, уговорил его идти с ним. Идя дорогою, о. Макарий спросил: – раз ты столько лет состоишь лесничим, а раньше был сардаром и чабаном, то, вероятно, знаешь кого-нибудь из отшельников, который живет сокровенно. О. Арсений замялся. Ему не хотелось открыть тайны, но и не хотелось огорчить старца-друга. Тогда он сказал: – Если возьмешь грех клятвы на себя, то скажу! – Тот пообещал, говоря, что когда увидит сокровенного старца, то первым делом скажет, что он, Макарий виноват. По дороге из молдавского скита к лавре, лесничий на пол пути свернул с дороги и повел его непроходимыми местами, объясняя, где живет старец, и как его найти. Только он сомневался, чтобы о. Макарий мог спуститься в ту пропасть, где старец живет. В этих разговорах они подошли к самой пропасти: спуску в нее никакого не было: обрывистые скалы опускались с трех сторон вниз отвесно, наподобие гроба. О. Арсений сказал:

– Вот, если можешь спуститься, то полезай; только когда доползешь до площадки, смотри вправо под скалу и там найдешь жилище его! О. Макарий начал спускаться. После он сознавал, что как ни трудно лазить по скалам вершины Афона, при собирании неувядаемых цветов; но здесь было несравненно труднее. Сначала мешали ему башмаки, и он сбросил их вниз; потом и самый подрясник, в котором он не мог пробираться, и тот сбросил. Наконец он приблизился ко дну, и там на камне он нашел свои вещи. Ставши на равнине и смотря кругом, он заметил калибку старца, сидящего вне. Когда тот заметил человека, перекрестился, плюнул и скоро зашел в свой затвор и заперся.

Предупрежденный о. Арсением, что отшельник знает кроме греческого, болгарского и русского языков еще турецкий и французский, о. Макарий, подойдя к кельи, начал творить молитву и стучаться в двери. Отшельник долго не отвечал. О. Макарий, видя, что он принял его за беса, начал убеждать его, что он христианин и монах.

– Что тебе нужно? – спросил наконец отшельник чистым русским языком. – Я пришел посмотреть на тебя!

– Кто тебя привел сюда – Бог или бес?

– Бог, – ответил о. Макарий.

Отшельник не принимал и упрашивал непрошенного гостя, чтобы он ушел оттуда, что ему там делать нечего. О. Макарий отвечал одно – что он умрет у кельи, но не уйдет. При нем же не было ни одежды, ни хлеба.

– Какой ты беспокойный и упрямый человек, – я таких не видал! – продолжал отшельник.

О. Макарий все просил, чтобы он открыл ему дверь.

– О, я знаю кто тебе сказал, – проговорил старец, – негодный он человек!

– Не вини его старче, я виноват!

– Уйди отсюда, прошу тебя, уйди!

– Не уйду, – просижу у дверей твоих до Пасхи и умру здесь. Не уйду, не увидав тебя!

– Прочти «Богородицу», – наконец сказал старец, и когда тот прочел, отворил дверь и сказал: – Ну, что ты от меня

хочешь?

– Благослови, отче, – сказал о. Макарий, и упал старцу в ноги.

– Бог благословит, – ответил тот, и сев на пороге, пригласил и о. Макария сесть. Прошло около часу времени в молчании, и вставая, сказал старец: – Ступай откуда пришел!

– Мне хотелось, отче, слышать от тебя слово на пользу, – умолял о. Макарий.

– Какое скажу тебе слово? Я человек грешный, и ничего не знаю больше. Ты видишь, живу как змея, которая прячется от людей в нору. Так и я живу в этой норе.

– Ну все-таки что-нибудь знаешь, а может, мне бы послужило на пользу, если скажешь.

Видя простоту и неотступность о. Макария, старец спросил:

– Где живешь? Кто твой духовник?

– Живу в пещере на Керасях, и духовник о. Нифонт на Кавсокаливии.

– Рукоделие твое какое?

– Делаю ложки. – Какие?

– Простые и с «благословением» – с вырезанной благословляющей рукой.

– Ну вот, если хочешь меня послушать, то не делай ложек с «благословением».

– Отчего же так? Эти берут лучше в Руссике и в Серае.

– Пусть так, но ты не делай.

– Не знаю, – сказал задумчиво о. Макарий, – вот в Руссике есть опытный духовник отец Иероним, а он – ничего, берет и с «благословением».

– О, Иероним, – заметил старец, – опытный духовник в управлении братией своей, но в распознавание тонких вещей он не входит, а потому и не видит, что таких ложек делать не нужно, ибо они могут попасть в руки неверных или еретиков, которые могут надругаться над изображением благословения. Да и в православном семействе ложка не икона и не крест. Может отцом отдаться ребенку, поступить ему в забаву и попирается вместе с бездельными вещами, а между тем на этой ложке два креста – один изображается благословением, а

другой ты вырезаешь на изображаемых поручах. Следовательно, два креста будут попираемы, а это грех!

О. Макарий обещался с этого времени не делать ложек с «благословением», но ему хотелось еще что-нибудь расспросить у старца, а не знал что и как спросить. Наконец спросил: – Ты, отче, из какого рода?

Старец уклончиво отвечал: – Я из всех родов.

– Может ты русский?

– Нет, из болгар.

– Отчего ты знаешь так хорошо по-русски?

– Я жил на Морфине у русского старца иеромонаха. Еще жил в скиту Святой Анны, в Кавсокаливии и на Провате, – одним словом обошел разные места, и наконец Господь открыл мне это святое место, и я живу здесь 16 лет.

– А сколько лет ты жил во всех тех местах?

– Думаю более 80 лет, – и как прибыл на Афон, никуда не отлучался.

– А сколько лет тебе от роду?

– 118 лет.

– Чем ты питаешься и от куда берешь одежду и все прочее?

– У меня жив еще побратим (по постригу от одного старца), который игумен на одном острове, и он мне доставляет все необходимое, приезжая на каюке через 3 месяца.

В заключение о. Макарий спросил, не позволит ли он ему еще когда-нибудь придти. Тот отвечал, что если и решится он на это, то не попадет к нему. С тем они и расстались.

И точно. Покусившись после пойти через какое-то время к старцу, он изодрал всю одежду о непроходимые колючие кустарники, и сбил башмаки, но места того не нашел. Через год он опять попросил зашедшего к нему о. Арсения довести его к этому месту. Тот исполнил его желание, и о. Макарий с теми же трудностями спустился опять к калибке старца, но его в живых уже не застал. Свежая могилка с крестом свидетельствовала о его кончине, а похоронил его, вероятно, приезжавший к нему побратим-игумен. Поскорбев, что не застал старца, он пошел к морю, в которое быстро бежит ручей, начавшийся около калибки старца. К морю проход от калибки не труден. Там при устье

потока стоял белый крест, служивший знаком для приезда с острова игумена.

Кроме этого старца, о. Арсений лесничий еще знал о трех других сокровенных старцах, но о их местожительстве он никому не хотел сказать, сколько его не убеждали. Следовательно были и есть такие столь сокровенные старцы, которых никто не знает, разве только самый преданнейший им. Вот пример:

Спустя 5 лет по уходе турок (около 1835) сардары ловили диких коз под Афоном. Однажды на заре, проходя по стремнинам, наткнулись на одного нагого старца, бывшего вне заметной издалека пещеры. Удивленные необычной встречей, они завели разговор:

– Благослови, отче.

– Бог благословит.

– Как поживаешь?

– Благодарение Господу, – ответил старец и спросил: – Как пребывает Святая Гора?

– Благополучно после поганых турок.

– Каких турок? – спросил старец.

– Как каких? Тех, кои жили на Афоне, вследствие восстания греков.

– Какого восстания?

– Разве ты не знаешь, что мы, православные, 10 лет проливали кровь свою, чтобы свергнуть иго турецкое?

– Нет, не знал. Нас здесь семеро, – мы никуда не ходим, и не знали об этом.

Сказавши: – Благослови, отче, – сардары пошли на свое дело. Придя потом в скит святой Анны, они рассказали там всем о виденном. Тогда собрались многие отцы, и позабыв про старость и немощи, подняв свои мантии, бегом пошли искать старца. Но старца они не нашли там, где видели его сардары, а равно и тех шестерых, о которых тот сказал им. Говорили, что это те самые сокровенные подвижники, числом 7, коих причащал известный духовник Христофор, живший в Яннокопуло.

Духовник о. Антипа – молдаванин († 1882)

Отец Антипа родился в Молдавии, в селе Калаподешти, 1816 году. Родители его были оба православные и весьма благочестивые; жили они в большой бедности. Отец его, Георгий Лукиан служил диаконом в сельском храме; мать его, Екатерина, впоследствии поступила в монастырь и с именем Елизаветы и скончалась в схиме. Долго у Лукиана не было детей; наконец, по молитвам жены, родился сын Александр. Рождение будущего подвижника ознаменовалось особенным благоволением Божиим: мать его родила без болезней.

Еще в детстве, когда он пас овец своего отца в глухом лесу, где водилось множество ядовитых змей, он их брал живых без малейшего вреда в свои руки, и тем приводил в ужас посторонних людей.

Одаренный от Бога великими духовными дарованиями, в отрочестве, будущий о. Антипа, был как бы лишен обыкновенных, естественных способностей: от природы он был очень простоват и крайне непонятлив. Эта двойственность о. Антипы производила соответствующее впечатление на его сверстников. Иногда они, поражаемые проявлением в нем чего-то дивного, необычайного, падали пред ним со страхом на колени и называли его своим владыкой; иногда же ругали и били его за его простоватые выходки. Долго, несмотря на самое усердное прилежание, не мог о. Антипа научиться грамоте. Видя его неспособность, учителя даже советовали ему лучше оставить школу и обучаться какому-то ремеслу. О. Антипа горько заплакал: – Нет, говорил он, мое единственное желание научиться читать; я до смерти буду заниматься только чтением божественных книг!

Усердие, труд и молитва, наконец, преодолели, – и священные книги для о. Антипы стали всегдашним источником духовного назидания. Еще о. Антипа ходил в школу, как скончался у него отец, и их семейство осталось без опоры. Его, как старшего, мать отдала в обучение переплетному мастерству. Мужественно претерпев все тяжкие невзгоды в

чужом доме, беззащитный сирота, с помощью Божией, быстро достиг звания переплетного мастера, и возвратясь на родину, обзавелся собственным хозяйством, сделался опорой семьи.

Полное довольство царило у Лукиана, но сердце молодого хозяина в земном утешений не находило. Часто, вдали от всех, обливаясь слезами, недоумевая, где обрести покой душе, мысленно взывал он к Богу: – Скажи мне, Господи, путь в онь же пойду, яко к Тебе взях душу мою! В одну из таких уединенных мысленных бесед с самим собою, на 20-ом году жизни, внезапно о. Антипа был озарен дивным светом. Этот свет наполнил сердце его невыразимую радостью; из глаз его потоками полились слезы: тогда, как бы ощутив в этом свете высшее божественное звание, о. Антипа, в ответ на зов Божий, в радости воскликнул: – Господи, я буду иноком! Но Господь промыслительно попускал на него и разно-образные бесовские искушения: бесы являлись ему и в виде черных эфиопов и собак; при знамении креста, они мгновенно, сверкнув молнией, исчезали. Иногда принимали они на себя и другие многообразные, отвратительные образы, производили ужасный треск и шум, наводили страх и ужас на душу его. Перед наступлением бесовских искушений в воздухе нередко слышался голос, предупреждавший о. Антипу и взывавший к нему: – Готовься, будет искушение!

Кроме искушений от бесов, много скорбей и поношений в разное время претерпел о. Антипа и от враждовавших на него людей за его прямоту и неудержимую ревность по благочестии. Так «десными» и «шуими» возводился он по степеням лестницы совершенства. В одну ночь тихо вышел он из дома и направился в знаменитый в Молдавии монастырь Нямец. Здесь, в соборном храме, со слезами повергся он перед чудотворной иконой Божией Матери. Церковь была совершенно пуста; вдруг сделался шум. Завеса, закрывавшая святую икону, отдернулась сама собою; в умилении и в неизъяснимой радости приложился он к иконе. Благодатно утешенный в храме, с великою печалью вышел о. Антипа из кельи настоятеля, когда, несмотря на все его просьбы, ему решительно отказали в приеме в Нямецкую обитель, он отправился в Валахию. Там

небольшой штатный монастырь принял странника в свои мирные стены. Более двух лет, с полным самоотвержением трудился он здесь на монастырских послушаниях. Жизнь его была исполнена скорбей и лишений. Ему не давали монашеской одежды, не было у него кельи. Утомленный, засыпал, где случится: на хуторе, на кухонном полу. Раз, заснув в поле на сене, он занесен был снегом; полузамерзшего, его едва привели в чувство.

С подвигами телесными, бдением и постом, соединял юный подвижник умную молитву, которой научил его схимонах Гедеон, около 30-ти лет подвизавшийся в затворе близ монастыря. Строгая, самоотверженная жизнь о. Антипы резко выделялась среди общего монастырского строя. Духовник советовал ему идти на Афон. Туда же стремилось сердце и самого о. Антипы: только уже и на первых шагах своего подвижничества обнаруживая духовную рассудительность, этот главнейший признак истинного подвижника, в решении своего недоумения, он желал слышать голос опытного в духовной жизни старца. В это время славился в Молдавии своими высокими подвигами и духовною опытностью настоятель монастыря Браз, архимандрит Димитрий. До настоятельства он в глухом лесу проводил строгую отшельническую жизнь. Случайно тогда нашел он в земле сосуд, наполненный золотыми монетами. При сосуде была записка объяснявшая, что деньги эти принадлежат молдавскому митрополиту Досифею, который спрятал их, узнав о неизбежной ему мученической кончине от рук турок. Кто найдет эти деньги, говорилось дальше в записке, тот должен выстроить на них монастырь и 3 скита; по окончании постройки 3-го скита, обретут и мои мощи, – писал мученик.

Объявив о чудесной своей находке молдавскому митрополиту, с его благословения отец Димитрий ревностно приступил к исполнению последней воли блаженного митрополита Досифея. Воздвигнут был великолепный монастырь – как Нямец. Окончена была постройка 3-го, последнего скита, в ограде которого поручил о. Димитрий выкопать для себя могилу. Когда в день освящения скитского

храма прибыл туда о. Димитрий, ему объяснили, что могила, которую он приказал вырыть, что-то осыпается. В его присутствии стали копать глубже, и обрели ковчег с мощами блаженного митрополита Досифея. – Я сподобился видеть эти мощи, – говорил о. Антипа, – и прикладывался к ним; от них исходило благоухание!

К этому архимандриту Димитрию и обратился о. Антипа за духовным советом.

Вообще, отец Димитрий всегда удерживал стремившихся на Афонскую Гору; на этот раз, к удивлению всех, он согласился отпустить туда о. Антипу, прибавив, что пострижет его сам в монахи. Потом о. Антипа отправился на Афон.

В одной из пустынных келий Афона подвизались в это время 2 соотечественника его, молдаване иеросхимонахи Нифонт и Нектарий; к ним желал он поступить в ученики. – Ты недавно принял монашескую мантию, – отвечали на его просьбу опытные отцы, – и тебе следует сперва потрудиться на послушаниях в монастыре!

Повинуясь их совету, о. Антипа поступил в Есфигменский монастырь, где около трех лет трудился он в поварне. Здесь, в течение целого года, он находился в тягчайшем и опаснейшем для подвижника искушении: от него отступила умная молитва и с нею прекратились все благодатные утешения. И ум и сердце его исполнены были подавляющей тьмы и скорби. Только твердое упование на заступление Божией Матери сохранило его тогда от отчаяния.

Кончилось время послушнического искуса, и старцы молдаване приняли своего собрата на высшие подвиги в пустыне. Так надо теперь облечься в схиму, я постригу тебя! – сказал однажды о. Нифонт отцу Антипе. – Я с великою радостью готов принять схиму; только боюсь, что тогда ты напустишь меня одного в пустыню! – отвечал ему о. Антипа. – Конечно, не отпущу, – сказал о. Нифонт, – ты нужен нам! У о. Нифонта уже зарождалась тогда мысль устроить на Афоне самостоятельный молдавский скит, и он сознавал, что в деле устройства скита ему будет весьма полезен о. Антипа, почему и желал сам постричь его, чтобы тем, по закону духовному,

привязать его к себе навсегда. О. Антипа понимал цель старца, и она безмерно тяготила его. В недоумении, с вопросом о схиме, и старец и ученик решились обратиться к схимонаху о. Евфимию, их общему духовному руководителю. Тот принял сторону о. Антипы, и, по его совету, о. Антипу постригли и предоставили ему полную свободу одному проводить отшельническую жизнь. Весьма неохотно отпустил о. Нифонт своего монаха в пустыню. Это даже выразилось внешним образом в том, что он не дал ему решительно ничего, что представлялось необходимым для первоначального пустынножительства. С голыми руками вошел о. Антипа в полуразвалившуюся отшельническую хижину: она была совершенно пуста, только в переднем углу на карнизике нашел он маленькую икону Божией Матери, на которой от многолетней копоти нельзя было рассмотреть лика. Невыразимо обрадовался о. Антипа своей находке. Он чувствовал, что обрел драгоценное сокровище. Немедленно, взяв с собою икону, отправился он к знакомому иконописцу иеродиакону Паисию, переселившемуся со святых гор Киевских на Афон, и стал просить его промыть икону, только как можно осторожнее, чтобы не повредить ее и отнюдь не поправлять ее красками. Никак не согласился на таких условиях взять икону себе о. Паисий, и только по убедительным просьбам о. Антипы решился. Через некоторое время возвратил он икону совершенно новою, клятвенно уверив, что она стала такою от одной простой промывки и, что это явление чрезвычайно поразило его самого. Так чудно, из многолетней тьмы проявившая себя во свете, икона Владычицы прославила себя впоследствии многими благодатными знамениями. До самого разорения Валаамского монастыря икона хранилась в нем как великая святыня. Невозможно было жить в полуразвалившейся хижине; средств же на ее поправку у о. Антипы не было никаких. Раз он шел по пустыне: вдруг его останавливает незнакомый монах: – Отче, добрые люди дали мне 5 червонцев и просили передать их беднейшему пустынножику. Помолясь, я решил отдать их первому, кого встречу, так возьми их, они, должно быть, тебе нужны.

С благодарностью, как от руки Божией, принял деньги о. Антипа. Потом пригласил к себе одного бедного келлиота-плотника, и тот приступил к исправлению его кельи. 4 дня работа шла успешно; на 5-ый день этот монах опасно заболел сильным припадком холеры, и в изнеможении упал недалеко от кельи и с ним сделались судороги. Очень встревожился о. Антипа. Не имея сил втащить больного в свою келью, в каком-то необъяснимом порыве, как единственную свою надежду, вынес он икону Божией Матери и поставил ее на возвышении против лежащего на земле мастера; сам же, углубившись в чащу леса, стал молить Господа о его исцелении. Долго молился он; а когда возвратился к своей хижине, то с изумлением и великою радостью увидел он отчаянно больного уже совершенно здоровым и за работу. — Твоя икона меня исцелила, — объяснил он о. Антипе, — она чудотворная. Лежал я как мертвый, как вдруг почувствовал, что от иконы обдает меня необъяснимо живительным, теплым дыханием. Я совершенно согрелся и в одно мгновение здоровым встал на ноги.

В короткое время обстроилась келья о. Антипы и мирно потекли дни его. С подвигами духовными отшельник, по необходимости, соединял безмятежное рукоделие — делание деревянных ложек, которые он продавал в Карее для своего пропитания. За советом в духовной жизни обращался он к иеросхимонаху о. Леонтию, жившему в скиту Лак; с ним и в последующее время он находился в ближайшем духовном общении; с его только благословения решался он на новые шаги.

Между тем, мысль о. Нифонта об устройении молдавского скита стала мало-помалу осуществляться: в Молдавии в городе Яссах устроено было уже им подворье; на Афоне приобретена земля, на которой быстро поднимались скитские здания; число братий росло. Тогда отцы-строители стали звать о. Антипу в сотрудники, и, повинаясь совету духовных отцов, он согласился. Его посвятили в иеродиакона, потом быстро в иеромонаха и сделали келарем. Занимая, по-видимому, незначительную должность, о. Антипа, по мере сил своих, ревновал о сохранении общежительных правил во всей силе. Однажды о.

Нифонт в общей братской трапезе благословил келарю приготовить для себя и какого-то гостя отдельное кушанье. Келарь не приготовил; игумен разгневался и велел встать ему на поклоны. – Поклоны я буду класть с радостью, – отвечал ему келарь, но прошу извинить меня: сделано это с благою целью, дабы не было претыкания и соблазна братии! Так как самим тобою же начаты добрые уставы по правилам святых Отцов, то чтобы тобою же не были они нарушаемы, потому что настоятелю во всем надо быть примером для всех: тогда только будет твердо и надежно наше общежитие! – Потом, когда совершенно успокоился о. Нифонт, он благодарил о. Антипу за его благоразумную ревность.

Дела по устройству скита побудили о. Нифонта на 3 года уехать в Молдавию; на все это время управление всеми отраслями скитского общежития возложено было на о. Антипу. Ему же потом предоставлено было и право исполнять обязанность духовника. С возвращением о. Нифонта на Святую Гору, настало время для о. Антипы расстаться навсегда с священным местом многолетних подвигов, к которому он привязался всеми силами души и о котором до конца жизни сохранил глубокую память: о. Нифонт назначил его экономом на их Ясском подворье. Из тихих пределов Святой Горы, очутясь неожиданно среди разнообразных хлопот и попечений в шумном городе, о. Антипа прежде всего старался и здесь, как и в минувшие дни в пустыне, во всей точности исполнять все монашеские правила по уставу Афона: так заповедал ему о. Нифонт, отправляя его в Яссы. На все могущее вредно повлиять на душу подвижника, при обилии всевозможных искушений, опытный воин духовный вооружился мощным оружием – постом. Постоянно по 2 и по 3 дня, иногда даже по неделе, он совершенно не употреблял ни пищи ни питья.

Сам проводя строгую жизнь, всею душою любя святую веру и благочестие, о. Антипа при всяком удобном случае, не смотря на лица, с ревностью обличал замечаемые им отступления от Церковных постановлений. Такая его ревность, соединенная с простотою и искреннею любовью, при назидательном, проникнутом глубокою духовною опытностью его слове, при

собственном примере его жизни, вскоре расположила к нему сердца людей. Особенное благоволение оказывал ему митрополит молдавский; он поставил его духовником в двух женских монастырях и сам беседовал с ним о предметах духовных. В дни подвижничества своего на Афоне, от продолжительного поста о. Антипа ощущал обыкновенно особенную горечь во рту; в Молдавии же, спустя 2 года, горечь эта обратилась в необыкновенную сладость. В недоумении, за объяснением этого явления обратился он к молдавскому владыке. Митрополит объяснил ему, что такое ощущение есть плод поста и молитвы умно-сердечной; что оно есть благодатное утешение, которым Господь ободряет подвижащихся на Его спасительном пути: – Об этом так говорить преп. Исаак Сирин, – заключил свое объяснение митрополит, – Сам Господь горечь постнического озлобления манием Своим, прелагает в сладость Свою неисповедимую!

При общем расположении к о. Антипе всех знавших его, дела по управлению подворьем шли прекрасно. Средства к содержанию подворья росли, самый сбор значительно увеличился. Так со всей ревностью служа на пользу молдавского скита с полной любовью отзываясь на духовные нужды обращающихся к нему за советом в деле спасения, о. Антипа постоянно сам стремился сердцем на пустынную Афонскую Гору; часто он просил о. Нифонта о возвращении его на Афон, но не то было на уме о. Нифонта. Видя большую пользу от деятельности о. Антипы для их общежития и сознавая множество разнообразных нужд по устройению скита и скудость настоящих средств, о. Нифонт решился ехать за сбором подаяний в Россию и взять с собою туда и о. Антипу. – Не пускаешь меня на Афон, – сказал он игумену, когда тот объяснил ему свое решение, – берешь в Россию; я чувствую, что как только мы переедем границу, я уже не буду более ваш, – я буду русский!

Только первые шаги в Россию были сделаны о. Антипой под руководством о. Нифонта: вскоре тот уехал в Молдавию и о. Антипа, вовсе не зная русского языка, остался один. Как у родных помещен он был в одном купеческом семействе. В

отдельном доме в саду проводил он почти затворническую жизнь, посвящая почти все время молитве. Между тем, дела по сбору приношений шли очень успешно. Вскоре обширные залы купеческого дома наполнились дорогими сосудами, облачениями, ризами и пр. пожертвованиями от московских благотворителей, всего вместе с колоколами на сумму свыше 30.000 рублей. Когда все эти вещи, пожертвованные для скита, были отправлены на Афон, утешался о. Антипа мыслью о той радости, какую они доставят отцам его; но, к сожалению, они не достигли святой Горы. Пароход, на котором они были отправлены, со всеми пассажирами и грузом погиб во время бури в Черном море. В ночь катастрофы о. Антипа стоял на молитве. Вдруг треснуло стекло киота, в котором помещен был образ Божией Матери, взятой о. Антипой из афонской его пустыни. Внешней причины не было никакой. О. Антипа понял, что неожиданно лопнувшее стекло было предвестником какого-то неожиданного горя, и стал спокойно ожидать разъяснения. Когда все стало известно, от неудачной отправки уныли афонские отцы, и потеряли усердие московские благотворители. Не упал духом только о. Антипа: им была собрана в Петербурге по сборной книге довольно значительная сумма. Для отправления ее на Афон нужно было обменять бумажные деньги на золотые монеты; между тем, по высочайшему велению выдача золота из главного казначейства в то время была воспрещена. С одной стороны, зная крайние нужды молдавских старцев, с другой – видя неодолимые препятствия, о. Антипа обращался с просьбами о помощи к влиятельным лицам. Когда отказались все, когда не было более никакой человеческой надежды, тогда повергся о. Антипа пред Афонским образом Божией Матери и стал просить ее заступления. Во время молитвы он услышал как бы глас от иконы: – Это дело митрополита! – Это не то чтобы глас, но это тонко на уме! – объяснял о. Антипа. И действительно, сверх всяких ожиданий вследствие содействия митрополита, по предписанию министра финансов, было сделано исключение для о. Антипы, и собранные деньги золотом были отправлены на Афон. Скоро потом опять стали поступать приношения.

У о. Антипы было много искренних учеников. Оба митрополита – Петербургский Исидор и Московский Филарет оказывали ему милостивое внимание и беседовали о духовной жизни. В одной из бесед с последним на вопрос: Что особенно необходимо упражняющемуся в умной молитве? – ревностный делатель молитвы отвечал: терпение!

Петербургскому митрополиту он сделался известен случайно: однажды прибыв из Москвы для получения сборной книги из Синода, о. Антипа был помещен, как странник, в Александро-Невской лавре в одной кельи с приехавшим белым священником. Вскоре наступил великий пост. По своему обыкновению о. Антипа ходил ко всем службам; а в кельи совершал он днем и ночью всю службу на молдавском языке и исполнял монашеское правило. Пищи и питья не употреблял вовсе. Миновал 1-й день поста, миновал 2-й, 3-й... и все то же! С удивлением смотрел на такую жизнь сообитатель о. Антипы. В конце недели, представляясь по своему делу, передал он все это митрополиту, и тот обратил внимание на подвижника. Когда митрополит, на пути следования в Воронеж на открытие святых мощей святителя и чудотворца Тихона Задонского, остановился в Москве, к нему явился о. Антипа. Когда митрополит узнал, что он желал бы быть при открытии мощей, то пригласил его к сослужению с собой. Невыразимо обрадовался о. Антипа. Сознывая все величие предстоящего торжества, он стал готовиться: в течение 4-х дней он не принимал ни пищи ни питья, хотя в эти дни он находился в дороге.

В первый год пребывания своего в России, как только открылась навигация, посетил о. Антипа Валаамский монастырь. Всею душою полюбил он тогда пустынные, безмятежные леса Валаама, и как только кончились его дела по сбору подаяний, с благословения своих молдавских старцев, 6-го ноября 1865-го года прибыл он на Валаам. Маленькая, уединенная келья в скиту Всех Святых приютила здесь ревностного любителя безмолвия и молитвы.

Велики были молитвенные подвиги о. Антипы в пределах Святой Горы и среди шума мирского в городах Молдавии и России. Но там они развлекаемы были то рукоделием, то

обращением с мирскими людьми по делам сбора. В уединении же Валаамском молитва сделалась единственным и исключительным его занятием. Она занимала весь день и почти всю ночь. Кроме неопустительного исполнения службы по церковному уставу, он каждый день прочитывал 2 акафиста Божией Матери и ежедневно полагал 300 поклонов с молитвою о спасении всех усопших. Помянник его был очень велик. Поминал он всех благодетелей за многие годы, всех знаемых. Это поминовение продолжалось более часа. В определенное время между службами и поклонами он занимался умною молитвою. Когда случалось ему быть и служить в монастыре, точно также как и каждую субботу, когда он причащался в скиту, предварительно в кельи совершал он полную службу на молдавском языке. Не раз замечали братия, какими горькими слезами обливался он на молитве, совершаемой им с полным вниманием. В первую неделю великого поста о. Антипа вовсе не употреблял пищи и питья; в такой же строгости соблюдал он пост в понедельник, среду и пятницу в течение всего года и в навечерие праздников Рождества Христова и Богоявления. В эти 2 сочельника даже в предсмертной болезни своей, когда от сильного жара высыхал у него совершенно рот, не решался он облегчить своих тяжких страданий глотком воды. На 4 же непостных дня недели, ему хватало той пищи, которую приносили на обед в субботу.

О. Антипа, когда приходил в монастырь, то уже сообразовывался с чином монастырским. Приходил же туда 3 раза в год: на Рождество Христово, на Страстную и Пасхальную неделю и на всю неделю Пятидесятницы. Кроме этих дней, приводила его туда еще необходимость духовного собеседования с близкими ему людьми, приезжавшими собственно для него на Валаам. Хотя приезды этих лиц крайне тяготили его, но на них всегда отзывался он со всею полнотою безграничного радушия. Тут по целым дням затворник находился в обществе женщин: пил чай и кушал.

— Как ты можешь соединять продолжительный скитский пост с таким неожиданным разрешением? — в недоумении спрашивали его некоторые из отцов валаамских. — Дивно, —

отвечал он им словами Апостола Павла: «Во всем во всех навыках: и насыщаться и алкати, и избыточествовати, и лишаться» (Филип. 4, 12).

– Батюшка, ты обращался много с женщинами, неужели не приходили тебе дурные мысли? – спрашивал его в последние его дни один из преданных ему учеников.

– Никогда! – отвечал ему сохранивший себя в девстве и чистоте о. Антипа. – Не могут придти такие мысли чадолюбивому отцу, тем более не могут придти они отцу духовному. Единственным моим желанием по отношению к моим чадам было их преуспеяние духовное и вечное спасение их души.

Между почитателями о. Антипы были люди со средствами. По его предложению охотно они делали приношения на нужды монастырей в России и на Афоне. Сочувствуя существенным потребностям обитателей, он вообще не одобрял их увлечения к излишним, пышным сооружениям. – Много я видел монастырей, – говорил он, – везде хлопочут, строят; но хлопоты и постройки – дела суеты, мирские. Монаху жизнь – в церкви, дело его – правило.

Ничего не искавший на земле, весь ум свой углубивший в Боге, о. Антипа с радостью переносил все огорчения, поношения, упреки. Глубокое смирение и всегдашняя готовность к самоотвержению давали ему полную возможность всегда сохранять невозмутимым глубокий мир души. Жил он в крайней нищете, келья его была совершенно пуста: не было в ней ни кровати, ни стула. Стояли небольшой столик вместо аналая и деревянный жезл с перекладиной, на который, в борьбе со сном, в изнеможении упирался он во время бдения. На полу лежал войлок, на котором он сидел и на котором предавался краткому сну. Живя сам в такой нищете, о. Антипа со всею любовью отзывался на нужды братий. Полюбив всею душою Валаам, он говорил, – Одно сокровище есть у меня – это икона Божией Матери, и никому не отдам ее, а оставлю только Валаамскому монастырю. Многие годы проводя в строгом подвижничестве, о. Антипа нисколько не расстроил своего здоровья; вообще он обладал здоровым, крепким организмом. К

лекарствам и к врачам он никогда не обращался. Принимая болезни от руки Господней, от Него же ожидал он и исцеления. Судя по его бодрому виду, трудно было предполагать, что он так скоро переселится в селения горния. В течение одного года сильнейший кашель совершенно обессилил и иссушил его и тихо привел его к мирному преставлению.

В год своей болезни, Страстную и Пасхальную недели о. Антипа провел в монастыре. В Великую Субботу он был у Божественной Литургии. После он сказал своему ближайшему ученику: – Во время причащения я был в алтаре и взглянул из южных дверей в церковь. Монахи уже причащались, и лица некоторых сияли как солнце. Прежде этого я не видел.

В глухую осень того же года стоял о. Антипа в своей кельи на молитве. Вдруг сделался шум: афонский образ Божией Матери сам собою двинулся с места. Другие иконы, бывшие на нем, упали; образ Богоматери шествовал тихо по воздуху на расстоянии целых двух метров и остановился на груди о. Антипы. Ужаснулся старец. С благоговением приняв образ, он поставил его на место. Со слезами умиления об этом явлении он открыл только за 3 дня до своей кончины.

Болезнь о. Антипы быстро развивалась. По желанию его, его соборовали. Он видимо угасал. Дня за два до кончины о. Антипы, в монастырском храме шла вечерня. Вдруг что-то сильно стукнуло об пол. Это упал послушник-старичок пораженный апоплексическим ударом. Объяснили игумену, и тот благословил взять святой воды и покропить больного. Думали, что он угорел. Оказалось, что он уже скончался. В эту ночь особенно страдал о. Антипа. Под утро ему стало легче, и он обратился к окружающим его ученикам с вопросом: – Кто у вас умер в монастыре? Так как в скит из монастыря еще никто не приходил, ученики ответили: – Никто. – Нет, умер, – возразил о. Антипа, – умер простой старик в церкви, ему было трудно. Игумен велел дать воды... не помогло... умер. В недоумении слушали его ученики. Около 11-ти часов в скит приехал духовник, тогда только разъяснилось, что о. Антипа, лежа в скиту, отстоящем от монастыря на расстоянии 3-х километров,

говорил о происшествии, как будто оно совершилось перед его глазами.

В последнюю ночь часто подымал о. Антипа руки к небу и звал к себе своего любимого афонского старца, духовника о. Леонтия: – Леонтий, Леонтий, где ты Леонтий? – Батюшка, да с кем ты говоришь? Ведь никого нет, – наклонясь к старцу, сказал келейник. Пристально посмотрел старец на него и тихо пальцем постучал его в голову.

Под утро, чувствуя уже близость своего отшествия и желая причаститься Святых Таин, о. Антипа просил поспешить совершить литургию. В полном разуме сподобившись приятия Божественных Таин, о. Антипа погрузился в тихую дремоту. Прошло 2 часа, ближайший ученик его стал читать акафист Божией Матери, и в то время тихо замолк на веки во всю жизнь ежедневно возносивший Царице Небесной акафистные хваления о. Антипа.

Скончался он в воскресенье 10-го января, 1882-го года на 66-ом году от рождения.

Старец о. Григорий – грек († 1873)

Старец Григорий дидаскал (учитель) родился в 1799 году; родители его были зажиточные купцы. Имея 17 лет от рода он отправился на Святую Гору. Здесь сначала поступил он на жительство к одному старцу, жившему на патриаршей кельи преп. Антония, что ныне Андреевский скит (Серай). Здесь прожил он 3 года и потом перешел на келью преп. Евфимия при Руссике к духовнику о. Максиму с которым прожил год. В это время началось греческое восстание, и он уехал на родину, в Морею, где поступил в училище. Потом учился в Афинах философии, богословию и другим наукам. По окончании восстания он поехал было на Афон, но здесь были еще турки, а потому остался в Солуне и в открывшемся тогда училище учился еще 2 года. Наконец, в 1835 году, через 14 лет, он возвратился на Святую Гору. Здесь поступил в Руссик и вскоре принял постриг в рясофор; прожив года 3 он перешел на Капсал, где жил 7 лет. В это время он принял постриг в схиму в Хилендарской кельи Патерица от известного старца Неофита из пещеры преп. Афанасия; и чтобы быть ближе к старцу своему, о. Григорий перешел в келью на Вигле, где жил до смерти. Эта келья его была весьма ветха и внутри совершенно похожа на хлев и убогая, как и сама одежда которую носил старец.

Предлагаем ответы на некоторые вопросы о. Пантелеймона, посетившего старца около 1870 года:

Жить в кельи вне монастыря очень хорошо; только нужно держать умно-сердечную молитву, оставляя прочее правило по книгам, разве только для отдохновения ума. Когда труждается ум от напряжения в молитвенном пребывании, нужно дать ему облегчение, прочесть одну кафизму, или другое что-либо оживляющее дух, пока облегчится ум, тогда опять упражняться в молитве. Потому что от молитвы рождается плод, а от одного правила, человек не может стяжать смирение, плачь, умиление, любовь и остается бесплодным. Ибо многочтение рассеивает ум, а молитва собирает. Только при ней надо иметь воздержание, смирение, любовь к братии и подвиг умный и

деятельный – в этом преуспевание. Если бы человек подвизался в молитве и исправлял все труды деятельной добродетели, но не имел бы смирения и любви, то суетны были бы все труды и подвиги его. Нужно иметь понуждение во всем и внутреннем и внешнем, пребывая в кельи!

Относительно приходящих братий, старец сказал: – Если кто приходит для слышания слова Божия, или вообще для назидания души, то таких нужно принимать не стесняясь, потому что то время, какое мы пожертвуем для собеседования с ними, не есть утраченное. Господь воздаст за это. А если они приходят провести только время, попразднословить, посудить дела монастырские, то таких следует отсекал от себя. Авва Исаак Сирин говорит, что таким нужно сказать: – Я имею узаконенное правило и если не исполню его, то происходит у меня смущение, поэтому прошу тебя, отче, так как наступил час моего правила, потрудись со мною немного. И если он захочет уйти, то удержи его и принудь, чтобы он стоял с тобою и тогда продли свое правило вдвое и втрое обычного и он в другой раз уже не беспокоит тебя!

– За трапезой нужно кушать столько, чтобы, вставая, можно было молиться, потому что от многой пищи помрачается ум, приходит нерадение, и не может молиться человек внимательной молитвой. От многой пищи усиливается плотская брань. А вино, в случае телесной немощи, взрослому можно пить 2 или 3 стаканчика в день. В дороге, или когда человек исполняет тяжелую работу можно насыщаться, а когда находится в своем безмолвии, то надо воздерживаться!

– От молитвы приходит плачь, умиление и другие добродетели. Святые Отцы молитву распределяют так: во-первых, славословие, во-вторых, благодарение, в-третьих, исповедование, в-четвертых, прошение. Я говорю 3 раза: слава Тебе, Непостижимый, Всемогуший, Благий Создателю всего! Потом благодарю Его, говоря: благодарю Тя, Боже мой, о всех благодеяниях, яже явил ми еси от юности моей и даже до сего часа, яже веи и яже не веи и прочее подобное, 3 раза. Далее исповедуюсь Ему, но уже больше и чаще: прогневах Тя, Благий Господи, всеми моими грехами и прочее. Затем прошу о

помощи, о милости, о укреплении в подвигах и против вражеских искушений, более же о милости!

– Молитва Иисусова заменяет все правила и молитвы!

– Авва Макарий Великий говорил: – Если бы кто жил от Адама до последнего дня и проходил бы самые высокие подвиги, как великий Антоний и прочие святые, то и тогда почти ничего не сделал бы достойного той славы, какая ожидает нас в бесконечном царстве славы!

– Если бы мы жили и 60 лет и более в этом мире в самых строгих подвигах, то все это ничего не значило бы в сравнении с блаженством. Мир этот все равно как одно мгновение, – будущий же не имеет конца. Апостол Павел говорил, что Господь по благодати нас спасает, а не от дел (Рим. 11, 16); но в делании заповедей мы потому должны находиться, что вера без дел мертва есть (Иак. 2, 20), и дела добродетельные оживляют ее. Господь хочет, чтобы мы разлучались с грехом, и Он готов нам содействовать Своею благодатною помощью. Заповеди для того нам даны, чтобы мы отсекали грех. Например: девство великая добродетель, а блуд грех; но если мы не будем подвизаться, воздерживаться, молиться и прочее, то грех нас победит и мы впадем в блуд. Тоже: гордость есть величайший грех, а смирение величайшая добродетель; но если мы не будем подвизаться, то мы и не достигнем смирения, равно как и прочих добродетелей, и не избежим греха. Для этого и даны нам святые заповеди, чтобы подвизались победить грех. Любовь нужно иметь ко всем братьям, любить должно и уничижающих и досаждающих, и отнюдь не держать злобу на них. Некто из святых отцов, учитель монашествующих, так говорит: один час молиться умом, потом другой час читать отеческие книги: Добротолубие, Отечник, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина и других о трезвении ума, ибо чтением отеческих книг человек как бы принимает крепость; а после того заниматься сердечною молитвой и пребывать в ней как можно больше. От нее и плоды плачь, умиление, смирение, любовь и прочие добродетели.

– Святые отцы определяют за первый час столько-то четок, за другие богослужения столько-то; вот и можно, заметив во сколько времени совершится это, определить себе эти часы и

заниматься молитвой умной-сердечной. Новоначальный может держать и четки в руках, потому что они как-то будят его, а без них на него нападет леность или сонливость. Даров от Бога не ищите и не просите, – Он знает когда и что дать. Благодать Святого Духа Господь и ныне некоторым при жизни дает, другим при смерти, а иным после смерти; мы только должны крепко держаться молитвы. Те, которые трудятся и ничего не получают, пусть не сомневаются и не изнемогают; получают они воздаяние за посильный труд свой. Кто ищет от Бога даров, на того нисходит гнев Божий! Чтобы сердцу открыться нужны годы. Перемены бывают постоянно; приходит час скорбный, то потерпим, зная, что придет и утешительный. Если человек во время молитвы увидит свет или другое что-нибудь подобное, да не обращает на это внимание, ибо враг преобразуется и в ангела светла и больше еще! От самоуглубления и постоянного пребывания в сердечной молитве старец всегда держал голову согбенно, так что подбородок его упирался в грудь, и даже при разговоре он не переменил своего положения. Редко когда, при каком-нибудь сильном слове речи он, как бы испытывая, поняли ли мы сказанное, или при вопросе, которым иногда заканчивал свою речь, он коротко поднимал голову.

В 1871 году мне пришлось посетить старца Григория с одним близко знакомым мне мирянином; у него, по семейному его положению, были особые вопросы к старцу, на которые он получил такие ответы: – Болезнь попускается нам иногда за грехи, а иногда по благодати Божией, дабы чрез них стяжать нам вечное блаженство. Строго внимайте, чтобы не принять какого-нибудь прилога вражеского; враг постоянно старается вложить в наш ум помыслы о каком-либо незаконном деле, например: при виде чужой красоты и подобное; потому что Господь осуждает и самые вожделения, говоря: всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ей, уже любодействова с нею в сердце своем (Матф. 5, 28). Если кто скажет себе: я молод, исполню все свои желания и похоти, а покаюсь после, и таким образом согрешает, – то такого Господь не сподобит покаяния и пресечет жизнь его. Крепко берегитесь отчаяния; если бы случилось впасть в какой-либо грех, даже и смертный; и тогда тотчас

прибегайте к Богу с покаянием и исповедуйтесь немедленно с упованием на милость Божию. Такому человеку, если он падает, Господь дает покаяние и примет оное. Человек, если будет исполнять все добродетели, а смирения не будет иметь, то потеряет их. Господь хочет, чтобы мы и добродетели совершали и смиренными были; а если кто творит добродетели и превозносится ими, то за одно это превозношение теряет награду за них. Апостол Павел говорит, что Господь туне спасает (Рим. 3, 24), но мы должны сохранять евангельские заповеди, в случающихся согрешениях всегда каяться, сокрушаться и плакать, и тогда спасает нас Господь, но в дар, а не по долгу. Если кто заповеди не исполняет, то и Господь его не спасает; а также если он и в согрешениях своих не кается, то тоже не удостоится помилования. Господь хочет, чтобы мы были чисты. Что бы вы ни делали в этом мире, все суета, но что вы теперь трудитесь, путешествуя по святым местам, это с вами пребудет на веки!

Если монах, живущий в пустыне, проводит время свое в подвигах по Богу и в то же время имеет большие нужды вещественные, но найдется такой благодетель, который бы помогал ему и не допускал из-за вещественного приобретения отвлекаться от богомыслия и подвигов, то Господь разделяет труды пустынника, отдавая половину их благодетелю. Кто раздает милостыню да мудрствует так, что он раздает из даров Божиих, тот паче бывает благодетельствуем сам, нежели благодетельствуемый от него.

Из другой беседы со старцем:

– Смирение так нужно при прочих добродетелях, как известь при кладке дома: одни камни развалятся, а с известью крепко стоят. Камни – добродетели, а известь – смирение, крыша же – любовь. Не думали бы мы, что Господь спасает нас за наши посты, поклоны, бдения и прочее – нет, Господь спасает нас по благодати Своей.

– В безмолвии на кельи нужно иметь малое рукоделие, так как при рукоделии собирается ум у новоначальных; но это допускается только по немощи или же по неутвержденности; большинство святых отцов не одобряют это и отрицают, находя

лучшим и высшим пребывать без рукоделия вне всякого попечения. Один авва сказал:

– Не знаю, как это люди, поступающие на безмолвие, могут упражняться в рукоделии день и ночь? Я только схожу с кувшином за водой, и не далеко, и никого в это время не вижу, но и то смущается мой ум, и я, возвратясь в келью, не могу предстать пред Бога в том помысле, в каком молился до сего. – Преподобный Давид Солунский говорит: – Живущему в пустыне должно оградить себя двумя добродетелями – смирением и воздержанием. Воздержание состоит в том, чтобы не насыщаться, потому что если насытишься, то помрачается ум, и не можешь ни читать, ни молиться, ни вместить духовного разумения. Лучше разделить кушанье на два раза, что мог кушать в один раз, и есть два раза в день, не насыщаясь, нежели есть однажды и досыта.

Святые отцы в Отечнике говорят, что иные не ели по два дня, иные раз в день, то отцы советовали так: тем, кои постятся два и три дня, есть через день; а кто кушает через день, тому каждый день; но каждому из них так, чтобы не насыщаться. Мы спросили старца: как предстоять чистою молитвою пред Богом? Старец хотел сказать о правиле, но спросил:

– Сколько при тебе человек? – Я сказал, что четыре. Тогда старец ответил: – Во множестве это невозможно. Надо жить одному и подвизаться, – да и тогда достигают этого годами. Можно жить с учениками, но выходит один только или два дня в неделю для беседы, а в прочее время пребывать в безмолвии и не выходить даже в трапезу. Таким образом можно еще преуспевать. В отношении приема посетителей сказал: – У аввы Исаака Сирина был духовный брат, к которому он ходил. У него двери постоянно были закрыты и принимал к себе только тех, кто приходили через 2 месяца или реже, но ходивших за назиданием; а если кто приходил для того, чтобы только проводить время, – он таких не пускал. Ибо добродетельный человек никогда не имеет праздное время, он или читает, или молится, или рукоделием занимается, или отдыхает, – одним словом во всякое время праздным не бывает.

В отношении искушений и страхований старец говорил: – Да, бесы часто приходят, шумят, кричат, – чего только не делают. Подходят даже к двери и, стучась, говорят: «Диевхон» (молитвами), а всей молитвы не говорят. Но и тогда я ни на что не обращаю внимания.

– Мне вот не хочется нести искушения от людей, и я думал было пойти в пустыню, а тут вот какие козни дьявола.

– На это старец сказал: – Чтобы жить в пустыне надобно глубокое смирение и воздержание иметь, – это не допускает бесов делать пакости. При том, если что и случится, – выше сил Господь не попускает. Кратко сказать: что бы бес ни строил, не обращать никакого внимания.

В отношении оскорбляющих старец говорил: – Любить, любить надо врагов своих, поносящих, оскорбляющих, клеветующих и злоторящих; терпеть от них все и опять любить их. Потому что имеем заповедь любить ближнего. Молясь мы просим Господа: И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем! – При этом старец рассказал пример о себе: – Один мирской гневный человек поступил было ко мне в чаянии обуздать свой нрав и послужить Господу в монашестве. Жил он 2 месяца, но и одного дня не мог воздержаться от гнева, какого я еще не видал нигде. Сколько я его ни убеждал, сколько ни терпел, – собрат мой нисколько не исправлялся. Всякий день укорял меня, называя и скотом, и ослом, и мулом, и другими бранными словами, какими только ему вздумается. Я всегда отвечал: точно так, брат, такой я! Но он этим не успокоился и еще хуже злословил, и запальчиво говорил: в твою бороду молиться только надо! – так брате, отвечал я. Такое и подобное происходило два месяца, и я, не видя, чтобы он сколько-нибудь исправился, наконец, сказал ему: брате, ты не можешь со мной жить. – Отчего? спросил он. – От того, что ты в эти два месяца воздержался ли хоть сколько-нибудь от гнева? Сколько я говорил тебе как поступать, но ты не внимаешь! Мирянин крепко осердился за эти слова – забрал все, что только было в калибке у меня и хотел уходить. Я ему сказал: зачем же ты обижаешь меня? ведь ты ничего не принес, и это не твое! Но он и слушать не хотел и ушел. Конечно, я мог бы удержать его, – мог бы пойти

с ним в лавру и посадить в пиргу, но помнил евангельское слово: Аще кто хочет взять твою одежду, отдай ему и рубашку, и – Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, – и простил его в душе и только вслед его посмотрел, как он пошел. пожелав о его жалком устройении. Бедняжка не далеко отошел, упал на дороге и взбесновался. 3 месяца бес мучил его. В каком-то монастыре читали над ним Евангелие, и он получил исцеление. Потом ко мне приходил просить прощение, и принес 10 левов. Я сказал ему: я и без них тебя прощаю, но смотри, как пред Богом оправдаешься. С тем он и ушел!

Когда рассказывали о скорбных обстоятельствах моего знакомого, старец говорил: – По немощи обратиться к докторам и послушаться их можно; но лучше предаться Богу всецело, – как Ему угодно будет; и в то же время милостынями и разными добродетелями служить Ему. Если жена умрет, то не надо печалиться, потому что смерть, все равно, неизбежна, но для нее, следовательно, Господь приготовил именно это время. Может быть, Господь нашел ее в таком состоянии, что если она умрет теперь, то спасена будет. Пишут святые отцы: и смерть временами бывает нам полезна; не смутиться только, а предаться воле Божией!

Родители о. Григория были очень богаты. Оставшийся по них родной брат был однажды наказан от Господа за грехи корыстолюбия и лихоимания. Старец писал брату, прося его прислать хоть некую часть из принадлежащего ему, так как не имея никакого рукоделия, крайне во всем нуждался. Но тот не внял просьбе брата своего, хотя он и увещевал его оставить грех сребролюбия. Тогда Господь посетил его наказанием: воры ограбили у него магазин и все имущество, причем, жена его осталась калекой. Когда брат писал о. Григорию о случившемся, то старец ответил ему предупреждением: – Так Господь вразумил тебя, а если не оставишь свою страсть, то Он и вовсе прекратит жизнь твою!

Преклонность лет и всегдашнее подвижничество, наконец, уложили старца на одр болезни. Не имея при себе ни сожителя, ни послушника, он не мог известить о своей болезни в

молдавский скит. Случайно зашел к нему пустынник о. Каллист, живший недалеко от него, и, узнав о его положении, стал часто навещать его. Старец все изнемогал и в одиночестве так и отдал свою душу Господу. Похоронили его при его калибке. Преставился старец о. Григорий в 1873 году.

Старец о. Афанасий – молдаванин († 1873)

За молдавским скитом на месте называемом Вигде в смиренной калибке жил старец о. Афанасий из молдаван, муж зрелый в духовном делании. В конце 18-го и начале 19-го столетий на этом месте подвизался старец молдаванин о. Георгий, муж ученый и типограф. Во время греческого восстания о. Георгий выехал в Морею. Там митрополит, познав его высокую жизнь, принудил его принять рукоположение. Побыв там год о. Георгий поехал в Валахию, где остановился при монастыре Черника в уединенном месте. Там и скончался он, постоянно помышлявший возвратиться на Святую Гору; но не мог он исполнить своего желания по случаю наводнения Афона турками.

По приезде о. Георгия в Чернику, пришел к нему юноша Афанасий, услышавший о высокой его жизни, и остался при нем, желая соревновать его подвигам. До этого Афанасий жил в Нямецком монастыре, поступив туда еще мальчиком. Со старцем о. Георгием он жил 8 лет и после смерти старца отправился отыскивать родного своего брата, в монашестве Нектария, которого нашел и вместе с ним приехал на Святую Гору в 1840 году. Здесь прожили они только лишь год, в Ксенофском скиту, по причине молодости брата. Через год отправились в Иерусалим, и оттуда в Молдавию. Как скоро отросла борода у Нектария, то они оба прибыли снова на Афон, и старец Афанасий поселился на Вигле, где жил почивший его старец о. Георгий.

О. Георгий был руководим в умном делании одним из ближайших учеников старца Паисия Величковского, соименным ему Георгием, под руководством которого он так преуспевал, что от него, как из источника, напоялись все занимавшиеся этим деланием. О. Афанасий рассказывал о своем старце: – От многого плача у него отпали ресницы у глаз.

При смерти его я горько плакал от разлуки с таким старцем, но он утешил меня и сказал, что только один год буду жить

один. Так и было: чрез год я нашел моего брата Нектария, и вместе поехали на Афон!

Вспоминая о старце Паисии Величковском, старец Афанасий рассказал: – Я застал в живых древнейшего старца, ученика Паисиева. Вы можете понять, кто был великий этот Паисий, из события, бывшего с этим учеником его: он был муж зрелый духовный; сидел он однажды на кровати в духовном размышлении, и вот видит: поставился престол, его окружали множество бесов, а другие бесы с торжеством привели сатану, который вошел на престол. К сатане приходили бесы по одному с докладами, и он их расспрашивал: – Ты где был? – Первый явившийся бес отвечал: – Я был у такого-то монаха, безмолвствующего за монастырем (Нямец), и не мог подойти к нему, потому что как только хочу подойти, он упадет на землю, и от него исходит огонь, который и опаляет меня! – Сатана велел бить его, как и других, не успевших в своих злокознствованиях. Так били 5 или 6 бесов. Затем заахал сильно сатана и сказал: – О! мешают мне эти трефолои (т.е. эти книги о духовном делании переведенные старцем Паисием), но придет время, когда их не будет, и все сделается по моей воле! – Вот, добавил о. Афанасий, и пришло это время, ибо библиотека столь знаменитая вся сгорела в Нямеце; а оставшиеся книги о духовном делании никто теперь не читает.

Из записок о. Пантелеймона о посещении старца: – Когда в первый раз мы пришли к старцу Афанасию, имея проводником скитского старца, увидали мы издали, что старец работает на винограднике своем. Как только заметил он нас, бросил то, что делал, и поспешно пошел по направлению к своей калибке. Спутник наш, знавший старца, поспешил за ним громко крича: – Отче Афанасие! – но тот без оглядки так быстро уходил, как бы кем преследуемый. Мы свернули с тропинки и зашли на пути к калибке на скате скалы, а проводника послали догнать и спросить старца, примет ли он нас. Тот погнался за старцем, звал его, но старец не остановился.

Долго стучались мы в дверь его калибки, так что я уговаривал уже проводника перестать, но он, зная старца, продолжал стучаться крепче и крепче. Наконец старец отворил

дверь и вышел, и с любовью принял нас, извиняясь, что он глух, и не слышал, что мы стучались! Воспомянув о месте, на коем он поселился, сказал: – Вы посещаете пустынников и те места, где жили древле святые отцы, то вы получите воздаяние больше нас, здесь живущих; а мы окаянные живем здесь и, проводя дни в лени и нерадении, заслужим сугубое осуждение!

– В искушениях нужно молиться, чтобы Господь помог понести их!

– Святые отцы пишут, что лучше есть и пить все, и осуждать себя, нежели не есть и увлекаться гордостью. Святой Василий Великий одобряет тех, кто поддерживает тело умеренностью: это нужно в поддержку души для подвигов, а без того она изнеможет; но только с рассуждением!

– Кушать не беда, но рассуждение нужно. Точно без умеренности ум омрачается, но покушав, укоряет себя, что наелся как скот, и кается пред Богом, – а это приятно Богу. Но если кто, хотя бы в пустыне жил, и постился и молился, а будет мечтать что делает хорошо (бес хвалит его в сердце), то он остается с одним высокоумием; а тот ядущий и укоряющий себя, приближается к Богу покаянными чувствами!

– Святые отцы новоначальным повелевают жить в общежитии и там побеждать страсти, а потом уже поселяться в уединение. Память смертная и рассуждение с молитвою просвещает человека; так свет открывается в уме его и он без вреда проходит искушения, – этот свет показывает ему дорогу!

– На кельи жить хорошо. Знаете писания, но при этом необходимо держать и молитву, ибо нет другого столь сильного и верного орудия против врагов, ни на небе, ни на земле, как молитва Иисусова. Надо всегда творить эту молитву, пока она найдет себе место, – а найдет, когда обретет уготованноеместилище (сердце) очищенным от страстей. Сердце же очищается посредством молитвы! Молитва, действуемая постоянно, восполняет недостатки, неисполнение правила и другие деятельные подвиги!

– Безмолвие, если захотите, можете найти в вашем месте, где живете. Если вас трое или четверо, наверное единомысленные, иначе вы не стали бы их держать,

следовательно безмолвствовать можете. Тайну свою нельзя раскрывать кому-нибудь, а только духовно опытному, понимающему это дело; потому что есть такие, которые осуждают и хулят безмолвствующих. Вот например: В Ксиропотамский монастырь поступил некто, сделал вклад; его включили в число проэстосов, и он жил несколько лет; потом узнавши о пустынниках и видевши, как живут в штатном монастыре, пожелал удалиться на безмолвие и пришел в Кавсокаливский скит к старцу Иерофею, но, прожив год, стеснился пустынною жизнью и возвратился в Ксиропотам, где старший проэстос заметил ему: – Живи-ка в монастыре; куда пошел ты? в пустыню! Это только молдаване да русские ищут какой-то умной молитвы и сходят с ума. Туда идут люди потерянные и негодные! – Вот – добавил старец, – какое понятие о пустынниках вообще и о духовной жизни у некоторых. Нельзя же всякому открывать свою тайну. Святой Исаак Сирин пишет: Не каждому вверяй тайну свою, но единомысленным и духовному делателю!

– И святые отцы читали, пока получили благодать в молитве; а получив, оставили чтение. Весьма хорошо и по временам ходить по тем местам, где жили святые: преп. Афанасий, преп. Максим, преп. Нил и многие другие; это может послужить в большое назидание и утверждение души. Ибо на этих местах невольно родятся такие мысли: вот здесь жил такой-то отец, а я окаянный живу как? Таким самоукорением и молитвою к святым душа умиляется и укрепляется. Память смертную и суд Божий нужно иметь постоянно, в особенности при совершении молитвы.

– Ученика, если бы нужно было, дали бы из скита; но я нахожу лучшим быть одному. А когда по болезни трудно, приходит брат, о. Нектарий, и помогает. Прежние святые отцы жили с другими, и теперь люди сильные имеют учеников при себе и руководят; а мы немощные не можем терпеть сего, – живем одиноко, ибо одному все как то легче вспоминать о своих грехах. Сильные могут наставлять и других; они и воздаяние получают больше. Вот в Киеве много в пещерах святых отцов; но преп. Антоний и Феодосий славу имеют большую – они великие!

– А преподобный Нил Сорский – как хорошо он изображает безмолвие!

– Не скорбите о беспокойстве от братии. Если они хотят посоветоваться с вами, и вы им что скажете, то это не разоряет безмолвия, – любовь к братии вменяется в безмолвие. Оно ведь многих видов: иной целый день говорит, но все идет на пользу; а другой скажет одно слово, и оно оскорбит брата!

При прощании мы спросили старца: можно ли придти к нему в другой раз? не стеснится ли он этим? – Старец отвечал: – Мы привыкли не внешнюю дверь запирать, а двери от входа страстей!

Зная по слуху, что старец имеет бороду до земли, мы хотели просить его, чтобы он показал ее нам; но боялись как бы не оскорбить его и потому заранее просили, чтобы он простил нашу дерзость. – Старец удивился и обещался простить. Мы тогда просили развязать бороду и показать нам. Старец отстегнул подрясник, развязал бороду, которою опоясывался и отпустил. Борода не доставала до ступней ног, но 4 волоска ее лежали на земле. Сделав это, старец заметил нам, что такое наше любопытство праздное и напрасное: волос пустая вещь, длинен ли, короток ли, ничего не прибавляет к спасению, для которого нужны не волосы, долженствующие истлеть в могиле, а дела богоугодные.

Осенью, в октябре 1873 года старец о. Афанасий, почувствовав сильный упадок сил, оставил калибку и придя в скит, слег в больницу. Немного дней спустя, 23-го октября, он мирно преставился ко Господу.

Неизвестный пещерник – грек († 1855)

Рассказ ктитора молдавского скита о. Нифонта (из записок о. Денасия): Сей раб Божий жил в пещере не далеко от пещеры преп. Петра Афонского. Сколько лет он жил там и как его имя – неизвестно.

Жизнь его была в совершенном нестяжании, – он ничего не имел ни на себе ни в пещере; ходил босый, без шапки, и только лишь был покрыт самым ветхим, негодным рубищем.

Однажды 2 монаха из молдавского скита, проходя в тех местах, сбились с тропинки и попали в пещеру этого пустытника. Он держал в руках маленькую псалтирь, которую постоянно читал при упражнении в умном делании. В разговоре с пришедшими монахами он высказался, что боится быть осужденным в будущем за вешелюбие, ибо не отрешился еще всего земного и имеет эту псалтырь, – потому и просил их взять у него ее!

Предвидя свою смерть, он пришел к о. Нифонту, тогда жившему в пещере близ пещеры пр. Афанасия на Вигле, и попросил отслужить литургию и причастить его Святых Таин, говоря: «Конец мой приближается!»

Отец Нифонт изъявил согласие и отправился с ним в церковь святого Иоанна Предтечи, где отслужил литургию и причастил его. Когда пустытник прикладывался к иконам перед причастием, он все плакал. По окончании службы о. Нифонт предлагал ему разделить с ним трапезу, но тот отказался и, поблагодарив его за внимание и попросив святых молитв, пошел в путь. Не дойдя до своей пещеры, он тут же на пути и скончался. От роду ему было всего лет 40–45. Это случилось в 1855 году.

Старец о. Герман – болгарин († 1875)

В пустыне Кукузеловой, Хаир, жил старец о. Герман. Мирское имя его было Георгий, но как он проводил жизнь в мире, не знаем. Известно только, что первоначально он поступил в монастырь Косфеницы, где принял постриг и где прожил 10 лет. По окончании греческого восстания он отправился на Афон, и заявился к прежде него приехавшему из Косфеницы духовнику его, который поселился в монастыре Ксиропотаме. Прожив здесь 4 месяца и рассмотрев тамошнюю жизнь, он отказался жить более в Ксиропотаме. Духовник уговаривал его остаться, но о. Герман отвечал: – Я ищу жизни возвышенной и приехал поступить или в общежитие или в пустыню; а тут идиоритм. Если жить так, то лучше возвратиться в Косфеницы! – После этого он оставил духовника и пошел по Св. Горе.

Придя в скит Кавсокалив и узнавая о старцах, он пошел к старцу о. Даниилу хромому, жившему в кельи святых Архангелов. Тот спросил его: – Для чего ты пришел ко мне? – Дать тебе немного милостыни! – отвечал о. Герман, и дал ему 100 монет. Это было на третий день Пасхи, и у старца Даниила нечего было кушать. Он поблагодарил, а о. Герман расспросил старца обо всем что его волновало. Потом пошел к духовнику скита и сказал: – Благослови, отче, мне поступить к старцу Даниилу! Духовник, испытывая его, сказал: – Что ты! у него и есть нечего, и при том он и больной! – О. Герман отвечал: – Это ничего что есть нечего, но он духовный старец, и я ищу себе не для хлеба старца, а для души руководителя! – Когда так, сказал духовник, иди – Бог благословит!

О. Герман пошел и сделал метание старцу и, получив его согласие, прожил с ним 14 лет, приняв от него схиму. Через 2 года старец Даниил ослеп. – Когда о. Герман поступил к старцу, тот наполнил торбу лимонами и послал его в лавру, чтобы взамен их взять сухарей. Принесенных сухарей достаточно было для них на 6 недель. Потом взял в скиту одно око рису и

им достало его на долгое время. Масло употребляли они только для лампад в церкви.

Старец о. Даниил кроме слепоты сильно страдал ногами, так что только летом, и то держась за жерди, мог ходить. О. Герман во всем служил ему с самоотвержением. Старец Даниил был духовный муж, – строго хранил монашескую жизнь, не уклоняясь ни на право ни на лево; имел молитву, так что и во сне она в нем действовала. Во всю жизнь на Святой горе он соблюдал среды и пятницы постясь, хотя бы то был и Господский праздник; но это последнее, говорил о. он потому делал, что был неграмотен, и по простоте своей он поступал так. Однажды он услышал читаемое в церкви, что умер некий монах и было открыто одному святому мужу, что тело его провожают 3 Ангела. Тот святой муж спросил их почему Ангелы провожают? – Знаю, что один Ангел хранитель, – а другие два? Ангелы ответили на это: этот монах соблюдал всю жизнь среды и пятницы, и потому мы посланы от Бога отдать честь его телу при погребении и представить душу его ко Господу во славе. – Услышав это, старец Даниил решился с того времени делать то же. Он хотя был неграмотный, но если что раз услышал, то непременно начинал исполнять, и с такою решимостью брался за дело, что никогда не оставлял неоконченным того, на что раз решился. На Афоне он жил более 50 лет, а скончался лет 80.

По кончине старца Даниила, о. Герман жил еще на Капсокаливии лет 20, а потом переселился на Хаир, где жил до смерти.

Удивительны, также, жизнь и подвиги духовных отцов о. Даниила, старца о. Германа. Старцем о. Даниила был Давид, Давида – Христофор. Старец о. Давид был слепой; на бдения и на литургии в соборную церковь его водил ученик, – при слепоте телесной о. Давид прозревал будущее предсказал он свою смерть. Это было в Великий Четверток; приобщившись Св. Таин, старец сказал: – С воскресением Христа я отожду ко Господу, но прежде скушаю красное яйцо, и тогда пойду! Это и сбылось. В день Пасхи после литургии, вернувшись в свою келью, он попросил яйцо и сказал: – Простите, – и отдал дух

своей Господу. На вечерне при пасхальных песнопениях погребли его.

Старцем сего о. Давида был Христофор духовник, который в простоте работал Господу. Он был так прост, что однажды, будучи еще учеником, слышавши как 40 мучеников замерзли в озере, хотел и сам тоже замерзнуть, и для этого задумал зимою влезть в цистерну с водой, но, как истинный ученик прежде сказал об этом своему старцу. Тот побранил его. Молчание его было неокрадомое. На Афоне прожил более 60 лет.

(Из записок о. Пантелеймона): Когда мы пришли к с о Герману, то застали его больным, но в обильном благодатном посещении. Время было позднее, а потому мы торопились. – Простудился я, – говорил старец, – и у меня сильно заболели зубы, не давали мне покоя. Имея же такую Попечительницу, Царицу Небесную, Которая дала обещание преп. Петру, что будет Промыслительницею и Питательницею и восполнять недостатки живущих здесь, я пошел на то место, где жил преп. Петр и помазал лице свое крестообразно маслом из лампы перед иконой Божией Матери. Нельзя, – продолжал старец, – чтобы, живя в пустыне, не видеть какого искушения; надо только терпение, – этим Господь устроит наше спасение!

– Ты, отче, привык к терпению, – говорили мы, – а мы малодушны и вовсе не можем терпеть: какой нам предстоит труд, чтобы придти в такое устройство! – Ничего, понемногу можно привыкнуть. Вдруг за большие дела не нужно браться, а с маленьких. Преп. Антоний во всю жизнь не ел с маслом, не пил вина, но закона этого никому не положил; а о искушениях: должно только иметь мытареву молитву, – для нас нужно только смирение; при прочих добродетелях можно упасть, смирение же не падает!

– Здесь, на этом самом месте, в калибке жил старец из молдаван, по имени Герасим, скончавшийся около 1820 года. Ему однажды во сне явились три старца и сказали: – Мы трое живем здесь недалеко; не беспокойте нас и скажите, чтобы и другие не тревожили нас! Старец сказал духовнику о видении. Духовником был тогда известный старец Неофит Караманлис, постоянно ходивший по пустыням для исповеди и причащения

отшельников. О. Неофит задумал поискать мощи сих трех явившихся его духовному чаду старцев. Излазил он все пещеры, а там их множество, раскидывал камни, но ничего не нашел. Чрез некоторое время они явили себя тому же старцу таким образом: проходя по пустыне мимо одного места по дорожке к преп. Нилу, он всегда ощущал благоухание; а в то время, когда угодники Божии восхотели явить себя ему, он ощутил такое сильное благоухание, что невольно остановился; это было как бы целое облако, объяввшее его со всех сторон. Тут явилось у него желание узнать, откуда оно исходит, и пошел он искать. Долго ходил кругом пока не остановился около бизюли, где ему показалось, благоухание было самое сильное. Помолясь, он взял из бизюли камень, потом другой, третий и увидал за ними пустоту; он стал дальше разбирать, и за бизюлею оказалась пещера. Когда открыл настолько, что мог уже влезть в нее, услышал голос: – Не беспокой нас! Нас трое, здесь жили и погребены, и хотим, чтобы никто нас не тревожил! – Старец закрыл вход в пещеру и ушел. После только ученик его Иларион знал это место!

Еще о. Герман рассказывал: Преп. Акакий Кавсокаливский имел великую любовь к преп. Максиму, и во всяком помысле прибегал в молитве к нему. Много раз являлся преп. Максиму за его веру и любовь. Однажды увидал он преп. Максима со многими последующими ему, кои были в белых ризах, только одни схимы на них были обычные. Преп. Акакий спросил: – кто это последующие за тобою? Преп. Максим отвечал: – Это жившие в пустыне здешней, которых я при жизни наставлял и они следовали моему учению! – Вот как было, – продолжал о. Герман, – но и теперь так же: и теперь есть такие, которых никто не знает. Они хотя и живут подобно другим, но только никто не знает высоты духовного их устройства, подобно как не знали во время жизни преп. Максима, которого все считали за прельщенного, и не год, не два, а целых 50 лет, пока не открыл его преп. Григорий Синаит.

Старец Герман воскликнул: – Сколько разваленных калибок находим здесь, сколько пещер, в которых, видно, жили и спасались преподобные отцы! Вот дня два назад один брат

нашел пониже моей калибы к морю, маленькую калибочку, разваленную уже, но на таком месте, что не знаю как там жил кто, а жил; ведь сколько лет существует моя калибка и жили в ней, а никто не нашел этой калибочки. Поэтому пустыни эти наполнены святыми мощами, но они остаются не явленными. Духовник о. Неофит Караманлис сколько искал их тут, и не находил, потому что почившие святые не хотят быть обнаруженными!

Коснувшись прежних подвижников, старец говорил от себя и слышанное от своего старца о. Даниила: – Прежде в скиту Кавсокаливе были достопочтенные старцы, подобно древним великим отцам, пред которыми мы, вся братия скитская, проходили с большим благоговением. Старцы как столпы неподвижно стояли на бдениях с вечера до утра не оглядываясь в стороны. Все они были молчаливы, праздное слово у них не существовало, даже и о нужном говорили мало, и то, только когда нужно было. Жизнь духовную хранили опасно. Среди них сиял особенною святостью старец о. Авксентий; между старцами он был как светило. Жил он на кельи св. Георгия; был у него один глиняный горшок, в котором варил для себя травы, собирая их по пустыне, и только одно это он кушал; иной раз употреблял еще хлеб, но ничего более. Около 60 лет жил он в скиту; по смерти его остался ученик Неофит Караманлис духовник, который скончался в 1860 году более 100 лет от роду!

Вспомнив еще об одном подвижнике, старец Герман рассказал следующее: – Ученик старца Киприана, Гавриил, был большой умелец; мог всякое дело делать, почему скитская братия обращались к нему во всем; сломается ли что, испортятся ли хотя бы часы, о. Гавриил никогда не отказывался послужить по любви к ближнему. Так как питался он от рукоделия, то нельзя было не награждать трудов его, почему братия просили его брать что следует. Тогда о. Гавриил, рассчитав день, во сколько времени он сделал вещь, и сколько причиталось за это время получаемого им с своего рукоделия (делал он ложки и четки), столько и брал от тех, кто просил его взять, и больше ни парички. Так он хранил свою совесть. Случившиеся при кончине его увидали, что старец улыбается и

лицо его просветлело, но не догадались спросить его, что он видит. Они побежали к старцу о. Никифору, который обрел мощи преп. Нила в 1815 году, и сказали ему об этом. Никифор же им сказал: – Бегите скорее и расспросите, что он видит? – но душа старца уже отлетела ко Господу. Там был и старец Даниил, который рассказал все это. После старца о. Гавриила в кельи св. Иоанна Богослова остался ученик его о. Герасим, скончавшийся около 1865 года, имея более 100 лет от роду.

Зимой 1869–70 старец Герман был занесен снегом и 10 дней пробыл без хлеба. В том же году один мирянин, пожелавший поступить в монашество, заболел и достигши пустыньки о. Германа, слег окончательно. Старец служил больному самоотверженно, отказывая себе почти во всем необходимом полтора года. По желанию больного, старец постриг его, назвавши Христофором. Выздоровев, новопостриженный стал выражать неудовольствие, не будучи в силах выносить суровой жизни старца; ему хотелось рыбы, масла и пр., и не видя этого, оставил старца. По уходе его поступил другой ученик, именем тоже Христофор.

При посещении старца Германа в апреле 1871 года он говорил:

– Нужно терпеть и обращаться с благостью с теми, кто восстает против любви к пустынникам. Матерь Божия хочет, чтобы было изобилие во всем в Ее жребии, чтобы никто ни в чем потребном не имел недостатка; потому и вы пошли по этим скалам и пещерам, ради заповеди Христовой о любви к ближнему. А кто найдет живущих здесь по скалам, если вы не пойдете? И тот, кто является таким образом благодетелем, первый и воздаяние получит, подобно кадящему, который прежде других сам ощущает благоухание. Если же некоторые восстают против благотворения пустынникам, то терпите: Господь воздаст за терпение и исправит это. На базар везут разное: тот то, другой иное, третий свое; но все с прибылью возвращаются назад, – так и здесь. Это на вещественном базаре, а также и в душевном спасении все торгуют, кто чем и как, и все пользу примут. Терпение и благость нужны для истребления вражеского действия, когда бес действует в людях

разными своими кознями, чтобы препятствовать всему благому. Благотворительные люди, которые присылают нам на нужды свои пожертвования, будут иметь воздаяние такое же, как тот старец, ходивший за водою, шаги которого считал Ангел. – А для чего ты считаешь, спросил старец у Ангела? – Для того, чтобы за каждый шаг получил ты воздаяние!

Спросили старца о молитве: – Нужно упражняться. Когда сердце очистится от страстей, оно делается престолом Божиим. А когда враг влагает свои внушения в сердце и они бывают приняты, то благодать оставляет человека, как пчела от дыма или от смрада. Если кто слез не имеет, то пусть имеет печаль по Бозе, болезнование сердечное, оно, при смирении, уподобляет человека мытарю, оправданному Господом, и получит он милость Божию.

– Когда в Солуне, рассказывал старец, во время греческого восстания посадили в темницу афонских старцев, солунский паша, не удовлетворившись прежде взятою большою суммою и вещами с афонских монастырей, требовал от заключенных проэстосов и доверенных еще огромную сумму. Заключенные говорили, что ничего у них нет. Паша настаивал. Тогда ему сказали, что только и осталось на Афоне, на церквах свинцовые крыши и то только в некоторых монастырях. Паша велел заключенным написать на Афон, чтобы оставшиеся монахи свинец этот сняли и прислали в Солунь для отлития пуль. Отцы исполнили это; но выдавши ему письмо, рассуждали между собою всю ночь и болезновали об этом и молились Божией Матери. Вдруг ночью приходят в тюрьму два каваса и требует к паше купца Спандали, который тоже был в заключении. Он подумал, что и естественно было в их положении, что зовут его на казнь, почему, отправляясь, просил молитв у отцов. Приходит к паше, а тот велит ему передать афонским старцам, что свинца с церковей он не возьмет, и пусть напишут другое письмо на Афон, чтобы никто не посмел трогать свинца на крышах! Затем паша рассказал: ему во сне явилась Матерь Божия и так устрасила его, что он теперь ни за что не решится раскрыть церкви. Когда отцы услышали от Спандали радостную весть, весьма обрадовались и благодарили Царицу Небесную за

Ее великое и скорое заступление. – Старец продолжал: – Вот как Матерь Божия заступает; также во времена Чама (1854) не попустила туркам: они были уже около Хилендаря, явились истребить все монастыри, но монахи все постились три дня и молились, и в один день турки ушли.

Еще рассказывал старец как его сохранила Матерь Божия: – Однажды упал я с высоты лестницы и ударился боком о камень, который воткнулся и прошел внутрь, так что на палец только не дошел до сердца, и я воззвал: – Пресвятая Богородице, помоги мне! – и остался жив. В другой раз приходил к нему разбойник в его калибку. Приходил он совершенно нагим. О. Герман спросил его: зачем пришел? – Тот отвечал: – Убить тебя! и кинулся на него. Они боролись полтора часа; наконец тот повалил о. Германа и начал душить его. Старец взглянул на образ Божией Матери и воззвал к Ней. Разбойник, как бы испугавшись чего, вскочил и убежал. После этого старец по ночам стал уходить в лес. Через двое суток опять приходил разбойник, – следы его остались у кельи, но более он уже не появлялся.

(В записках о. Пантелеймона сохранилась заметка одного Саровского монаха о посещении им старца о. Германа): – Направляясь от пещеры преп. Нила к Лавре и спустясь по рассыпавшимся кускам белого и светло-голубого мрамора, одинакового свойства с уральским полевым, мы попали на тропинку, ведущую к старцу Герману. Вскоре мы увидели жилище старца, разрушившееся от ветхости и во время падения изувечившее о. Германа так сильно, что он, несмотря на истинную любовь к иноческому терпению, просил Царицу Небесную даровать ему исцеление, обещаясь при первой возможности устроить в честь Ее малую церковь. Матерь Божия услышала молитву и желание его, и в скором времени он получил исцеление. Но построить при своей келье храм, как он обещал, он не мог по крайнему неимению средств. Пройдя разрушившуюся калибочку старца, я увидел за нею новую еще необустроенную келью. Сам же о. Герман трудился в это время со своим учеником над выделыванием оливкового масла. Увидев нас, он оставил свою работу и поспешил встретить нас

глубоким поклоном. Он был среднего роста, несколько сгорбленный, но его походка и осанка дышали свежестью и простотою дитяти. Одежда его сшитая и связанная из нескольких суконных и холщовых лоскутков. Небольшое его лицо, осененное седыми волосами и небольшою окладистою бородою, отсвечивало неземными радостью и миром; оно было полно любви, кротости и всецелого внимания и участия к кому бы то ни было. Мне казалось, что старец Герман был очень похож на нашего великого старца о. Серафима! Первым вопросом его был: – Не голодны ли мы? – есть у него хорошие сухари и свежая вода! Но так как мы были сыты, то я просил его попотчевать нас чем-либо для подкрепления сил душевных. – Вздохнув, старец сказал, что такими запасами он крайне беден, и что он и все христиане в сии последние времена, по указанию святых отцов, спасаются единственно благодатью Христовою, которая подает разум и силу к перенесению многих и великих искушений. – Что на пути монашеской жизни нашли вы лучшего? спросили мы его. – Послушание! – отвечал он. – Я готов верить этому, если говорить о жизни отшельнической, – продолжал я, – но когда дело коснется общежительной, то не совсем верю: мне кажется, что соперничество в состоянии монастырей увлекло предстоятелей, а за ними и все монашество в интересы и материальность, которых добиваются разными благовидными средствами; отчего, думаю, в наши времена так оскудело истинное монашество. При таком направлении иному из нас иногда приходится получать послушания, не согласуемые совестью нашей с учением Церкви. Будет ли в таком случае послушание спасительно? – Если ты убежден, – ответил он, – что повеленное противно заповеди Божией, то что мешает тебе прежде исполнения объяснить о том начальнику? – Мое распятие! – отвечал я. – Но не на то ли ты вышел из мира, чтобы взять крест свой и последовать Христу? – Но что мне делать, когда по объяснении старец не убедится и будет настаивать исполнить повеленное? – Если оно не составляет греха смертного и ты немощен, то, по моему, лучше делать, потому что он, а не ты будешь отвечать за то пред Богом; но если ты крепок верою, то лучше быть

виновным пред начальником, чем пред Богом; лучше быть готовым понести наказание и даже выйти из монастыря, нося крест свой. Впрочем, кто в простоте сердца и с полною верою предает себя в послушание, непрестанно моля Господа, чтоб Господь открывал руководителю старцу волю Свою ради спасения твоего, того Господь не попустит до искушения, и начальника и подчиненного избавит от сетей лукавого.

Почил о. Герман от многих трудов своих в 1875 году. Кончина его, попусцием Божиим, была насильственная от рук злодеев. Однажды случилось ему быть в Кавсокаливе; там заметив мирян-рабочих, он стал объяснять им, что предполагает строить у себя церковку, для чего потребуется увеличить здание калибы. Мастера, слыша это, предположили, что у о. Германа есть деньги, и порешили отобрать их у него, пока не наймет мастеров. Пришли они в пустыньку старца и, по всей вероятности, не получив ничего, убили его. Желая скрыть злодеяние, они набрали множество сухого хвороста, и обложив калибу, в нескольких местах подожгли, а сами удалились. Но огонь потух, калиба осталась цела. Прибывший по какому-то делу знакомый старцу один пустынник нашел калибку обложенную хворостом, а о. Германа убитым. И таким образом открылось дело.

Старец о. Иоасаф – грек († 1872)

В верхней части «Ниловой пустыни» находится келья св. великомученика Артемия. Здесь 52 года подвизался старец о. Иоасаф (с 1823 по 1872). Старец же его, духовник о. Корнилий жил тут 40 лет (с 1817 по 1857).

О. Корнилий прибыл на Афон в 1812 году, будучи 45 лет от роду. Начало монашества полагал в кельи св. Предтечи на Вигле, где ныне стоит молдавский скит; но не долго там пожив, перешел на келью св. Артемия. Он был муж духовной и святой жизни.

О. Корнилий рассказывал, что до пришествия турок на Св. Гору, когда около их кельи в разных местах подвизалось много пустынников, один старец, как то рано утром, пошел собирать каштаны. Лаврские вордунари (муларщики) в то время охотились за кабанами. При тусклом свете луны, не разглядев хорошенько, один вордунар, приняв старца за кабана, выстрелил и смертельно ранил его. Подобным же образом пострадал некто старец о. Леонтий. Будучи еще мирянином, однажды он в ссоре ударил своего противника так крепко, что тот повалился и умер. Сделавшись потом монахом на Афоне, ему, промыслом Божиим, чтобы совершенно смыть с себя этот грех, была попущена насильственная смерть; это случилось в 1821 году, во время восстания греков. Турецкие войска заняли весь Афон. Из Кавсокаливии почти все ушли в Лавру, чтобы здесь быть в большей безопасности не столько от турок, сколько от морских разбойников. О. Леонтий жил на Кавсокаливии. Замешкался ли он, или просто по старости лет не мог скоро уйти, только нагрянувшие разбойники, ограбив скит, заметили его, когда он удалялся, и закричали ему вслед: – Пстой! Старец не остановился. Разбойники, выстрелив, убили его наповал.

На полчаса ходу от кельи св. Артемия находятся развалины древнего скита св. Василия. Когда в одно время прибыли на Афон многие из Синайских монахов, вытесненных из своих монастырей агарянами, то они поселились в этой местности и

на Катунаках. Но только многие из них вскоре умерли, не будучи в силах вынести здешнего климата, а остальные оставили Афон.

Старец о. Иоасаф, родом грек, прибыл на Афон в 1820 году и поступил в Лавру, где прожил 3 года. Вскоре турки наполнили всю Св. Гору. Вместе с другими о. Иоасаф прислуживал туркам и, к удивлению всех, никак от них не пострадал. Затем, в 1823 г., перешел к духовнику о. Корнилию, от которого принял пострижение. Всего на Афоне он жил 52 года, и за все это время он ни разу не болел. Старший ученик его, Павел, жил с ним 13 лет и один только год был здоров. – Чем вы содержитесь? – спросили его. – Мать Божия промышляет. Я, – говорил старец, – кое-когда пишу копии с рукописей; но теперь на старости и по слабости зрения и этого почти не могу исполнять! Другой ученик был иеромонах Дамиан. Он делал простые ложки и носил тяжести с берега морского или от скита св. Анны. Однажды, попущением Божиим, он свалился со скалы и до того разбился, что его принесли на руках. Теперь пришлось ветхому старцу служить обоим ученикам. Смотря на их жизнь, на ветхость одежд, особенно самого старца, нельзя было не удивляться.

Пред концом жизни старец очень одряхлел, не столько от лет, хотя ему было уже 70, сколько от трудности и жестокости жизни, хотя ум у него был ясный. Подход к кельи старца был очень крутой, по рассыпанным кускам мрамора. Если учесть, что старец 50 лет ходил в эту гору и всегда с тяжелым грузом на плечах, то становится понятно, насколько трудной была его жизнь.

Незадолго до его кончины, его посетили двое русских. На вопрос их: – достает ли им на содержание, и что они делают? – старец отвечал: – Какие мы работники; а вот Она – Мать промышляет о нас, указывая на икону Божией Матери! Посетители, желая ввести старца в беседу, заметили ему, что бывает и не так. – Нет, продолжал он, если кто просит у Божией Матери чего бы то ни было, но необходимого для жизни или спасительного для души, то Она, Всемиловитая, умоляет Сына Своего даровать рабу Своему просимое им, если то не

послужит во вред ему или другим. Только да уклонится человек от греховной жизни и положит начало покаяния и Господь принимает его, и Матерь Божия, как раба Своего, если он припадает к Ним и умоляет Их, как в Св. Писании сказано: Востани спяй, т.е. от греховной жизни, и осветит тя Христос (Еф. 5, 14); и Господь сказал: Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние! И на кресте Он распростер пречистые Свои руки, чтобы грешников обнять и упокоить. Как же по этому Господь оставит Свое создание? Разве только человек от лени и нерадения о своей вечной участи за гробом презрит путь спасительный. Если же он постоянно старается об исправлении, то никак не оставит его Господь. Надобно только, чтобы человек обратился к Богу. Потому и сказано: грядущего ко Мне не изжену вон (Иоан. 6, 37), лишь бы кто прибег к благодати Христа Спасителя. Кто же не обращается, тот себя губит! – Старец говорил дальше, что в старости человек более склонен к умилению и памяти смертной. Но, обыкновенно, кто свыкнется с греховными привычками, тот теряет склонность и способность к умилению, и, напротив, крепнет во зле, и отстать от греховных привычек бывает почти уже не в силах без благодатной помощи.

На вопрос старцу об искушениях в монастырях и о том, что в пустыне нет таких искушений и жить в ней легче, старец покачал головой и отвечал: – В монастырях такие, в скитах иные, а в пустыне другие. Враг и запинатель человеков на пути спасения весьма искусен в своих кознях: какие искушения подходят к месту, такие он и сплетает. Нам всего необходимее терпение. Господь не оставит нас мучиться до конца и не выше сил наших. Если кто с самого начала вступает на верный путь спасения, то непременно встретит искушения. Надобно терпеть – помощь Божия не замедлит! Далее говорил старец: – Если бы случилось с нами какое-нибудь искушение от демонов, от людей или от себя самих, и мы оставили бы из-за него место и перешли в другое, то там встретит нас искушение непременно больше; а если уйдем и оттуда – то куда придем, найдем больше того! Вот и я, – говорил старец, – живя с моим старцем, страдал от помыслов и много дней ежедневно собирался уходить; однако же при помощи Божией и с терпением прожил с

ним 33 года. Во время усиления помыслов старец брал меня и вел к духовнику о. Христофору, и он говорил мне: – Терпи, терпи! враг хочет лишить тебя венца. Ступай назад, потерпи немного до смерти старца, а тогда уходи куда хочешь! И слово опытного старца весьма действовало на меня, и с обновленным духом я возвращался и продолжал послушание моему старцу!

Когда старец помянул о духовнике о. Христофоре, то один посетитель спросил его: – не знал ли он, что будто бы этот о. Христофор причащал семерых отшельников, о которых знал один он? – О. Иоасаф ответил, – что этого не слышал от него; но знает хорошо, что сам о. Христофор был весьма смиренномудр и настолько опытен в духовной жизни, что немногими словами, исполненными силы и благодати, он давал великое утешение и ободрение скорбящим и искушаемым душам. На Афоне прожил он 25 лет, скончался 73 лет от роду. С самого приезда и поступления к старцу Захарии на Кавсокаливии, и потом по переходе в Янокопуло, он деятельно упражнялся в умной молитве и крепко утвердился в ней. Слово его было тихо и смиренно, и почти никогда не слышно было от него лишнего слова. Любил трудиться как при старце, так и особенно после него. Имея трех учеников, он всегда шел на работы впереди их, и руки его были истерты и в мозолях от трудов! – При этих словах посетители перебили старца и спросили: – можно разве при умно-сердечной молитве заниматься и телесными трудами? – Кто утвердился в ней, – отвечал о. Иоасаф, – тому труды не мешают: руки делают свое, а ум занят своим, не переставая. Вредно только, если кто увлечется общением с людьми, тогда может потерять внутреннее делание; а при такой жизни, какую проводил духовник Христофор, труд не мог быть помехою!

Далее предложили ему вопрос: – А как быть нам, живущим в общежитии? ведь трудно!

– Да! трудно, – отвечал старец, – если кто в начале поступления в обитель с совета духовных отцов не положил начала этого делания и не стяжал хотя некоторого навыка, тот не может после начать и остается без преуспевания в умном делании. Но там в монастыре есть другие добродетели: вы ходите в церковь на общие богослужения; иногда выстаиваете

всенощные бдения, – поэтому и будете иметь должное по трудам и усердию!

О старце о. Христофоре, – добавил о. Иоасаф, – можно сказать, что видно из дел его; а какие были его сокровенные подвиги – один Бог весть, а нам он ничего не говорил. Для нас отрадно было то, что когда, бывало, мы пойдем к нему, то немногими словами он утешит нас, и какие бы ни были помыслы, тотчас избавит нас от них; слово его было плодовитое и благодатное!

Старец о. Иоасаф по жизни был подобен древним отцам. За три недели до смерти он заболел и слег в постель, и 4 июля 1872 года он мирно преставился ко Господу.

Духовник о. Досифей – молдаванин

Замечательной подвижнической жизни был и другой ученик духовника о. Илариона грузина, духовник о. Досифей, родом молдаванин.

Начало монашеской жизни он полагал в своем отечестве. 18-летним юношей он поступил в монастырь Калдорашани и 10 лет прожил в нем. Когда он поначалу пришел в обитель, то вздумалось ему посмотреть как трудятся братия на общем послушании. Там был и о. Леонтий, бывший тогда в сане иеродиакона. О. Леонтий, заметив Досифея, спросил его: – Зачем ты пришел сюда?

– Поступить в монастырь!

– Грамотный?

– Как же и хорошо даже!

– Если грамотный, то не знаешь ли чего от святых отцов?

– Как же, знаю и много!

– Расскажи, пожалуйста, я человек неграмотный и мне хочется слышать и примеры и наставления их!

И Досифей начал говорить: вот такой-то отец то-то говорит, а тот вот это и проч. О. Леонтий еще спрашивал и тот поучал его, пока не зазвонили к вечерне.

Только тут на вечерне вдруг Досифей смотрит, что тот, кого он поучал как неграмотного, служит иеродиаконом и становился на клирос петь и читать. Тогда он сказал самому себе: – Вот какие здесь монахи. Наложил же теперь себе палец на уста!

Прожив 10 лет в Калдорашанах, Досифей пожелал отправиться на Афон для более удобного пребывания во внимании и приобретении плодов покаяния. Сначала он жил при духовнике о. Леонтии в скиту «Лак», а потом лет 6 в скиту Кавсокаливии; после перешел в безмолвнейшую пещеру преп. Нила Мироточивого.

О. Досифей был духовной жизни; слово его было от собственного опыта исполнено рассуждения и теплоты. О молитве умно-сердечной он имел верные познания, в особенности из бесед его старца о. Иллариона – грузина.

(Из записок о. Пантелеймона): Говорил старец о. Досифей:
– Какие бы добродетели не совершал человек, но попечение о душе выше всего. Пишут св. отцы: если человек не утвердит в помысле своем, что он 3 года уже как помер и погребен, не может исправить добродетели. Если не помнить смерти, то ни начала нельзя положить, ни конца достигнуть. Начало добродетели – отречение всего вещественного; после этого нужно начинать исправлять добродетели, – это первый порог, которого миновать нельзя.

– Кто терпит благодушно находящие искушения, тот угоднее Богу, нежели кто исправляет великие добродетели. Когда находит искушение, то надобно молиться во-первых о даровании терпения, чтобы Господь помог терпеть, а во-вторых благодарить Его, что через искушения устрояет Он наше спасение; молиться при том, чтобы без вреда душевного пребывать во время искушения. Спасение не устроится иначе, как чрез искушения, поэтому кто отвергает искушения, тот отдаляет от себя спасение и, кроме того, остается неискусным. Кто терпит с благодарностью, тому легко и он свободно минует и делается искусным.

– Человек сколько бы не был грешен, не должен отчаиваться, потому что мы имеем великую надежду на страсти Христовы – на излиянную за нас Кровь Его. Пишут свв. отцы: если человек вознесся бы добродетелями до небес, должен молиться о грехах т.е. о прощении множества грехов своих. Всем святым отцам, даже и самым великим, попускал Господь поползнуться в какие-нибудь погрешности, чтобы они смиренны были в помысле, и не возносились своими добродетелями. Св. Исаак Сирин пишет: если ты и чудотворец, воскрешаешь мертвых – о оставлении грехов молись!

– Отцы говорят, чтобы мы не желали успокоения в этом мире, а возлюбили труд, пот, искушения, оскорбления; потому что нам приготовлена радость в будущем веке: веселие от Бога вечное. Когда человек в искушениях радуется, тогда познает свое преуспеяние.

– Св. апостолы, св. мученики и все преподобные отцы искушениями прошли эту жизнь и освятились. Царь Саворий

люто мучил своего сына. Когда стали сдирать с него кожу, он воскликнул: – Как сладко страдать за Христа! – Князья, дети царские, сами цари оставляли все, пребывали в крайней нищете и терпели различные искушения и этим стали святыми, как, например, Иоасаф царевич, Арсений Великий, и многое множество других.

– Соблюдая правило церковное, не следует этим одним ограничиваться, а надо постоянно пребывать в молитве умной, а то, внимание, собранное на правиле, потом теряется и никакого плода не остается.

– Память Божию кто имеет с любовью, того Бог помнит. Всякое попечение наше, о чем бы то ни было, для жизни тут останется, а молитва прилипнет к душе и с нею пойдет за могилу.

– Если человек самопроизвольно и с понуждением берется за какой подвиг для спасения души, тогда все делается легким.

– Кто посещает пустынных отцов, трудящихся и подвижающихся, живущих в пустыне, ради любви Христовой и утешает их, тот получит великое воздаяние от Бога!

Более ничего не известно о старце о. Досифее. Если он удостоился милости Божией, то вспомнить и о нас, как мы вспомнили о нем и написали нечто малое на общую пользу.

Старец о. Гедеон – грек († 1896)

О. Гедеон прибыл на Афон в 1832 году и начало положил в Руссике, но только 2 года прожил там, и перешел в скит Кавсокалив к старцу о. Дионисию, у которого прожил 20 лет. Этот о. Дионисий прежде жил при старце о. Тимофее, у которого было 7 человек учеников, из которых только 4 были записаны. Во время греческого восстания все ученики о. Тимофея разбежались, и Дионисий думал жить в старцевой кельи, но Лавра не позволила, так как он не был записан в омологии, и потому остался без всего. В кельи преп. Акакия, при пещере его, жил больной старец, к которому Дионисий и поместился; тот записал его, а чрез 2 года помер. В годы греческого восстания оставалось в скиту немного отцов, а духовник о. Неофит Караманлис жил за скитом в пещере преп. Нифонта. Он посоветовал отцам посеять пшеницу, которой они какими-то судьбами разжились в Карее в количестве 20 ок, и о. Дионисий принес ее на плечах своих. Отцы посеяли ее, и пшеницы родилось каждый год ровно столько, что им хватало ее на год, и это продолжалось до тех пор, пока, по окончании смутного времени, не стали из мира приплывать каюки с пшеницею, а с появлением их перестала у старцев родиться пшеница.

В годы восстания оставшиеся в скиту отцы проводили жизнь мученическую; им приходилось терпеть притеснения от турок и от морских разбойников. Например: однажды в Великую Пятницу разбойники пришли в скит и, зная порядок богослужений, ударили в колокол, т. к. время было совершать часы, надеясь этим средством собрать отцов и переловить их. Отцы, не зная ничего, стали собираться, и разбойники кинулись на них и поймали трех, в том числе и о. Дионисия, а прочие разбежались. Разбойники требовали денег, и так как у них ничего не было, то предали их страшным пыткам: ладони рук их сдавливали винтами все туже и туже, и при каждом повороте требовали денег. Потом в оба бока давили рычагами, а руки скрутили назад.

Старец Дионисий, делая замечания своему ученику Гедеоу, всегда растворял благим словом свои замечания: – Если я промолчу, то будет тяжесть на моей душе; на мне лежит долг сказать это, так как и псы лают, видя идущего волка, не допуская его к стаду, – а ты исправься! Слова эти всегда пронзали сердце о. Гедеоны, как мечом, потому что старец не строгостью и выговорами, а благостью и собственным примером учил его. В 1854 году старец Дионисий скончался, прожив на Афоне 60 лет.

(Из записок о. Пантелеймона): – Живя в общежитии, – говорил старец монастырским братьям, – старайся не быть в общении с братией, т.е. говори только с теми, к кому имеешь дело и не больше; а к кому не имеешь – уклоняйся от беседы, кроме как с сотаинниками твоими и единомысленными, из общения с которыми возделывается плод. Сразу отсечь общения нельзя, а постепенно, показывая любовь ко всем и тем даже, кто делает против тебя какой-либо вред или держит злобу. Ныне скажи: благослови, отче! а завтра сократи – скажи одним словом меньше, и так постепенно отсецешь ненужное общение и будет не заметно для них. С желающими с тобою кушать и пить, совершенно отсекай общение. И в монастыре есть люди, строго заповеди Божии хранящие, но есть и противоположного устройства. Старец мой, когда был при смерти, и я просил его не налагать на меня заповеди, чтобы жить на одном месте, ибо переменяются обстоятельства, и не запрещал бы принимать учеников, не зная, что со мной вперед будет, отвечал: – Чадо мое, никакой не даю тебе заповеди, только храни вот: куда ты ни пойдешь, где ты ни будешь жить, здесь ли, в общежитии ли, везде закрой глаза, затвори уста, заткни уши и, взявши себя за бороду, потянул ее говоря: будь как осел, будь малоумным, не понимающим: другого пути нет, кроме этого!

В разговоре с старцем Гедеоном я пожелал услышать что-нибудь полезное для себя, и сказал, что у нас в Руссике очень шумно по причине умножившегося братства; на что старец заметил: – Да! теперь не то, как прежде, когда я жил там; тогда, действительно, было очень тихо, и строго соблюдалось житие

иноческое и правила отеческие; но спастись и теперь можно, если будете охранять себя внимательно. При этом седовласый старец закрыл глаза руками и открыл их, внимательно глядя на меня; потом закрыл уши и опять открыл; затем обеими руками плотно закрыл уста свои и опять открыл, и, наконец, ухватил руками свою белую бороду и начал ее быстро водить по сторонам. – Кто начнет делать так, тот будет в поругании у братии; над ним будут насмехаться и укорять, но ему нужно быть как не видящим этого, и не понимающим. Многие из свв. Отцов пребывали в таком устройении, и их считали юродивыми, помешанными, прельщенными. Если так уже не можете, то отсекайте, по крайней мере, общение и потерпите то, что случается от братства разнохарактерного. Действительно, трудно иногда бывает перенести обиду, особенно, когда сам чувствуешь, что оскорбляющий обязан оказать уважение и любовь оскорбляемому. Но да не смущается терпящий оскорбление, ибо за это обещано воздаяние великое, особенно, если он окажет обидчику любовь и покажет пред ним смирение; может быть, это смирение приведет его в разум, и он одумается. Если же так не будет, то рука Божия на нем: она знает, как исправить его; так не останется, ибо возносящийся смирится.

– Куда бы мы ни пошли, – говорил старец, – искушения везде, от неба и до земли всюду искушения, как и преп. Антонию Великому было открыто, что искушения или сети врага находятся повсюду. Он молился, и ему был глас: – смирение минует их! – Жизнь эту провести без искушений не ожидай и не думай, как и апостол сказал: хотящие благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут (2Тим. 3, 12). Тот же апостол говорил: аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был (Гал. 1, 10). Не только между мирянами, но и у нас в монашестве, кто хочет хорошего пути держаться, на того и воздвигает враг людей, чтобы спутали его, или сбили с дороги. Терпение, отче, терпение! – Говоря это, старец легко потрепал собеседника по плечу.

– Сколько бы мы не были добродетельны, – говорил далее старец, – все имеем погрешности, а Христос никакого греха не

имел, и – Его распяли!

– Наше утешение Христос, – ободрял старец, и продолжал: – нам пишут св. отцы так, чтобы мы жили на земле, как бы не родились еще!

В беседе со старцем однажды мы заметили ему, что находясь долго в монастырской суете, теперь, ходя по пустыне, мы немало утешаемся. Он отвечал: – точно, точно! Возьмите маленькую ченаку воды, поставьте ее: вода стоит тихо, и чиста, видно самое дно. Возьмите большую ченаку воды и болтайте постоянно, – будет ли тихо и чисто? так и в многолюдстве; только в тишине можно рассмотреть себя и познать. В настоящее время не ищите добродетели, не ищите; только старайтесь терпеть находящие искушения и это вменится вам с великими делами – с подвигами, пожалуй, преп. Антония и с мученичеством св. Георгия в будущем веке. На кельи жить хорошо, там можно устроиться, кто как хочет, можно от всего уклоняться, ни в чем не участвовать, и стараться не видеть ничего, и сколько можно упражняться в молитве. Как только кончится церковное правило, так за молитву; молитва пусть будет непрестанной!

Однажды русский житель скита, о. Товия, пришел на бдение и, скучая, что ничего не понимает на службе, открыл это о. Гедеону, который утешил его: – Ничего, не скорби хотя не понимаешь. Сядь в форму и держи молитву, а о том, что не понимаешь, не смущайся. Смотри на корабль, идущий по морю: там пассажиры разные: и греки, и молдаване, и русские, и арабы; Они не понимают друг друга, но находясь на одном корабле, сидят вместе, а корабль всех везет, идя к пристани. Так и Церковь: кто бы тут не был, понимающий или нет, всех везет в пристанище Царствия Небесного. Мы вот и понимаем, но нередко спим на бдении, а вам, русским, простительно, несравненно большая против нас!

Старец о. Гедеон в последние годы жизни стал изнемогать и часто болел. В последний раз я был у него летом 1896 года (монах Денасий). Истощенный старец едва приподнялся на одре и, предчувствуя скорое отшествие свое, попрощался со мной, как преп. Акакий: – Я иду в путь далекий и более здесь не

увидимся! 19 ноября того же года он мирно преставился ко Господу.

Старец о. Никодим – грек († 1867)

Родился о. Никодим в 1807 году. Не удовлетворившись мирскою жизнью и ее суетою, он тридцатидвухлетним пришел на Афон. После малого пребывания в Новом скиту, он, по совету духовника, перешел в Кавсокалив, где поселился в малой кельи и начал проводить строгую молитвенную жизнь. Рукоделия никакого не делал до принятия учеников, когда неизбежно уже было иметь какое-либо поделие, и приходилось исполнять скитские обязанности, горько стесняющие тех, кто проходит путь умного делания. Кушал он один хлеб, даже овощей не употреблял.

Не потерпел завистник нашего спасения быстрого преуспевания его и воздвиг на него различные козни: ему являлись страшные привидения, страхования, и, наконец, светлые видения. Но руководимый опытным старцем, он низлагал врага со всеми его полчищами.

В одно время келья его была занесена снегом так, что выйти из нее нельзя было. К такой беде у него и сухари все вышли, и он долгое время оставался без пищи, так что от голода крайне изнемог. В это время явился ему бес в блистании света, сидящий на троне, в виде как бы Святой Троицы и сказал: – Я святая троица, поклонись мне, исполнишься благодати и будешь кушать! В это время алчущему старцу были показаны столы с различными яствами, запах которых сильно уязвил обоняние голодающего. Старец пал ниц и молил Господа не дать его в посмеяние врагу. Долго молился он, и призрел Господь на смирение старца и прогнал демона. Только тогда встал старец, когда запах яств исчез.

Пред кончиною у старца Никодима открылись в пяти местах огромные раны, и он мучительно страдал более трех месяцев. По началу он мог еще с трудом выползать из кельи, но потом лежал уже неподвижно, и его с усилием поворачивали с бока на бок. Ученик его Нил день и ночь служил старцу и так изнемог, что был как сухая палка. Старец потерял самый сон, но при всем том пребывал в благодушии и постоянно благодарил

Господа, ничего не говоря о лютости своей болезни. Однажды пришел один скитянин и стал ублажать старца за такую болезнь, которую он желал бы иметь у себя, ради очищения грехов и будущего воздаяния. Старец отвечал: – Не знаешь, что говоришь; если бы ты знал, какая это болезнь, и что приходится терпеть, то ты не сказал бы этого!

Незадолго до кончины старцу было откровение об уготованном воздаянии и о пришествии ангелов взять его душу. В это время он взял руку ученика Нила, и в радости духа и с твердостью стал говорить: – Чадо, держись пути, которому я тебя научил, и ты получишь то же, что я теперь! От радости старец не мог продолжать речи, и в этих словах душа его отлетела ко Господу. Но в самое это мгновение ученик с горестью воскликнул: – Да ты, отче, умираешь? – и сим как бы задержал душу старца ответить на его вопрос: – Да, умираю! и закрыл глаза. Это было в 1867 году.

Наставляя ученика своего Нила к умному деланию, старец внушал ему: сколько возможно неослабно заниматься оным и не верить никаким мечтаниям; хотя бы явился и Христос, не верь и скажи: Я не хочу видеть Христа в этой жизни, а в будущей! В скорбном воспоминании ученик говорил: – Не осталось теперь другого такого старца. Вот уж недавно, по смерти его, я готовился к причащению Св. Таин и совершал правило с закрытыми глазами. Вдруг возник во мне такой помысел: столько времени я подвигаюсь и все ничего не вижу! и тут же в один момент предстал пред глазами Нерукотворенный Образ. Открыл глаза и увидел то же – предо мною в великом свете икона Спасителя. По наставлению старца я понял, что это от диавола, закрыл глаза и продолжал молиться, и привидение исчезло!

Дивны и разнообразны пути жизни Афонской. От Господа благодатная помощь готова всякому, а от нас уже зависит принять ее, усвоить и пользоваться ею во спасение.

Послушник Иаков болгарин и сокровенный старец

Некий юноша Иаков, болгарин, не посоветовавшись с опытными старцами, поступил к одному старцу, греку, жившему в скиту Кавсокаливе на кельи пониже соборного храма. Старец этот любил широкий путь жизни, и к тому же был суров, строптив, и в духовной жизни ни сколько не сведущ, как не искавший того. Иаков же стремился к подвижнической жизни, желал поститься и молиться, но старец не допускал его к тому. Иаков спросил духовника, как ему поступать? Тот велел ему слушаться и такого старца, раскрыв ему какую он получит пользу, если при том будет хранить ум свой и внимать голосу совести. Ученик повиновался, но не без внутреннего крайнего стеснения, о котором он сказал духовнику и просил его благословить ему перейти к другому старцу. Но духовник не благословил оставить старца, но во всем повиноваться ему, а только назначил ему подвиги поста и молитвы, которые он должен был совершать втайне, чтобы не знал старец. Иаков послушался: ночью молился, днем работал, соблюдая воздержание и внимание. Но не могло это укрыться от старца, который стал следить за ним, заставляя его больше есть и спать.

Иаков имел обычай каждую ночь приходить к соборной церкви и в притворе ее молился пред иконою Пресвятой Троицы, находящейся над входом в храм. Так поступал он продолжительное время. Однажды, находясь в большой скорби от притеснений своего старца, во время ночной молитвы услышал он чьи-то шаги. Он спрятался. Едва слышно вошел в притвор старец с седой бородою и длинными волосами и весь нагой. Войдя, он стал пред дверьми церкви и, помолившись, перекрестил двери, которые тут же сами по себе растворились. Старец вошел в храм и долго посреди его молился; читал и вслух молитвы. По окончании молитвы, старец приложился к иконам и вышел. Перекрестив опять двери, которые заперлись так же, он вышел из храма.

Иакову захотелось узнать, кто этот старец, и попросить его принять к себе, почему тут же он вышел и стал следовать издали за ним. Так они с Кавсокалива поднимались на гору до Керасей, где старец повернул в сторону, и пошел по направлению к вершине Афона. Когда начало рассветать они были уже близ храма «Панагии», и Иаков, наконец, решился догнать старца; но тут же старец, до того шедший как будто не замечая его, обратился к Иакову и сказал: – Куда идешь? Иаков приблизился и стал просить его, чтобы он взял его с собой. Старец отвечал: – Не можешь ты жить здесь. Ступай к своему старцу и делай послушание; это послужит тебе во спасение. А кто не принял божественной благодати, в этом месте жить не может. Там у старца твое спасение. Знай же то, что в скором времени возьмет тебя Господь! Старец уходя добавил: – Нас здесь двое! Потом стал спускаться вниз от «Панагии».

Иаков рассказал все это духовнику. Тот подтвердил это и преподавал ему наставление как готовиться к исходу. Через 3 недели он скончался.

Через 3 года откопали его кости. От них исходило дивное благоухание, а голова была полна мира. Многие, не зная его жизни, дивились, как и сам старец его.

Старец о. Паисий – грек († 1869)

Теперь скажем о славном подвижнике, старце Паисии, прожившем на Афоне 83 года и почившем о Господе более чем столетним старцем.

Как не пожалеть, что замечательная жизнь этого старца не была замечена в свое время. Старец Паисий был феноменом между старцами, прожившими около века на Афоне, ибо обладал дивною памятью и мог обстоятельно рассказывать о событиях прошлого, к тому же он был развитой человек и за свою сорокалетнюю жизнь в Лавре принимал в ее жизни самое деятельное участие, ибо он был в числе первых проэстосов.

Где родился о. Паисий, кто были его родители и какое имя носил в миру – ничего об этом не знаем. Прибыл он на Св. Гору в 1785 году и поступил в Лавру. Здесь же сразу определили его на клирос, и вскоре он назначен был типикарем (уставщиком). Это послушание он занимал около 40 лет, так как обладал особенным между греками голосом и хорошо знал нотное пение.

Со временем он заслужил общее уважение и внимание начальства: ему дали просторную келью и прислугу и, так как в идиоритме (необщезитии) каждый содержит себя кто как может и знает, то он против других имел стол обильный и пил лучшее вино, а воды совсем не употреблял! Через 35 лет такой жизни последовало греческое восстание (1821) и турки наводнили Афон. Из старших лиц Лавры он только один с весьма немногими из братии остался для охранения монастыря.

Сначала, по прибытии своем, турки не раз пытали его, требуя денег, а он терпел все истязания беспрекословно, продолжая в то же время служить им. Главными помощниками его были старцы Неофит (впоследствии переселившийся в пещеру преп. Афанасия, где прославился высотой жизни) и Геден, которые приняли от него пострижение в схиму пред прибытием турок на Афон, страха ради смерти. Будучи словесен и услужлив, он в короткое время заслужил расположение паши, и так угодил ему, что тот своею властью

охранял его во всю остальную его бытность на Афоне. До занятия Св. Горы турецким войском, Абдул Робут-паша имел намерение порубить всех оставшихся монахов под тем предлогом, что многие из ушедших с Афона вступили в греческое ополчение и участвовали в общем восстании. Но от султана Махмуда последовало решение оставшихся монахов не убивать, а только не оставлять им ничего, даже веревочки для опоясания!

По уходе турок, когда собрались многие из братии Лавры, старец Паисий подумывал последовать примеру и совету о. Гедеоны и поселиться в пустыне; но чувствовал страх и совершенно отчаивался в возможности вместить пустынное лишение после сорокалетней роскошной жизни в Лавре. Духовником был Неофит Караманлис, который в то время жил в пещере за скитом Кавсокалив. Тот не один раз уговаривал его удалиться в пустыню, а однажды решительно сказал: – Доколе ты будешь проводить такую жизнь? Вот ты 40 лет не пил воды, а все одно вино; тебе служат, тебе уже пора пить воду и самому послужить себе!

Настроение и решимость о. Паисия так были велики, что он тогда же оставил Лавру и с того времени по самую смерть -полных 40 лет, не пил вина, не ел с маслом и вообще строго подвизался.

По выходе из Лавры он пошел к духовнику, и тот заставил его копать землю, сеять пшеницу и исполнять разные тяжелые работы, а вместе содержать строгий пост. Прожив с духовником немного, он купил себе келью с большою местностью в скиту Кавсокалив; но большая келья требовала большого попечения, что не совместимо с жизнью в безмолвии, а потому о. Паисий оставил ее и купил себе малую келью в том же скиту, в котором жил более 20 лет. Через 15 лет принял ученика, которого постриг с именем Евфимия.

За 17 лет до кончины о. Паисия Господь попустил на него тягчайшее испытание: в одну ночь без всякой видимой причины, у него сгорела калибка, так что он едва успел выскочить. После этого пожара он с учеником остались ни с чем. Недоумевая что делать в таком положении, старец пошел к духовнику, и хотел

поместиться к нему в сожительство; но найдя у него некоторые препятствия для полного безмолвия, через 15 дней ушел от него на свое пепелище. Здесь, помолившись Господу, он советовался с учеником, что им делать. Мысли их сошлись на покупке пустой ветхой кельи св. великомученика Георгия, за которую скит назначил самый незначительный взнос. Старец решился взять ее, но где взять денег на уплату? И вот он решается на подвиг, никогда не приходивший ему раньше на ум – нацепить на себя торбу и пойти по Горе просить милостыню! Прежде он сам давал милостыню и распоряжался целым монастырем, а теперь пошел просить как нищий; и едва кое-где находил сочувствие, так что вернулся, принеся несколько лишь пиастров, которые и внес в скит за келью. Остальную сумму старец с учеником доплачивали по немногу, когда посылал им Господь. Главная отличительная черта в старце Паисии была любовь всеобъемлющая. Любовь выражалась у него и в слове и в деле. Если когда, бывало, заметит, что у кого либо нет чего, например луку, вырвет сам на своем крошечном огороде, который не мог удовлетворять и самого его с учеником, и отнесет нуждающемуся. Особенно старался он проявлять любовь к ненавидящим и оскорбляющим его. Бывало, пойдет на собор старцев, по обычаю скита, на котором он должен был участвовать; но там старался сохранять молчание, особенно если в чем-нибудь разногласили отцы. Известный там старец Вениамин за такую его молчаливость начнет тут же, в самом собрании, кричать на него, поносить и бранить его. Старец кротко скажет: – Простите, Господа ради, я всегда согласен на все, что вам Господь внушит сделать! – и опять молчит. Возвращаясь домой, он замешивал хлебы и, испеки федулку (лепёшку), относил горячую о. Вениамину, с любовью разговаривая с ним, отдавая ее, чтобы тем показать, что он на него никакой обиды не имеет. Когда бы кем не был оскорблен, старец всегда старался оказать какую-нибудь услугу оскорбившему. Почему он нередко говорил: – Любовь не оказываемая на деле хотя малейшим чем-нибудь, не есть совершенна!

Много претерпел старец искушений от врага. Пред концом жизни, когда он уже ослеп, бес предстал пред ним и сказал: – ты все твердишь Господи Иисусе! пусть Христос отверзет тебе глаза! видишь, Он тебе не помогает, а ты попусту твердишь! – Старец перекрестился и проклял беса, и тот исчез. По этому поводу он говорил ученику своему, укрепляя его: – Держи молитву Иисусову, держи неослабно, и не бойся врага!

Как было сказано выше, пред нашествием турок на Афон о. Паисий постриг впоследствии знаменитых по жизни старцев Неофита и Гедеона. Неофит, живший в пещере преп. Афанасия, почил о Господе в 1860 году; а Гедеон, подвизавшийся в Кавсокаливе в кельи Благовещения, лежал на одре уже 2 года с половиною. Он желал посетить старца Паисия, но от трудной болезни, не позволявшей ему встать с постели, не мог этого исполнить. Тогда он послал ученика своего Дамиана, который от имени его сказал о. Паисию: – Меня прислал старец сказать тебе, отче, такие слова: поскольку я не мог сам придти, то посылаю ученика сделать от меня метание и сказать: так как ты мой старец, то сохраним порядок: иди ко Господу ты прежде, и приготовь там для меня место! – Когда услышал старец Паисий слова сии, возрадовался духом и сказал: – Благодарю о. Гедеона за весть сию. Он был причиною моего ухода в пустыню, и я кончаю здесь свои дни! – при словах «благодарю» старец прослезился. Помолчав немного, он прибавил: – Скажи о. Гедеону, что конец наш близок; пусть немного потерпит, скоро увидимся!

В день памяти св. великомученика Артемия, 20 октября, старец Паисий вышел из кельи и сел, чтобы согреться на солнце. День был ясный и теплый, но старец почувствовал что озяб; вернувшись в келью он лег на постель и оделся, однако не мог согреться. После этого не вставал уже с постели, пролежав 10 дней. В эти дни он ничего не вкушал, уготовляя себя для перехода в жизнь будущую, а питал дух свой ежедневным причащением Св. Таин. В предпоследний день, ученик его, видя, как тает старец, предложил ему совершить над ним елеосвящение. Старец согласился, сказав: – Чем можете, помогайте теперь мне! – Всю эту ночь ученик о. Евфимий

просидел у одра старца, вопрошая его, как ему оставаться по его отшествии. Старец говорил: – Чадо мое, если хочешь спастись, то не пекись, как провести жизнь свою; исповедовайся и причащайся часто; храни любовь со всеми; ненавидящих тебя возлюби всем сердцем и, чем можешь, послужи им; имей страх Божий и память смертную. Когда встает солнце, размышляй – достигну ли я вечера? – а вечером -достигну ли я утра? – В таком положении находясь, будешь иметь истинное покаяние. О телесных же нуждах и о насущном хлебе не пекись; имей малое подение и тем удовлетворяйся. Господь промыслит, только не ищи изобилия и излишества, а будь доволен малым. Также келейными делами не обременяй голову: то надо сделать, это окончить и пр., чрез такое многопопечение не будешь иметь душевного мира и истинного покаяния. Имей непрестанную молитву Иисусову и внимание, и с этим не бойся часто причащаться Св. Таин!

Еще до рассвета пришел духовник, молдаванин о. Досифей, и с ним служащий иеромонах; причастили старца и начали совершать елеосвящение. До половины службы старец свободно владел руками – сам протягивал их и поворачивал для помазания; но после третьего Евангелия ослабел. Силы старца угасали более и более, и с последнею молитвою, как бы засыпая, почил старец.

(Из записок о. Пантелеймона): Ученик о. Паисия, Евфимий, жил с ним 25 лет. При разговоре о старце своем он передал случай, свидетельствующий о великом преуспейании его в умносердечной молитве: Евфимий был очень простой человек, и это свойство и также послушание старцу послужили для него как бы орудием к привлечению великой благодати Божией, которая действовала в нем, как у совершенных, всецело восхищая ум к Богу. Однажды старец Паисий рассуждал с одним пришедшим монахом об Иисусовой молитве, что она у преуспевающих заменяет все молитвы. Евфимий сидел недалеко и, слыша это, стал размышлять в себе: разве читаемое нами правило и разные молитвы и тропари Господу, Царице Небесной и святым не молитва? Неужели такие молитвы не имеют дерзновения? – и он усомнился и не поверил тому, что старец сказал

пришедшему монаху. В это мгновение он вдруг ощутил, что как бы перестал дышать и сделался как бы заключен в самом себе; голова его облегчилась так, что он не ощущал ее, и в этот момент душа его была запечатлена неизреченным светом; ум восхищен, не известно как и куда, и пред ним раскрылись неведомые тайны. Евфимий пришел в духовный восторг, какой бывает у проходящих созерцательную молитву, во время чего бывает пленение ума и всего сознания духовным предметом столь сильное, что все внешнее выходит из сознания. И так как при этом раскрывались неизреченные тайны, то он пришел в великий страх, но тут же радость объяла его душу и, как бы скача, говорила такие слова: – Велий еси, Господи, и чудны дела Твои и ни единое слово довольно есть к пению чудес Твоих! – Тело в это время было как бы бездушное, простое, и Евфимию показалось, что душа его отрешается от тела, почему он стал молить Господа, чтобы не взял его душу теперь как не готовую, и он будет проповедовать это всем людям. – Тогда был ему голос: – Встань и смотри, какое это дело! – Я, – говорил Евфимий, – встал и не чувствовал в это время тяжести тела! Тогда свет, бывший во мне, сказал: – Евфимие, веришь ли теперь, о чем говорит старец, или пребываешь еще в прежнем неверии? если не поверишь совершенно, то Я выйду отсюда! – Тогда я возопил: – Верую, Господи, но молю: не бери мою душу, ибо я не готов, а я исповем Имя Твое пред всеми людьми! – Тогда услышал голос в себе: – Вот о чем они говорят, вот такая их молитва; поэтому верь тому, что они говорили! – Когда он пришел в себя, то действие света продолжалось и сердце его скакало от радости. – Старец же Паисий в это время еще беседовал с пришедшим монахом. Придя в себя, Евфимий нашел, что глаза его были как бы застывшими; во время этого озарения души его светом они были открыты и оставались устремленными в ту сторону, куда он смотрел пред началом осенения. Долго он протирал глаза и старался смежить веки, но они не двигались; так прошло много времени и он уже отчаялся, и не надеялся, что они вернутся в прежнее положение, почему возопил к Царице Небесной о помощи. Тут же веки его закрылись.

При разговоре с о. Евфимием о наставлениях старца Паисия о любви к врагам своим, ему заметили, что трудно любить их от всего сердца, видя их намеренные действия. Евфимий, следуя по стопам старца, сказал: – Если бы было не трудно, то не было бы и воздаяния. Спаситель сказал: – Любяй Мя, заповеди Моя соблюдает; а заповедь Его и есть та, чтобы любить ближнего и врагов своих, и тогда мы сделаемся чадами Божиими, как Сам Господь говорит во св. Евангелии. Поэтому то, что в добродетели есть труд, и сказал Господь: Много званых, но мало избранных; – что мало будет таких, кои будут подвизаться исполнять заповеди Божии!

За 3 месяца до смерти старца Паисия, пришлось быть у него одному русскому монаху с родным братом, и продолжительно беседовать. Предмет разговора был о частом причащении Св. Таин Христовых. Прежде всего старец спросил мирянина: сколько раз он причащается? и когда тот ответил, что однажды в год, старец умиленно увещавал причащаться каждый месяц или, по крайней мере, во все посты. Мирянин отозвался, что за житейскими заботами ему это неудобноисполнимо. Старец не согласился на это и сказал: – Если кто захочет, то хоть во сто раз у него будет дел больше, хоть бы он был правитель целой страны, он найдет время, как находит его для дел земных! – Затем раскрыл необходимость частого причащения, так как мы чрез это таинство теснее соединяемся с Господом и бываем един дух с Ним, и что без сего единения с Господом в этой жизни, как соединимся с Ним в будущей? Мирянин возразил, говоря: – Как можно нам приготовляться часто к такому Таинству, когда мы обязаны житейскими делами? – На это старец объяснил, что сущность покаяния заключается не в устном только исповедании духовнику, а нужно иметь постоянно покаянные чувства, и во всякое время хранить свою совесть, – хранить в отношении к Богу, к ближнему и к самым даже вещам. Когда будешь хранить свою совесть и слушаться ее внушений, то исповедь твоя будет пред Богом и духовником всегдашняя, истинная и полная; тогда не усумнившись и причащаться Св. Таин часто. Без наблюдения же над совестью и невнимания ее внушениям при делах, какие

бы они у тебя не были, какая же у тебя будет исповедь и покаяние?

Еще в беседе коснулись молитвы, и старец говорил, что прежде нужно исполнить все Евангельские заповеди блаженств: нищету духовную, плачь, милосердие и пр. тогда и возможна истинная молитва, и что возможна она для возлюбившего молитвенное дело и рачительно упражняющегося в нем; но во всяком случае надо терпение, потому что против молитвенного навыка восстает диавол и приносит разные искушения, и если человек не имеет терпения и вознерадит, то молитвенное настроение пропадает и не скоро оно может возвратиться.

Много и усердно потрудившийся о спасении души своей старец Паисий мирно преставился ко Господу 29 октября 1869 года, имея от роду более ста лет, из коих 83 прожил на Афоне.

Старец о. Гедеон – грек († 1869)

О. Гедеон родился в 1781 году в Загуре в Малой Азии; при крещении дали ему имя Георгий. По кончине родителей, Георгий хотел уйти на Афон, но об этом узнали братья его, и попросили турка, чтобы тот поколотил его за желание стать монахом, надеясь тем утешить его! Турок усердно исполнил это поручение, и братья заключили, что он уже более не думает о монашестве; но Георгий только ждал случая, и при первой возможности уехал на Святую Гору.

Прибывши в скит св. Анны, Георгий хотел поступить в него, но по молодости его не приняли. Тогда он просил указать ему место или старца, и ему отрекомендовали духовника Лавры, жившего в безмолвии на кельи св. Иоанна Златоуста. Георгий просил у него совета, и духовник указал ему лаврского повара по имени Иоакима, и с благословением проэстосов он поступил к этому старцу на послушание. О. Иоаким был постриженником Руссика, и через пол года он возжелал возвратиться туда. Ученик не хотел расстаться с таким старцем, и оба они были приняты в Руссике. Там Георгий прожил 10 лет, и был пострижен в мантию. Лет через 8 сделана была закладка нового монастыря на берегу моря игуменом Саввою. Братство было малое, работы было множество и тяжелой. Георгия, как крепкого и сильного определили на послушание на один из каюков. Разъезды и общение с миром стеснили его дух, и он просил переменить ему послушание, но просьба его осталась не удовлетворенною, и он года через полтора ушел из монастыря и поселился в скиту Кавсокаливе. Тут ему весьма понравилось, и он предполагал уже совсем остаться, но случившееся несогласие между скитянами в выборе дикее, смутило его душу, почему он ушел в Лавру. Тогда порядки в Лавре были лучше многих общежитий; в общую трапезу ходили в четверг, субботу и воскресенье, и лавриоты жизнь проводили внимательную и строгую. Тут прожил он только год, и будучи влеком к уединенной жизни, поселился в скиту св. Василия, где в то время на горе Кармил у храма св. пророка Илии жил с

духовником; но через 5 лет духовник заставил его опять перейти в скит Кавсокалив, в котором для духа его было более удобства.

Вследствие греческого восстания, турки заняли Афон в 1822 году, и так как из Лавры большая часть монахов выехали, то взяли туда в Лавру о. Гедеона как нужного человека для прислуживания туркам. Это было через 3 года по водворении его в Кавсокаливе. Там он стал помощником старца о. Паисия от которого принял схиму, ибо жизнь их была в то время в опасности из за фанатизма турок. Не имея чем кормить лошадей, турки послали лаврских монахов на остров Лемнос за ячменем на монастырском судне. В числе посланных четырех монахов был и о. Гедеон. В то время на берегу были скрыты в разных местах разбойнические каюки, а сами они находились в засадах повсюду. Они видели отправлявшийся лаврский каюк и караулили его на обратном пути. На половине пути между Лемносом и Афоном 15 каюков окружили лаврское судно и взяли его. Разбойники стали мучить монахов, требуя денег, и одному из них скрутили веревкою руки назад, и вдев в нее палку закручивали все сильнее, требуя денег. Не вынес монах и сказал, что есть у него на Афоне деньги, и там-то спрятаны. Когда тот принес деньги, то они двое были отпущены на свободу. Удавшаяся пытка над одним поощрила их испытать ее и над о. Гедеоном. Они мучили его целый месяц. Прежде всего спросили: сколько лет на Афоне? Гедеон сказал что больше двадцати. Тогда они потребовали за каждый год по 1000 левов, а у Гедеона не было ничего. Мучили долго, но потом убавили, так что стали просить только 1000, потом 500 или хоть 100 левов. Наконец убедившись, что действительно у него ничего нет, выкинули его на берег близ Иериссо, откуда привезли его на муле в Лавру. Там он 3 месяца пролежал и едва оправился.

С тех пор начинаются страдания о. Гедеона. Турки каждый месяц заменялись другими. Однажды некоторые из вновь прибывших турок потребовали, чтобы их довели на лодке до Иверского монастыря, и взявши монахов гребцов они отправились. Среди них был и о. Гедеон. Была бурная погода и противный ветер, и монахи говорили туркам, что теперь по

случаю непогоды нельзя ехать, надо обождать; но те заставили ехать. С трудом бились гребцы против ветра, но все-таки не могли доехать до Ивира, и должны были выйти из лодки на месте «Мегас Велас», где стоит храм св. Георгия. Вынув из лодки все тяжести, турки взвалили их на о. Гедеона и заставили нести до Ивира, а лодку отправили назад. О. Гедеон окончательно изнемог, неся ношу, он остановился близ Ивира напиться воды. Один турок заметив это, закричал: – А, негодный калугер, ты еще ленишься! и начал бить его прикладом ружья; тут подошли еще товарищи его, и до того избили о. Гедеона, что он упал и захаркал кровью. Турки его оставили, а в Ивире братия, узнавши это, взяли его и поместили в больницу. Оправившись немного он отправился в Лавру и, имея особое усердие к Божией Матери и преп. Афанасию, молился им, и тут же получил исцеление.

После этого заставили о. Гедеона стряпать на турок, а это горше побоев отозвалось в душе его. Скорбел он неутешно; но пустынная жизнь была не легче: вследствие набегов разбойников паша отдал приказание, что кого бы ни встретили его воины вне монастырей – всех убивать. И все же о. Гедеон решился лучше претерпеть смерть, нежели оставаться между турками и разорять свое душевное устроение. Просился у старцев чтобы уволили его от этого дела, но те не согласились. Однажды поставил он казаны на огонь для варения пищи и помысел сильнее прежнего сказал ему: – Уйди, хоть умрешь через это, сделай что-нибудь для души своей! – и о. Гедеон оставил все и вышел, как варил пищу, в чем был, не взяв с собою ничего. Турки пропустили его во святых вратах, думая, что он как повар идет за зеленью в огород. Он пошел прямо в скит Кавсокалив, где в пещере преп. Нифонта жил духовник о. Неофит. Лавра просила турок не притеснять его, и те они его не трогали. Духовник одобрил его стремление и велел поселиться в Кавсокаливе.

В Лавре спохватились и начали искать о. Гедеона, а когда узнали турки, то ужасно рассвирепели на него. По распоряжению начальства, послали за о. Гедеоном одного монаха и турка отыскать, где он находится. Посланные через

прислуживавших туркам монахов узнали, что Гедеон был в Кавсокаливе, и хотели взять его, но он упросил духовника пойти в Лавру просить за него. Старцы не подали и виду духовнику, а сказали: – Пусть сам придет взять благословение, а так скрываться нельзя, тем более что и мы в зависимости от турок! – Духовник передал слова о. Гедеону и он с доверием пошел. В Лавре строго спросили: – Зачем ты ушел не сказавшись? – он отвечал: – Я давно просил вас уволить меня от этого, но вы не соизволяли, а я не мог более выносить! – Старцы за такое укрывательство потребовали с о. Гедеона 50 левов, но как у него ничего не было, то тут же посадили его в пирг, где просидел он трое суток. Его бы и не выпустили так скоро, но духовник о. Неофит пришел и заплатил за него.

После этого дали о. Гедеону свободу, и он вернулся на безмолвие в Кавсокалив; но бедственна была его жизнь и там. Через некоторое время он пошел в Карею, и там знакомый ему монах подарил ему один талер. Пришедши обратно в скит, он лишь только скинул торбу и положил талер под изголовье, как входит к нему разбойник, который начал требовать денег. О. Гедеон ответил, что он сюда пришел не для того чтобы иметь деньги! – По убожеству калибки и в чем был старец, можно было и разбойнику убедиться, что денег у него нет. Тогда он стал просить хлеба, на что старец возразил: – Какой у меня хлеб и где взять его? – Так как вся калибка была на виду, то и разбойник сам видел, что в ней ничего нет, и попросил наконец воды. Старец пошел почерпнуть с тем, чтобы в это время скрыться, но не мог. Разбойник, как только вышел старец, поднял изголовье и увидав талер, взял его и немедленно вышел, чтобы следить за старцем. Когда он вернулся с водой, разбойник стал требовать денег, бил его ружьем, так что старец решил отдать ему свой талер. Подойдя к постели и, подняв изголовье, не нашел его. – Ты взял уже! – Разбойник оскорбился и закричал: – Так ты еще называешь меня вором! – и стал пуще мучить о. Гедеона. Утомившись, он потребовал еще воды. Старец дал ему чашку, и когда тот пошел за водой, он, собравши последние силы, бросился бежать. Но уйдя не далеко, встретил целую шайку разбойников, которые схватили

его. Их товарищ сказал им, что у этого монаха есть деньги, и те снова стали мучить его; но ничего не добившись, они забрали все что могли и ушли, оставив его едва не нагим и совершенно измученным.

Так протекло 5 лет; но здесь еще не кончились страдания его: в то время солунский паша узнал, что афонские монахи искусно плетут фески, и потребовал чтобы выслали ему в Солунь знающих это рукоделие для обучения его солдат сему искусству. Все боялись отправиться туда, и после долгого совещания, наконец решили послать о. Гедеона и о. Онуфрия, Кавсокаливских обитателей, и еще двоих иноков из скита св. Анны и еще нескольких – всего человек десять. И при отправке о. Гедеон опять попал в беду: О. Онуфрий пошел вперед к каймакаму (губернатору), чтобы взять дешкир на отъезд но, убоявшись, скрылся в лес. Турки рассердились, и тут явился о. Гедеон. – О, злые вы монахи, вы все бегаєте! и посадили его в каземат! Через день выпустили и отправили в Солунь. В Солуни они были представлены паше и им отправлены в казармы. Только 4 месяца выдержал о. Гедеон, так как перемена пищи, тяжелый воздух и, отведенное ему, самое плохое помещение совершенно расстроили его здоровье, и он начал кашлять кровью. Он оставил Солунь и вернулся в Кавсокалив, где полтора года был в таком состоянии, что ежедневно ожидал себе смерти.

Потом о. Гедеона посетило новое испытание от разбойников, беспрестанно тревоживших Св. Гору своими грабительскими разъездами. Они напали на него и, связав руки и ноги, бросили на землю и так крепко, что едва не сокрушились его кости; затем нещадно били его прикладами ружей по хребту и пояснице, так что от этих побоев он страдал всю жизнь.

До прибытия на Афон турки имели намерение истребить всех монахов; но, получив фирман от султана – «пощадить их жизнь», невольно оставили свое намерение и только чинили монахам много притеснений и обкладывали их непосильными налогами. В скиту св. Анны оставались жить почти все бывшие там до восстания монахи; они занимались рукоделием. Тогда и старец Гедеон брал для себя шерсть и делал фески, получая за

работу 10 пар, на что и покупал себе пшеницу для хлеба. Но так как плата была ничтожная, и притом от болезни он не мог успешно работать, то ему на хлеб не доставало, почему он примешивал в муку молотые каштаны и некоторые травы, как дикий укроп. Однажды посадивши в печь такой хлеб, он услышал, что приближаются разбойники; тотчас же забрав еще не испекшийся хлеб в торбу, он поспешил скрыться, направляясь в келью св. Предтечи, находившуюся между скал, ни откуда не видную и разбойниками ни разу не отысканную, где хранили скитскую ризницу. О приближении разбойников отцы узнавали по ударам в било при соборном храме, в которое били караульные скита, и тогда кто как мог скрывался. Разбойники пришли и, забравши все что могли взять, возвратились обратно; но иногда только делали вид, что удалялись, а на самом деле укрывались вблизи, и когда скитяне возвращались в свои жилища, вдруг нападали снова. Таким же образом в этот раз они вновь вернулись к старцу Гедеону и начали требовать денег; но ничего не найдя, забрали только хлеб, но тут же разломив его, нашли его столь черным и неприятным по вкусу, что бросили.

Тогда взвалили на него награбленное в других кельях и заставили нести к морю. Там они опять требовали у него денег, говоря: – Почему же другие отцы имеют, а у тебя нет? – Он, думая поскорее от них отвязаться, отвечал: – Оттого, что они здесь давно, а я недавно! – но те закричали: – А, недавно; то у тебя деньги где-нибудь в другом месте? – и начали опять бить его. В то время старец Герасим, которого они уже ограбили до чиста, от сострадания спустился на берег и начал увещевать разбойников: – И вы ведь христиане, и вам нужно спасение, за что вы его мучите? он действительно бедный человек, ничего не имеет! – Тогда оставили его. Еще однажды было попущено пострадать ему от разбойников: они связали ему руки назад так туго, что он онемевший упал и страшно мучился. Следы от этой пытки остались на руках его на всю жизнь. Это было последнее испытание о. Гедеона. Удивительно, как он мог после всего того жить еще столько лет в самоумерщвлении и всесторонних лишениях. Но он не оставлял и своих обычных подвигов, и

только в последние два с половиной года лежал на койке не вставая, будучи поднимаем своими учениками, которых у него было двое. Старший Дамиан жил со старцем 26 лет, а второй Косьма – 8 лет.

Во время болезни он часто говаривал ученикам: – Отягощаю я вас! – но они отвечали: – Только терпи, отче, а мы с радостью исполняем это!

Старец о. Гедеон во все время пустынного своего жительства спал менее двух часов в сутки, едва предаваясь дремоте. Занимаясь постоянно умно-сердечною молитвою, он строго держал молчание. Когда наступало время отдыха, он клал на колени подушку и, наклонив голову, засыпал, никогда не ложась на ребра пока, наконец, болезнь не уложила его. В последние годы Дамиан убеждал старца оставить такой подвиг, говоря: – Отче, ты уже стар и болен; тебе нужно хоть немного покоя. Ложись по крайней мере тогда, когда тебе нужно заснуть! – Старец отвечал: – Теперь-то нужно мне потрудиться, потому что я стар и смерть близка. Знаешь, как один авва сказал: – если убедишь ангела лечь, то и меня, а я хоть как скот посплю!

В прежнее время он хотя и содержал строгий пост, но пил вино и ел с маслом, когда они бывали; но в последние 17 лет он не ел с маслом и вина не пил, не желая никакого утешения плоти, не смотря на болезнь. Обыкновенно питался таким замесом: вскипятит воду в малом кофейнике и замешав мукою, кушал, ничего другого не употребляя. Плоть его так истощилась, что перед смертью оставались лишь кожа да кости. Видом он был похож на Великого Арсения: стар, сед, сух, высок, сгорблен; но не смотря на жестокие страдания лице его было ангеловидное. Ученик Дамиан однажды заболел и страдал года полтора; отчаявшись в болезни он начал просить старца, чтобы он помолился об исцелении его. Старец отвечал: – Терпи, чадо, тебе эта болезнь в большую пользу: сколько страждет человек телесно, столько душа его очищается! – Дамиан спросил его при этом о молитве. Старец отвечал: – Довлеет теперь тебе терпение, а после болезни, которая тебя приготовляет к этому, займешься молитвою!

– Как же это? – спросил Дамиан.

– Это делается с великим понуждением себя, – отвечал старец, – и притом не иначе, как при руководителе, ибо когда начнет человек это делание, враг начинает представлять некие мечтания и обманывает неопытных. Имя Господа Иисуса Христа и Божией Матери да не отлучаются от твоего сердца, в этом поможет воздержание. Но что бы ты не делал: пост ли, молитву ли и другие какие подвиги – смиренно помышляй, будто ничего не делаешь. Если человек исправит все добродетели, но не будет иметь одного – смирения, то все они ничего не значат.

– Я человек не для сего мира уже, но ты всегда имей в памяти час смертный и не смотри на скоропреходящие призраки века сего: славу, богатство и все пр. и отвращайся от всего этого, а более пекись о будущей жизни. Я много имел желаний и рачения исполнить добродетели, но встретил от врага много препятствий к тому. Надо искушения эти победить, чтобы исправить добродетели, потому что кто не терпит искушений, тот не может преуспевать в добродетели. Нужно ли мне было попоститься или помолиться – всегда враг воздвигал против сего искушения, чтобы разорить начинаемое!

Вот например: старец положил себе за правило в великий пост вкушать малую определенную часть хлеба и воды – в день по 100 грамм, а потом менее, и доходил до самого малого количества. И вот: в один пост случилось упасть бизули около скитского соборного храма. Немедленно созвали всех потрудиться, чтобы восстановить бизули, дабы от весенних дождей не подмыло и не развалило церковного здания. Труды были не легкие, песок таскали от моря на крутую гору. О. Гедеон не хотел переменить свое правило и ради этой случайности уступить врагу и разрешить свой пост. Вскоре другие трудящиеся заметили и стали поносить его воздержание, называя его лицемером – что он делает это на показ, по тщеславию или на обличение их... Старец смиренно на это сказал: – Я себе закона никакого не полагал, но не хочется пить и есть, – и не пью и не ем!

В 1869 году накануне Рождества Христова ученики спросили старца: – Идти нам на бдение? – Он, против обычая, удержал их, и оба ученика остались при старце и совершали

бдение по четкам. Когда время было за полночь они снова спросили: – Будем ли продолжать? – Старец отвечал: – Пусть Косьма пойдет в церковь, а ты Дамиан останься при мне; может я умру теперь! – Старец велел зажечь свечу и покадить ладаном; это было за 3 часа до смерти. Заметно было, что перед смертью враг хотел сделать в мыслях старца замешательство, но посрамился: старец спокойно в мире и радости предал дух свой Господу, – сам закрыл глаза, как бы засыпая. Было 25 декабря, и в это время в соборе пели херувимскую песнь.

(Из записок о. Пантелеймона): Однажды Дамиан спросил старца как стяжать непрестанную молитву? Старец ответил:

– Нужно постоянно нудить себя и без крайних нужд не иметь свиданий. При начале, по немощи, произносить только: «Иисусе мой». Это удерживается легко, что бы человек ни делал и куда бы ни шел, даже при разговоре. Потом, когда усвоится молитва прибавить «Господи», и еще «Христе», и далее «Сыне Божий», а затем «помилуй мя». – Когда молитва внедрится в сердце, то она будет действовать сама постоянно, и благодать Божия нисходит и просвещает человека. При этом надо внимать этой молитве и бояться, чтобы не вознерадеть о ней, так как за малую леность молитва отнимается, и тогда предлежит трудный, кровавый подвиг, чтобы снова научиться ей!

– Имей со всеми любовь, и много не хлопочи о вещественном. Постоянно храни в уме твоём смерть, ибо я умираю сегодня, а ты может быть завтра. Если память смертная и на один час отлучится от человека, то он склоняется ко злу. Страх Божий да не отходит от тебя ни на один час. Молись за всех православных, и особенно за умерших и за милующих нас, – более за ненавидящих и обидящих и злоторящих. О потребностях жизни не очень пекись и не бойся – Господь не оставит, а будет промышлять. Так как ныне или завтра мы пойдем туда, то сколько можно пекись о том, как предстать пред Господом, дабы не лишиться Его милости. Вот и я во время жизни моей много страдал, бывал без хлеба и без всего, – но Господь не оставлял, посылая чрез какого-нибудь брата то зелени, то хлеба, и я оставался жив. Хотя я и не достоин, но и после смерти духом не отлучусь от вас!

Незадолго до смерти старца Дамиан спросил его: – Отче, ты при жизни своей не говорил нам ничего в утешение наше!

– Старец отвечал: – Не говорил, чадо, а теперь скажу: во первых – храните смирение, а все прочее оставляйте, и за одну молитву Иисусову беритесь со смирением и хранением всех заповедей Божиих.

Память смертная да будет неразлучна с вами, потому что, когда будете иметь память смертную, ум не будет развлекаться на одно или другое. – Когда ложишься, тогда размышляй, что утром не встанешь; а утром вставая, держи молитву Иисусову и Божией Матери. Когда так подвизается человек, то приходит благодать Божия и просвещает его. Тогда нужно искать и иметь руководителя опытного. Господь пошлет все, что нам на пользу, только чтоб мы не нерадели; тогда и простейшему открывает Господь, просвещая его, сказать нам на пользу!

– Некоторый авва пошел в один монастырь; его окружили братия и просили сказать слово, и авва сказал: – во первых, храните истинное смирение; во вторых, стяжите в трудах и искушениях бывающих от бесов и человеков поносящих и клеветующих – терпение; в третьих, берегитесь от злых помыслов особенно от осуждения: если бы глазами своими видели брата согрешающего – не верьте. Еще: спасающиеся и подвигающиеся для будущей жизни испытываются разными искушениями для искуса; все надобно терпеть и не давать места врагу, и терпением все пройдет!

Старец Гедеон так тихо говорил, что Дамиан с трудом мог разбирать его беседу. Еще когда только Дамиан поступил к старцу Гедеону, то известный тогда старец, иеромонах Антоний, сказал ему: – Держись этого старца; я его знаю с молодых лет, он всегда находится в молитве и плаче пред Господом и Божией Матерью – Дамиан много раз замечал за о. Гедеоном, что от плача в молитве стеснялся дух его, и когда спрашивал старца: – Что с тобою, отче? – старец отвечал: – Ты не знаешь этого! – О молитве старец говорил: – Надо удаляться от всех вещей мира и не любить их, пребывать в мире душевном и никого не осуждать; кто желает навикнуть в молитве, должен хранить эти три!

Беспопечительность старца была такая, что хоть неделю, бывало, просидит без хлеба, не печалится о том. Так поступал он во всем, и все свое внимание устремлял к Богу, Который и посылал ему потребное после такого испытания его веры и всецелой преданности Ему. Бывало, когда приходил Дамиан откуда-то с торбою утомленный, старец заставлял его спать, и если Дамиан исполнял это, то бывал спокоен духом.

На руках сего же Дамиана скончался известный всем прежним отшельникам духовник о. Христофор. Он перед смертью говорил собравшимся к нему: – Отцы, держите молитву Иисусову, и когда душа моя отрешится от тела, тяните за меня четки, чтобы Господь сотворил со мною милость! – Говоря это Христофор скончался, будучи преклонных лет. Лице его просветилось, и все прославили Бога.

Духовник Христофор по прибытии на Св. Гору поступил к старцу Захарии, жившему на кельи Вознесения Господня в Кавсокаливии. По кончине старца он крайне стеснялся возлагаемой от скита обязанности дикея, духовника и пр., и, продав келью, переселился на место называемое Яннокопуло, вблизи пещеры преп. Афанасия.

Старец Длиннобрадый – грек († 1835)

В начале 19-го века жил в скиту Кавсокаливе блаженнейший старец. Борода его была как у преп. Онуфрия и преп. Петра Афонского – на четверть лежала на земле. Когда кто желал посмотреть ее, то он становился на скамейку, и тогда она висела до земли.

Этот старец прежде был первый и славный певец по всему Афону, и не было подобного голоса во всей Св. Горе. Во все монастыри просили его на праздники для пения. В один праздник пел он всенощное бдение, и потщеславился своим голосом. После того пропал у него голос, и не мог он уже ничего петь, и от того впал в великую скорбь. Сказывали: было ему видение и от Царицы Небесной извещение, что отнялся у него голос за то, что не умел им владеть, а только тщеславился; но что в утешение дана будет ему великая борода; только бы паки не тщеславился, а то и ее лишится. И начала расти борода его, и выросла на четверть ниже ног. И он всегда носил ее подвязану, и показывал только тем, кто пожелает посмотреть.

В одно время в Константинополе проезжал султан Махмуд мимо патриархии. И захотелось ему по любопытству посмотреть христианскую церковь. Встретил его сам патриарх; султан долго все рассматривал в храме. Увидавши икону св. Петра Афонского и Онуфрия Великого, он сказал патриарху: – Вот у вас тут басни изображены; как возможно, чтобы у людей такие были бороды? – Патриарх ему смиренно ответил, что это не ложь, а истинная правда, и что в нынешнее время на Горе Афонской есть монах, который имеет такую длинную бороду. Султан скоро послал за ним. Он же приехал и явился к султану. Тот приказал показать ему бороду, и монах стал на диван и распустил свою бороду. Султан весьма удивился, что борода длиннее, нежели какие на иконах видел. Потом сам захотел испытать и увериться – не подделана ли она; взял один волос от самого подбородка и вел по нему рукой до самого конца; так пробовал 3 волоса. Потом, смотря на бороду, сказал: – у христиан, что есть писано, то все сущая правда! – А монаху дал

фирман, чтобы оба они с учеником до смерти дани не платили, а жили на льготе.

Старец Хаджи-Георгий – грек († 1886)

Старец о. Георгий, по прозвищу «Хаджи-Георгий», родился в 1809 г. в Турции в селении Кермил, в митрополии Каппадокийской. Богатые по той местности родители его именовались Иордан и Мария. При крещении ему было дано имя Гавриил. По достижении отроческого возраста он был отдан родителями в школу; но грамота Гавриилу не давалась, и в течении четырех лет он не только не выучился читать по складам, но и самый алфавит едва мог заучить. За это учитель в школе и родители наказывали его; от страха наказания он стал бояться и школы и дома и убегал за селение, где проводил время по месяцу и более в тамошних пещерах, которых там великое множество еще от времен языческих, и прятался там до тех пор, пока кто-нибудь из родных не отыщет его. От своей тетки монахини, у которой он иногда бывал в монастыре, он слышал, что есть святые люди называемые затворниками, которые всегда постятся и молятся Богу. Вот и ему пришло желание: укрыться в тех пещерах, поститься и молиться Богу; и он стал укрываться там часто по долгу, клал множество поклонов, постился дня по три и по четыре ничего в рот не принимая; а когда изнемогал, то питался огородными овощами или дикими плодами растущими в лесу, а хлеба часто и по месяцу не видал. Не оставляла его скорбь о том, что он не мог выучиться грамоте. Бывало сами родители видя его скорбящим говорили ему: – Гавриил, иди в церковь и молись Божией Матери, Она тебе поможет научиться!

В приходском их храме есть чудотворная икона Божией Матери, и вот он, пропостившись 3 дня и положив 1000 поклонов, отправился в церковь; и для того, чтобы не заметили родные, избрал ночное время. Вошедши на паперть он пред церковными дверьми пал ниц на землю и со слезами стал умолять Божию Матерь: – Дажь мне, Матерь Божия, выучиться грамоте! – Вдруг железные двери отворяются: является благолепная Жена, берет его за руку, подводит к местной иконе Спасителя и произносит к Нему: – Сыне Мой, даждь сему отроку

Гавриилу выучиться грамоте. С этими словами Она благословила его и дала ему руку поцеловать. – Теперь ты, – сказала Она, выучился грамоте! – Сказав это, Она вошла в северные двери алтаря. Видя, что Она не выходит, Гавриил поспешил за Ней в алтарь; но там не нашел. Обошел потом кругом всю церковь, но Жены нигде не мог найти. Когда настало время богослужения, пришел пономарь и, отворив двери, увидел Гавриила. В изумлении смотря на него, он спросил: – Как ты попал сюда? – Гавриил подробно рассказал о всем случившемся. Пономарь для удостоверения в истине случившегося взял и подал ему книгу и говорит: – На, прочитай; умеешь ли ты читать, как Она сказала, что ты теперь выучился грамоте? – И Гавриил стал читать хорошо и внятно. Тогда пономарь сказал: – Да это была Божия Мать, а не простая женщина!

С тех пор его родные стали уважать его, и он безбоязненно стал собирать своих товарищей в те пещеры и устроили нечто вроде монастыря, и Гавриила избрали в игумены. В то время ему было около 14 лет, и скоро он с односельчанами поехал в Константинополь.

На пути, проезжая мимо одного места прекрасного и уединенного, ему пришла мысль, здесь в этом лесу должно быть живут пустынники! Гавриил оставил спутников и пошел их искать; но, к прискорбию своему, никого не нашел! Спутников своих он упустил из виду и дорогу назад потерял в лесу. Испугался Гавриил и стал призывать на помощь св. великомученика Георгия, своего соотечественника. Вдруг показался вдали молодой всадник на белом коне и, приблизившись к Гавриилу, говорит ему: – Видно ты дорогу потерял? – Да, потерял, – ответил Гавриил. Всадник был в прекрасном воинском одеянии, и Гавриил не осмеливался с ним разговаривать. – Иди за мной, – сказал он Гавриилу, и вывел его на дорогу, откуда он увидал своих спутников и догнал их.

По прибытии в Константинополь, Гавриил прежде всего поспешил побывать у своего родного дяди, который занимал должность при дворе султана Махмуда 2-го (1808–1839). Он вел большие дела по доставлению разного продовольствия для

турецких войск. Завистливые армяне оклеветали его, и донос клеветников имел силу, так что он должен был лишиться жизни. Во избежание смерти он решил потурчиться! Приняв магометанство, он вошел в большое доверие и милость султана и сделался одним из близких к нему и часто находился во дворце.

Гавриил весьма желал вывести дядю своего из этой пропасти, и Господь помог ему. И не только дядю, но с ним и одного священника и еще других нескольких человек потурчившихся он успел возвратить в христианство. Все они втайне снова стали христианами, но еще некоторое время остались на прежних местах служения.

Целый год Гавриил находился в султанском дворце при дяде. Султан заметил его и спросил дядю о нем; потом султан Махмуд лично беседовал с Гавриилом и весьма полюбил его. Находясь во дворце, Гавриил не увлекался роскошной жизнью: его дневною пищею была горсть ячменной крупы, сваренной в воде. Султан знал об этом и также о том, что ежедневно он полагал по 500 поклонов, и говаривал своим приближенным: – Кто научил такого молодого человека так поститься и молиться?

Об этом султанине, благодетеле христиан, говорят, что он был потаенный христианин. Старец Хаджи-Георгий так говорил о нем: – Султан Махмуд был втайне христианин! – Большой его заслугой пред христианами было то, что до него нельзя было ни поправить обветшавшего храма, ни вновь построить нового. Он дал до 2000 фирманов на построение новых церквей. После разрушения в 1821 году маленькой часовни в Балуклии, построенной над Живоносным Источником Божией Матери, на месте древнего великолепного храма, султан Махмуд, по ходатайству патриарха Константина 1-го, дозволил христианам возобновить церковь, которая, по недостатку средств, была построена в меньших размерах, при чем известная благотворительница, русская графиня Анна Орлова-Чесминская, пожертвовала большую сумму. Султан Махмуд даже приказал уничтожить магометанское кладбище бывшее на том месте, а могильные камни отдал христианам для постройки. Еще он пожертвовал две большие иконы св. Предтечи, пред которым он

благоговел, и отца Предтечи – св. пророка Захарии, и одно серебрянное паникадило. Кроме этого он оказал великое благодеяние Иерусалимской патриархии, которая была должна богачам-евреям 36.000 золотых лир. Султан узнал об этом и потребовал к себе все документы этого долга. По рассмотрении он решил, что очень много уплачено процентов, и он уничтожил все эти документы и строго приказал евреям, чтобы впредь не смели упоминать об этом долге.

(Из записок инок Парфения): После российской войны султан Махмуд сделался добр и милостив к христианам: он освободил множество заключенных христиан, и в Константинополе выстроил церковь в Балуклии за свой счет. Иногда он долго сиживал с патриархом и разговаривал. Христиане на него смотрели как на отца; турки же его ненавидели и называли неверным и христианином и нам говорили: – Теперь вы дождались своего царя; теперь уже султан ваш христианин! – много он переменял турецких обычаев. И смерть его, говорят, была насильственная: потому что накануне вечером был здоров, ездил на каюке, а утром объявили, что умер.

Видя кругом себя честь и славу суетной мирской жизни и что трудно со всем этим бороться, Гавриил стал молиться Божией

Матери, вывести его и указать ему путь спасения. Однажды, будучи за Божественной Литургией в патриаршей церкви, Гавриил со слезами молился пред иконой Божией Матери, что за патриаршей кафедрой мозаичной работы. Когда окончилась литургия он не вышел вместе с другими, а остался еще молиться, желая получить откровение. И Царица Небесная, как рассказывал многим сам старец, услышала его скорбь и молитву: ему показалось что Она сошла к нему с иконы в белом одеянии и спрашивает его: – Чего ты хочешь? – Хочу спастись! ответил Гавриил. Мать Божия тогда сказала: – Выйдешь из церкви, иди к Фонарным воротам на пристань, где увидишь монаха с которым поедешь на Афон! – Сказав это, Она снова вошла в икону.

Гавриил поспешил на пристань и, действительно, увидел монаха: постный старец, борода седая и длинная. Это был игумен Григорианского монастыря, о. Григорий. Гавриил упал ему в ноги и стал просить его, чтобы взял его с собой на Афон. Игумен смотрит на него и говорит: – Святыми отцами и постановлениями патриархов запрещено принимать на Афон не только мальчиков, но даже в летах, если они без бороды; так что об этом и не говори – на Афоне не быть тебе до совершенных лет! – Выслушав отказ, опечаленный Гавриил рассказал о том, как он видел Божию Матерь и что Она ему сказала, дабы этим убедить старца взять его с собой. Тот задумался, но после краткого недоумения снова говорит: – Нет, я не могу взять тебя!

Все это происходило в присутствии капитана того судна, на котором игумен должен был отправиться на Афон. Видя такое сильное желание молодого человека отправиться на Афон и слыша отказ игумена, капитан сжалился над ним и помог ему исполнить его желание: – Судно скоро пойдет на Афон, – сказал он, – так ты пойдешь и спрячешься в судне, а после, когда выйдем далеко в море, ты откроешься ему, и тогда поневоле возьмет! – Он так и сделал: судно вышло в море, и на нем отправился Гавриил. Не смея показываться старцу во все время плавания, он решил открыться ему только тогда, когда они уже подплывали к Афону. Он подошел к старцу и упал ему в ноги. Игумен промолчал. Гавриил был в недоумении; но одно он держал в уме: – Матерь Божия послала меня на Афон!

Выйдя на берег Св. Горы на пристань Григориата, Гавриил вошел в монастырь. Это было в 1825 году. Сам игумен и здесь не только не хотел принять его, но и на глаза его не допускал. Гавриил стал изливать свою скорбь некоторым из братии, которых тогда было немного. Братия упростили игумена принять юношу, и он согласился. Ему дали послушание на кухне. При начале жизни Гавриила в Григориате, как он сам рассказывал, на храмовой праздник св. Николая, по случаю непогоды, не могли наловить в море свежей рыбы для трапезы. И что же? Вдруг несколько больших рыб выбросились на берег около

монастыря накануне праздника, и братия собрали, чудно дарованную рыбу, которой было вполне достаточно.

По отъезде Гавриила из Константинополя, его дядя возвратился в христианство и скрылся. Переодевшись в бедную одежду, он прибыл в Смирну и здесь приютился при церкви, исполняя должность сторожа и пономаря. Чрез 8 лет покаянной жизни он мирно скончался в Светлое Христово Воскресение.

Не долго Гавриил прожил в Григориате. Он услышал, что есть в скиту Кавсокаливе опытный старец духовник, Неофит Караманлис, соотечественник его, и подвизается в кельи св. великомученика Георгия. Вот он и задумал пойти к нему и проситься в послушники.

Старец Неофит принял его. Так как в то время, по случаю греческого восстания, вся Св. Гора была занята турками, то большая часть монахов оставили Афон и в скиту жили немногие. О. Неофит часто удалялся в пещеру преп. Нифонта, и теперь, желая хоть в главном не нарушать патриарших и отеческих запрещений относительно приема юных и безбрадных, а вместе чтобы сохранить Гавриила от варварства турок, он поселил его в пещере рядом с пещерой преп. Нифонта. Здесь он подвизался ни кем не видимый около четырех лет.

Когда настало мирное время старец о. Неофит купил келью св. Апостолов на Керасях. Тут они жили года 3–4. В это время старцу было видение, после которого он решил принять и установить для себя и учеников своих «устав совершенного постничества» – никогда и ни по каким причинам не употреблять ни сыра, ни яиц, ни молока, ни рыбы, ни масла, ни вина. Всю же не постную провизию бывшую у них старец отправил в Лавру. Потом он купил другую келью св. великомученика Димитрия за 400 левов. Здесь он постриг Гавриила в схиму с именем Георгия. Хотя в омологии кельи о. Георгий был записан за старца, но пока был жив сам старец, он считался хозяином и руководителем.

По закону своей родины о. Георгий не имел права учиться и говорить по-гречески, и знал только по-турецки. Сам старец Неофит выучился греческому языку уже на Афоне. По этой причине о. Георгий долго не мог разговаривать с другими, кроме

только старца; почему он был принужден пребывать в почти совершенном молчании. В течение нескольких лет старец Неофит не позволял ему входить внутрь храма, а только в притвор, откуда он и слушал богослужения. Благоговейный и простосердечный о. Георгий был уверен, что старец служит с ангелами, потому и не допускает его входить внутрь. В течение двенадцати лет о. Георгий, по велению старца, ежедневно ходил на верх Афона, кроме лютой зимы, чтобы там заправить лампы пред иконами в маленьком храме Преображения Господня.

Однажды, о. Георгий был одержим лютою плотскою страстью, и чтобы победить ее он начал поститься – не ел и не пил 12 суток; но брань продолжалась, и он решил пропоститься 40 дней. И был ему голос: – Если и дважды сорок дней будешь поститься, брань не пройдет, если не смиришься! – а он в это время что-то имел против старцев. – Тотчас пошел он к старцу, сделал метание сказав: – Прости меня, отче! – и когда тот благословил его и положил свою руку на главу его, брань прошла тут же.

Однажды Хаджи-Георгий, по искушению бесов, ушел от старца, тогда бесы стали ублажать его и в виде ангелов как бы восходили на небо и нисходили; при чем Хаджи-Георгий заметил в действиях их какую-то поспешность и торопливость. Они заставляли его поклониться им и обещали даровать ему благодать Св. Духа; но когда Хаджи-Георгий призвал молитвы старца своего, то все это исчезло.

В другой раз, когда Хаджи-Георгий жил еще со старцем, явился ему бес в виде молодого человека с мулом, который стал приглашать его к себе, обещая, что он и его товарищи сделают его своим старцем и ему будет у них хорошо жить; но Хаджи-Георгий познал бесовскую прелесть, и тогда увидел как бес вместе с мулом стал подниматься в воздух и исчез.

В одно время о. Георгию пришло желание мученичества – желание пламенное и неодолимое. 60 дней он молился Богу все время стоя на ногах, восклоняясь только на посох для краткого отдыха, пищу употреблял раз в неделю приготавливаясь к великому подвигу. По окончании шестидесятидневной

молитвы, он пошел к великому старцу Илариону грузину испросить его совета и молитвы на подвиг. О. Иларион отвечал: – Я не приял еще от Церкви власти давать советы на подобные вопросы! – но Хаджи-Георгий со слезами просил решить: угодно ли его намерение Богу. Наконец о. Иларион сказал: – Если ты хочешь получить ответ, то иди к старцу о. Венедикту грузину. Придя к кельи, найдешь в таком-то месте в стене веревочный узел, потяни 3 раза, и старец выйдет, подумав, что я пришел. Тогда пади ему в ноги и расскажи ему свое дело и проси наставления, и что он тебе скажет, то и исполняй, ибо это то, что угодно Богу и тебе на пользу! Хаджи-Георгий сделал все указанное, и когда вышел о. Венедикт, он принял его благословение и говорил о своем желании мученичества, ради чего он стоя молился Богу 60 дней. – О. Венедикт, поняв, что он послан о. Иларионом, прежде нежели отвечать о. Георгию по вопросу, начал себя упрекать: – Вот ты, Венедикт, столько лет живешь здесь, но не имеешь таких подвигов, и вот новоначальные превосходят тебя. Когда ты так бдел, чтобы простоять на молитве столько времени? когда ты так постился как этот раб Божий? – Говоря сие, он не столько укорял себя, как вразумлял Хаджи-Георгия, чтобы тот не полагался на эти подвиги и не возмечтал, что он сделал нечто великое. Старец знал, что ни чрезмерный пост ни протяжная молитва не принесут пользы, если они не будут соединены с глубоким смирением и любовью.

Хаджи-Георгий принял эти слова за укор себе и слезно стал просить, чтобы старец решил как ему поступать ибо без совета опытного он не дерзает на такое дело. О. Венедикт отвечал: – Если я и скажу тебе, ты меня не слушаешь, и будешь искать чтобы исполнилось твое желание. Однако, можешь отправиться на мученичество; только совершенного мученичества не получишь, а претерпишь много. Настоящее мученичество придет к тебе само впоследствии на Афоне чрез юную братию, которая соберется к тебе!

Сказанное о. Венедиктом оправдалось в точности: Хаджи-Георгий отправился в турецкий город, и чтобы больше раздражить против себя турок, он начал собирать мальчиков и

учить их о Христе и заставлял их делать крестное знамение; тут-то и напали на него турки. Долго и усердно били его и потом прогнали из города. После многих безуспешных попыток ожесточить турок до того, чтобы отрубили ему голову, он должен был возвратиться на Афон без успеха, только избитым и израненным. Так сбылось первое слово о. Венедикта, так потом исполнилось и второе: много ему пришлось претерпеть от своей братии.

(Из записок о. Пантелеймона, около 1870 года несколько раз побывавшего у Хаджи-Георгия): Старец Хаджи-Георгий живет на Керасях в большой ветхой кельи св. великомученика Димитрия, и имеет 30 учеников греков и русских. Он известен всему Афону и почти всем бывающим на Афоне паломникам, в особенности тем из них, которые восходили на вершину горы, так как отсюда, с его кельи, начинается подъем туда. Возвращаясь паки у него побывают, и поэтому все его знают по страннoлюбию его, чисто Авраамскому: все кто бы ни пришел кушают безвозмездно, и он не скорбит и не жалеет. Старец имеет и мулов и ими оказывают большую услугу тамошним русским келлиотам. «Хаджи» построил большую мельницу, которая ему была очень дорога, и была причиной больших неприятностей, но за то она принесла великую услугу всем окрестным насельникам. Имеет он небольшое пчеловодство и собственный каюк, на котором привозит из разных мест и свои и других вещи до пристани внизу на море. Средств запасных никогда не имеет, даже часто бывает в долгах; но Господь как бы невидимо посылает ему вознаграждение за его страннoлюбие. Ученики его, это сущие ангелы. Старец держит их на пути спасения весьма сурово и строго. Они по преимуществу молодые и он для пользы их и для соблюдения от нескромного взора заходящих к ним, велит им намазываться сажей; и часто можно встретить у него монаха запачканного сажей и грязью, похожего на какого-то черномазого! Лавра, узнав об этом, приказала оставить эту странность, хотя и с доброю целью придуманную старцем. Во избежание у него того же соблазна, все постриженные, ни один не носит длинных волос. Между учениками есть и весьма замечательные, но

иеромонах Мина просто святой жизни человек. Он сохраняет к своему старцу такое же послушание, как и новоначальные.

На всякое дело, и вечером, идя спать, все берут у старца благословение и отходят молча по кельям. Самого Хаджи-Георгия нельзя отличить не знающему его не только от какого ученика его, которые всегда грязные и оборванные, но и от простого рабочего: так ведет он себя серо и просто. Келлий у него никто не метет, блох и клопов не выметают, почему только разве крайнее утомление даст возможность заснуть в его кельях.

Они вовсе не употребляют: масло, вино, рыбу, сыр и яйца, а довольствуются самой скудной пищей; труды их изумительно велики. Мне очень понравилось одно из правил старца: не только когда бывает общее послушание, или когда несколько человек вместе работают; но если и двое, то один непременно вслух читает молитву Иисусову во избежание празднословия.

Рукоделие их – иконопись, но большая часть учеников занимаются разными тяжелыми работами. Климат здесь здоровее всех других мест на Афоне, что заметили еще древние языческие писатели, так как все жители бывшего тут города Акроафос жили по долгу. У Хаджи-Георгия же умирают больше молодые и очень часто; все утверждает, что эта преждевременность отхода в вечность от строгого воздержания и чрезмерных трудов. Скорее всех умирают иконописцы. Старец все это видит, но не изменяет своего устава совершенного постничества, хотя не раз просили его о смягчении и по крайней мере дозволить постное масло; но старец не согласился. Просили тогда только о дозволении вина; но и тут старец не сдался. Случалось, что некоторые посетители до того смущали учеников старца жалобами на его непреклонность, что те решались для большего воздействия на него, уходить по несколько человек, и особенно из иконописцев; но и тогда старец оставался непреклонен.

Возмущение против постного устава, наконец, стало до того общим, что вступилась Лавра, приняв сторону учеников. Тогда старец смирился, но в чем? Ради немощных он завел пчельник, насадил виноградник и не стал продавать крупные орехи, и из

толченных орехов делал приправку к вареву, а виноград и мед подают братии в определенные дни.

Хотя из иконописцев только один иеромонах Мина весьма хорошо пишет иконы, но так как они проводят жизнь очень подвижническую, то им стали делать много заказов для России.

По виду старец самый незавиднейший простец и невежда, но в беседе с ним ясно высказывается его мудрость, опытность и глубокая начитанность. Во всякой скорби, во всяком недоумении у него найдется разрешение и утешение.

(Доселе повествование о. Пантелеймона).

Однажды бес, заклятый старцем Хаджи-Георгием в од-ном человеке, сказал ему, что ни о чем столь не тщится, как о том дабы разорвать связь послушания старца с учеником, и что тогда уже в его власти будет ученик; но бес очень не охотно это говорил понуждаемый силою Христовою.

Когда сам Хаджи-Георгий стал руководителем других, то ему было откровение – около послушных иноков стоял Ангел и внушал им все полезное и возбуждал их и укреплял в молитве; а ослушников бес поучал на все противное, спутывая их мысли.

Однажды к Хаджи-Георгию приведен был выкрещенный турок бесноватый, который по молитвам старца избавлен был от беса и стал говорить по-гречески не учившись. Прожил он у старца подвижнически 3 года, и пред кончиною сподобился явления Господа.

(Записка пяти русских поклонников, посетивших Хаджи-Георгия в 1879 году, когда старец жил на кельи св. Стефана около Карей): – Встретил нас сам старец о. Георгий с такою истинно отеческою любовью, как Авраам. В жизни моей мне впервые привелось видеть смирение такого маститого старца. Одежда на нем довольно простенькая: подрясник из белого русского холста. Говорит он мало, но слова его глубоко ложатся на сердце и производят впечатление и наводят на мысли о загробной жизни. Нам странникам подали «учреждение»: чай, хлеб, мед и бекмен – напиток собственного их приготовления из виноградного сока, не имеющего ни кислоты, ни спирту. Старец вместе с нами разделял трапезу и в продолжение оной давал нам наставления как нам вести себя во время пребывания

нашего здесь на Афоне, и как по возвращении в мир. – Прежде всего, старец убеждал нас чистосердечно исповедать свои грехи духовнику и потом здесь же на Афоне приобщиться Святых Таин. – О посте во время говения говорить нечего: здесь всегда великий пост. – Исповедовались у русского духовника, иеромонаха Антония, ученика о. Георгия.

С вечера было отслужено всенощное бдение, а на утро, в воскресный день, причащались. После этого старец сделал нам наставление: – Знайте, чада мои, что какие были доселе на вас грехи, Господь их простил все от рождения, но с тем, если вы впредь не будете впадать в оные; напротив, если во едином согрешите, всем будете повинны. Вы решились оставить отечество и родных; решились переносить скорби, которые могли встретить вас на пути; и все это ради душевного спасения вы предприняли. Господь, видя ваше доброе намерение, по исповеди простил все ваши грехи. Вот вы теперь пойдете по Горе и будете на вершине Афона; там положите каждый по сорока поклонов с молитвою Иисусовою, и там оставьте каждый свои страстные привычки: если кто имел пристрастие к табаку – отселе оставь эту гнусную страсть; если неумеренно употребляли хмельные напитки, то ради Господа вкусившего за тебя оцет с желчию, положи в душе своей начало: отселе никогда не употреблять их. Эти и многие другие подобные им страсти, какими ты был обладаем, оставь там на горе и твердо в сердце своем положи впредь более не прогневать ими Бога. исполни это – и Господь всегда будет с тобой. А если, как человек, в чем опять согрешил, иди скоро не медля к духовнику, очисти совесть свою исповедью, а не дожидаясь обычного времени для исповеди, как это делают по неразумию некоторые. Вот простой пример: если ты белье свое замарал, тотчас переменишь его и стараешься вымыть; а душа ведь на много дороже белья и ты оставляешь ее в небрежении загрязненной на целый год или еще более, и не мало не заботишься о душе своей, что она у тебя не только что загрязнена, но и смердит от ран греховных!

Много еще он говорил нам наставлений как из Священного Писания и житий святых отцов, так и из собственного опыта, и

мы в продолжении трех недель наслаждались его благодатною беседою. Наконец мы взяли у него благословение походить по всему Афону и просили дать нам проводника, знающего греческий язык.

По смерти старца Неофита Караманлис в 1860 году, о. Хаджи-Георгий стал старцем и до 1873 года он подвизался на Керасях со своими собратями и учениками.

О. Георгий привлек к себе весьма многих учеников – все бедные, убогие и больные имели радушный приют у старца, все к нему имели доступ, так как двери убогой его кельи ни днем, ни ночью не запирались; всякий желающий прямо шел к нему и объяснял ему свои нужды, свои скорби и помыслы. За больными сам старец ухаживал, это был для всех нуждающихся родной отец. Сами турки называли его «бизим баба» – т.е. наш отец! Много было известных старцу и таких пустынников, которых другие не знали; он снабжал их самым необходимым.

Если кто, бывало, заболит из его братства, то обыкновенными лекарствами никогда не лечили, а часто приобщали Святых Таин. В случае большого изнеможения совершали над ним таинство елеосвящения; когда же становилось заметно, что приближается к смерти, а в схиму еще не пострижен, то немедленно постригали и усугубляли за него молитвы. Старец Хаджи-Георгий более ста человек своих учеников похоронил своими руками в разных местах Афона, и большею частью русских и молодых, не выносивших, при усердных подвигах, перемены климата на Афоне.

Некоторые, конечно, нарушали постный устав старца, но таковые, если не раскаялись и не имели желания оставить допущенных себе послаблений, то или сами уходили, или же сам старец советовал таким и благословлял искать себе места, где полегче им будет: – Иди туда, – говаривал старец, – где все предлагается, а не навлекай на себя проклятие тайноядением! – В Номоканоне св. Василия Вел. сказано: – Иже разоряет устав духовного отца своего, проклят да будет и при животе и по смерти!

Те же, которые не ради немощи, а по прихоти чревоугодия уходили от старца, пред кончиною сознавали, что они потеряли

через то, и много скорбели, что малым временным успокоением они лишали себя великих благ. Так случилось с монахом Михаилом: он заболел и долго не нарушал постничества, но, наконец, не вытерпел и стал употреблять всякую пищу и еще захотел лечиться. Старец не благословил. Тот не послушал и отправился в Смирну и там лег в больницу, где первым долгом дали ему мясной бульон. Пролежал он там несколько месяцев, а болезнь не только не уменьшалась, но все более увеличивалась, и наконец он почувствовал близость исхода. Теперь на грани жизни он познал свою ошибку и преслушание, и стал он плакать и призывать своего старца на помощь. Плачу его многие сочувствовали и спрашивали – кого он призывает? И узнали, что он афонский монах и зовет своего духовного отца. Это предсмертное раскаяние очень подействовало на некоторых, так что со временем они оставили мир и уехали на Афон. Они и рассказывали об этом.

Другой монах, Христофор, в течение пяти лет исполняя в точности святое послушание старцу в совершенном отсечении пред ним своей воли, напоследок, почувствовав упадок сил, осмелился обратиться к старцу с такой просьбой: – Отче, отпусти меня! – Старец ответил: – Ты мне мало служил и просишь отпустить тебя?

Простосердечный Христофор отвечал: – Мало, да, а в совершенном послушании за 5 лет я тебе ни в одном слове не прекословил: так покуда ты жив, отпусти меня, а то когда помрешь, то без тебя я все это могу потерять.

Старец, помолившись Богу, велел ему быть готовым через несколько дней. Проходят дни, Христофор напоминает, что осталось уже не много. Совершили всенощное бдение, затем особоровали его и приобщили Св. Таин. Наконец приходят за душою его ангелы Божии; тогда он говорит собравшейся вокруг его братии: – За мной пришли, простите меня! – Простились с ним братия, а потом и старец благословил его со словами: – Иди ко Господу и молись там о нас! – и он в мире предал дух свой. Так почил блаженный юноша Христофор.

Один из учеников Хаджи-Георгия ушел в мир и пал во многие грехи, и несмотря на то принял хиротонию в диакона. В

этом сани он впал в блуд, но, раскаявшись, возвратился к старцу и провел 40 дней в великом покаянии, так что предузнал свою кончину. Он просил старца принять его опять в число своих учеников, что старец ему и пообещал, и с миром отошел ко Господу.

Другой ученик старца, бывши при смерти, сподобился небесного явления: явились ему в виде диаконов 4 ангела и сказали ему, что посланы за ним. Больной отвечал им, что без благословения старца своего он не может отправиться с ними, и объявил о всем этом старцу. Опытный в духовной жизни о. Георгий, опасаясь нет ли тут прелести со стороны духа тьмы, преобразующегося по слову Апостола в ангела света, отвечал ученику: – Скажи пришедшим за тобою, что ты еще не готов; пусть придут они через 2 дня. Так он и сделал. Больной, испрошенный им небольшой срок жизни провел в непрестанной молитве, и по прошествии двух дней, в тот же час явились ему небожители, и отделив душу от тела его вознесли ее в райские небесные селения.

Однажды, старцу Хаджи-Георгию было видение Богоматери; по правую Ее сторону стоял в виде воинов лик Ангельский, а по левую – бесы в виде турецких солдат, и к Ней на суд приводили нерадиво живущих на Афоне монахов. Она сказала: – Я не терплю, чтобы такие нерадивые жили в Моем Жребии, и повелела туркам избивать их, а по убиении тела их бросали на воздух.

Случалось, конечно, что некоторые неопытные противоречили и грубили старцу, но такие скоро или заболели, или впадали в иные какие-нибудь скорби. А если некоторые совсем выходили из границ терпимого, то не долго продолжалась их жизнь. Которые же не хотели более оставаться у старца по каким бы то ни было причинам, то старец не стеснял и не удерживал, а только говорил: – Если ты у меня будешь жить и окончишь жизнь, спасешься: я ручаюсь пред Богом; а если уйдешь – я не отвечаю!

Многие из учеников Хаджи-Георгия жили отдельно в разных местах в малых калибках в совершенной бедности, не имея часто и дневного пропитания. Однажды за великий пост он

постриг в схиму таких бедняков 35 человек, снабдив их для этого и своею одеждою. Старец имел большую веру в Бога, полученную им после многих скорбей и лишений; сам входил часто в долги, а всех приходящих бедных всегда старался по возможности всем необходимым удовлетворить.

К числу его великих заслуг должно отнести и то, что он успел обратить ко Христу несколько турок и даже одного турецкого начальника – агу. Приготовленный ко крещению, ага уже прибыл к старцу на Керасях для принятия тайно таинства, но вдруг напали на него разные помыслы и на окончательное предложение старца, что все уже готово, совершенно отказался креститься. Глубоко опечалился старец и много употребил усилий, чтобы успокоить его и, наконец, достиг своего сердечного желания, и крестил агу. Старец был его крестным отцом.

Один из учеников старца – Паисий, сын богатого купца, пришедший к Хаджи-Георгию в юных летах, в самом начале подвергнут был жестокому искушению – как только он пришел, то старец его прогнал, и Паисий целую неделю провел на холоде, ожидая милости от старца. Прожив несколько лет у старца он смутился и хотел возвратиться в мир, но старец о нем усердно молился Божией Матери и сподобился видеть св. Ангелов, возносивших его молитву Божией Матери, написанную на хартии, и Царица Небесная даровала Хаджи-Георгию Паисия. Тот провел потом 6 лет в подвигах и совершенном послушании и молчании, и при кончине сподобился видеть Господа.

Сей Паисий имел уговор со старцем, что он прежде его умрет. Однажды старец смертельно заболел. Душу его уже несли ангелы на небо, и он видел неизреченной красоты райские селения, и видел он, что Ангел, несший его душу имел спор с Паисием, который говорил, что он со старцем условился, дабы прежде ему умереть, – и превозмог Паисий. Старец был возвращен к жизни, и, очнувшись, увидел вокруг себя плачущих учеников.

Однажды, когда старец Хаджи-Георгий занимался рукоделием, нечаянно он проглотил большую иглу. Имея веру к

св. мученику Мине, он обратился к нему с молитвою, и святой предстал пред ним, спустил руку в его гортань, и извлек иглу.

Инок Исаакий, сподобившийся принять священный сан, жил у старца 25 лет очень хорошо. Великое он имел усердие к молитве, и в ночное время он всю псалтирь выучил наизусть. Но потом, по действию вражескому, он стал кое-что приобретать тайно от старца и хранить под замком в своей кельи, за что по попущению Божию был поражен бесами замертво. Тогда старец взял св. воду, окропил его крестообразно, и Исаакий пришел в себя и бросился старцу в ноги, прося его избавить и взять все что он тайно хранил у себя. Прожив богоугодно, при кончине он сподобился ангельского явления.

Однажды старцу Хаджи-Георгию явился св. Николай-чудотворец, который сказал ему: – Я в среды и в пятницы не сосал сосцев матери, а ныне в России не соблюдают посты, за что их постигают многие беды и напасти. Я много русским помогаю, но живут они плохо.

О. Хаджи-Георгий на вид всегда был бодр и здоров; лицо его было полное и даже с легким румянцем, глаза несколько навывкате; всякую работу он производил вместе с братией: пек хлебы, варил пищу, копал огород, – словом был живым примером для братии. Спал он очень мало, да и то где придется; часто с вечера уходил в церковь и там оставался до конца утреннего богослужения; часто он не имел и своей отдельной кельи. Всю жизнь он заботился о спасении ближних и нисколько не заботился о удобствах жизни. Лица своего никогда не умывал, а между тем оно всегда было светлое, ни головы, ни бороды никогда не причесывал, а если сваляются волосы в бороде, то он руками расправит и довольно, а на голове если сваляются наподобие войлока, то остригал их, взамен которых вырастали другие. Белье свое стирал всегда сам, но редко. Пищею его было: утешить бедного и скорбящего, умиротворить смущенного, примирить враждующих! Имел он особенный дар слова, весьма действовавший на других.

Из бесед старца Хаджи-Георгия видно, что он основанием подвижнической жизни полагал послушание, которое он наипаче

всего ублажал, заключая в нем спасение; но при этом, говорил старец, необходимо каждый день плакать и болезновать о своих грехах, а без сего не избавимся от сетей диавола.

В 1870 году старец Хаджи-Георгий стал скорбеть, не видя в послушниках своих той строгой жизни, которую сам проводил и того совершенного послушания, которое имел он к своему старцу, и пришел к нему помысел оставить свое убежище и стать юродивым Христа ради. В этом размышлении душа его Ангелом была восхищена на небо, и видел он там райские селения. Водивший его Ангел подходил с ним к многим прекрасным палатам как бы желая войти в оные, но на стук их в дверь им отвечали, что это место упокоения такого-то святого, причем он слышал имена великих святых, и думал со страхом: – Мне ли убогому, нищему обитать в таких великолепных дворцах? Так обходя райские селения, уготованные святым, он пришел к одному прекрасному дворцу, и когда отворили дверь в него, то он увидел там своих учеников, и возрадовался. Видел он тут и место уготованное для него и места учеников своих, находившихся еще в живых. Потом, следуя далее, увидел он места, уготованные братьям разных монастырей афонских. Утешившись таковым видением старец не захотел уже идти юродствовать.

В годы перед русско-турецкой войной возникли большие неприятности в русском монастыре св. великомученика Пантелеймона между русскими и греками. Русские старцы – духовник о. Иероним и архимандрит Макарий попросили старца Хаджи-Георгия придти в монастырь и быть посредником между ними и водворить мир. Старец с любовью пришел и целых 2 месяца провел там, всеусердно стараясь о примирении. Наконец, не видя успеха, упомянутые старцы просили о. Георгия помолиться и просить открыть: угодно ли, и есть ли на то воля Божия, чтобы отделиться русским от греков? Старец за послушание исполнил просьбу, и было ему откровение во сне: видел он, что посреди соборного храма св. Пантелеймона стоит экононом монастыря и пред ним большой чан соленых маслин, которые он раздает – одну чашку русским и другую грекам. Когда старец рассказал это русским старцам и прочим из

старшей братии, то из этого все заключили, что на разделение нет благословения Божия.

Всех желающих он постригал в монашество и по большей части прямо в схиму, основываясь на том, что преп. Пахомию был показан Ангелом один образ монашества. До 1870 года старец Хаджи-Георгий имел учениками почти исключительно одних греков. В этом году приехал из России для поклонения послушник Сергиевой пустыни Петр Гвоздев, уроженец Петергофского уезда. Остановившись в Руссике, он хотел было тут оставаться на жительство, но старцы почему-то не приняли его, а предложили походить по Горе и поприсмотреться к жизни святогорцев.

В это время жил на Керасях болезненный старец молдаванин о. Феофан, имевший у себя ученика, монаха Виссариона, хорошо знавшего по-русски и по-гречески, и ему известны были многие пустынные старцы. В упомянутое время один паломник выпросил его у старца в проводники и переводчики, и хотя старец согласился, но сам остался без необходимого помощника. Вот на эту-то пору подоспел к нему Петр Гвоздев, и он соизволил остаться послужить старцу. Однажды старец узнал, что живший на кельи Покрова старец о. Макарий русский чем-то заболел, и он послал к нему Петра помочь ему. О. Макарий лежал на постели. Когда же наступило время трапезы, неопытный послушник, заметив там много зеленой травы и, вычитав из житий святых, что преподобные пустынники питались травой, вздумал и сам отведать святого этого кушанья. Итак, нарвал он первой попавшейся под руки травы, сварил и сел покушать, воображая себя чем-то великим. Но лишь проглотил он несколько ложек, как вся внутренность его возмутилась: окно показалось дверью, а у дверей будто какое-то страшилище! он перепугался, бросился в окно, перебив стекла и пустился бежать, да как раз угодил в глубокую и крутую пропасть... Как он летел вниз он, конечно, не помнил; но удивительно то, что он не чувствовал ударов о уступы скалы и не только не расшибся до смерти, но не получил особого увечья, а только повредил ноги, и остался хромым!

Высоко на горе живший русский монах о. Павел заметил в глубине пропасти человека и пошел уведомить об этом о. Макария; а тот не знал куда девался его прислужник. Когда же увидели на столе помянутое варево, тогда поняли кто там в пропасти. Отправившись вниз подняли Петра и на руках обходом далеко через скит Кавсокалив принесли к Хаджи-Георгию. Опытный старец немедленно дал ему выпить один за другим 3 стакана теплого оливкового масла и этим затушил внутренний огонь от разлившегося яда. Несмотря на это больной сильно ослабел. Старец распорядился совершить над ним елеосвящение, а потом, не видя улучшения, с дозволения старца Феофана, постриг его в схиму с именем Парфения. Вскоре по пострижении молодой тридцатилетний монах стал поправляться и совершенно выздоровел, оставшись только с поврежденными ногами. Это было весной 1871 года.

Таким образом о. Парфений нечаянно сделался учеником о. Хаджи-Георгия. Будучи человеком торговым, он имел множество знакомых, и имея от природы предприимчивый характер немедленно оповестил всех о своем постриге, о дивных подвигах и прозорливости своего старца, что и послужило начальной причиной многих тяжких скорбей и испытаний для о. Георгия, и повлияло на перемену остальной жизни его. Потекли к ним жертвы обильной струей, и с этого времени стали приходить и проситься к старцу многие русские. О. Парфений сделался усердным посредником между старцем и приходящими, а старец всех принимал только с непременным условием совершенного постничества. Русские на все соглашались, только бы сделаться учениками такого старца. Таким образом в течение всего трех лет здесь собралось весьма порядочное греко-русское братство. В 1873 году старец заблагорассудил оставить желающих из греческого братства на Керасях, а с остальными переселился на другое место. Сначала они поселились в пределах Григориатского монастыря вблизи его. Им указали место, где они могли построить помещение для жилья и церковь. Место это высоко на горе с церковью св. Архидиакона Стефана. В благодарность за это Хаджи-Георгий и

Парфений построили для монастыря на огороде церковь св. Апостола Иоанна Богослова.

На новом месте жительства они построили большой братский корпус и вместо старой маленькой церкви воздвигли при содействии петербургского купца Александра Старикова новую, светлую и просторную. Здесь прожили всего года 3 и принуждены были удалиться в другое место. Тогдашние старцы Руссика предложили им келью тоже во имя св. Стефана в пределах Карей. Петербургский купец Ефрем Сивохин прислал им для внесения в монастырь за эту келью 6000 рублей. При переходе сюда у них было всего 12 человек русских учеников. Неугомонный о. Парфений не мог сидеть без дела: братство росло, завелись постройки, мастерские, приемы поклонников, снабжение их и благодетелей в России иконами, маслами и разными рукоделиями пустынников. Братство возросло до 50 человек. Одному из учеников, иеромонаху Антонию с молодым сыном его и с 12-ю пожелавшими удалиться с ними, была куплена большая келья св. Николая «Белозерка», куда они переселились с благословением старца, который выдал им 3000 рублей, из хранившихся в Руссике.

В 1883 году начавшиеся неприятности вынудили о. Парфения оставить и эту келью и даже Св. Гору и удалиться в Константинополь. С ним вместе отправился и старец и некоторые из его учеников. Там они взяли в аренду один запустевший монастырь св. Пантелеймона и священномученика Ермолая, где они прожили до кончины старца Хаджи-Георгия.

Целый год старец был болен ногами и не мог ходить, но врачей не просил и лекарств не принимал, свой постнический устав не оставлял и до самой кончины был в здравом уме и полной памяти. Всех приходящих утешал на сколько мог. Предчувствуя близость перехода в иной мир, он за два дня до смерти сказал братии следующее: все вижу во сне свой богатый магазин наполненный разными дорогими вещами, которые всем раздаю бесплатно в благословение, и, сколько ни раздаю, вещей не убавляется. Наконец, утрудившись раздавать, сказал Господу: – Когда же я все это раздам и покончу? и вдруг увидел свой магазин опустевшим и ничего нет в нем, кроме своей рясы!

Завещал он похоронить себя в Балуклии, при церкви Живоносного Источника Божией Матери, в могиле своего родного брата, Анастасия, скончавшегося за 2 года до прибытия его в Константинополь.

Незадолго до кончины старца пришли к нему 2 важные личности с просьбой: уделить им на школы и другие заведения, предполагая, что у старца много денег. – Старец, указав рукой на небо, сказал им: – Банк мой там, а здесь у меня нет денег, но еще есть за мной долг 400 лир, который с меня требуют заимодавцы! Накануне кончины с вечера изнемогавшего старца приобщили Св. Таин, и также в самый день и час его смерти. Преподав всем предстоящим ученикам своим прощение и благословение, старец Хаджи-Георгий в мире предал дух свой Господу. Это было 17 декабря 1886 года.

Патриарх Иоаким 4-й распорядился совершить отпевание уважаемого старца в великой патриаршей церкви самым торжественным образом, возложив это на Виссариона, епископа Даррахийского. Всего духовенства при погребении старца участвовало до 40 человек. В погребальном шествии участвовало множество народа, а впереди всех шли мальчики и девочки, воспитанники школ и приютов, которым старец много благодетельствовал.

По кончине своей старец являлся во сне многим своим близким. На Афоне, на Катунках на кельи Успения Божией Матери много лет подвизался старец о. Неофит со своим учеником Игнатием. Этот о. Неофит был побратимом старца Хаджи-Георгия, как постриженники одного старца – духовника Неофита Караманлис. Когда Хаджи-Георгий скончался в Константинополе, о. Неофит на Афоне тоже почувствовал особенный упадок сил. В одно время старец, сидя на постели, вдруг сделался как бы вне себя, забылся; вскоре же очнувшись, говорит: – Я сейчас был в Константинополе у Хаджи-Георгия! – А что ты нам принес оттуда? – спросил о. Игнатий. – Да, вот принес вам коливо! – А что он сказал тебе? – продолжал о. Игнатий. – А, сказал, что через 3 дня приду за тобой! – ответил старец и замолчал.

– Мы, – говорил о. Игнатий, – не обратили внимания на слова старца; но к нашему удивлению старец Неофит, не чувствуя никакой особенной болезни, кроме старческого изнеможения, действительно, чрез 3 дня, 20 декабря 1886 года, мирно почил!

Старец Хаджи-Георгий был весьма незлобив; и если случалось кому обидеть его, то он первый искал случая воздать добром. Со всеми старался быть в искреннем мире: враждующих примирял, скорбящих утешал и бедным благотворил.

В жизнеописании старца Хаджи-Георгия говорится и о духовном отце и наставнике, духовнике Неофите Караманлис.

Замечательный старец тот, будучи еще юношею, слышал об Афоне и о пустынноиках и в простоте сердца думал, что монахи-пустынноики тогда садятся кушать, когда услышат звон на небе. Вот и вздумал он подражать им: бывало, с утра начинает данную ему работу в поле и дожидается, когда зазвонят на небе кушать монахам. В 9-й час он слышит звон и спокойно садится и кушает. Так продолжалось некоторое время. Наконец он пожелал и сам сделаться монахом, и восемнадцатилетним юношею в 1772 году он прибыл на Св. Гору и подвизался здесь целых 88 лет.

Преосвященный Порфирий Успенский, еще в сане архимандрита, и под титулом ученого посетителя и описателя Афона, посещал и старца Неофита и беседовал с ним. Так между прочим он пишет: – О. Неофит, родившийся и воспитавшийся в Анатолии, давно спасается здесь и других спасает. Он духовник и у него исповедуются иноки пяти монастырей и архиереи, живущие на Афоне. По словам его монахи общежительных обителей нередко причащаются Св. Таин, но без строгого поста, так что накануне едят сыр и масло. Такое воздержание не одобрил о. Неофит. Эта строгость понравилась мне, знавшему от св. Иоанна Златоуста, что причащающиеся Тела и Крови Христовой должны быть чище луча солнечного; и просил собеседника сказать мне что-нибудь в назидание. Он зорко посмотрел на меня и сказал: – Имей страх Божий и будь воздержен! – Аминь! – отвечал я ему и стал

слушать свободные речи его. – У меня, – говорил он, – 9 учеников. Я никуда не отпускаю их. Днем они обрабатывают огород и виноградник, а под ночь совершают долгие метания каждый особо. Кто из них более других любит эти метания, тот освобождается от работы. Согрешающих между ними я наказываю жезлом, а иногда сажаю в безводную цистерну на трое суток без хлеба. Все они никогда не едят ни сыра, ни рыбы и не пьют вина, а довольствуются одним сухоядением; причащаются же еженедельно после исповедания помыслов и разрешительной молитвы. Таково наше житие. Милостыню принимаем, но только на содержание нашей церкви, на одежду, на обувь и на хлеб насущный, который разделяем со всеми, кто у нас бывает!

Однажды о. Неофит у себя в огороде застал дикого кабана, который портил овощи, и приказал ему стоять, а сам пошел к ученикам и велел им взять большой мешок. Ученики пошли и принесли кабана в келью, сделали ему стойло, и о. Неофит приказал им кормить его кореньями и травой, чтобы он не ходил по огородам и не портил овощей пустынных.

Старец духовник Неофит, по отзывам современников, был великий муж пред Богом. День кончины своей он предузнал за 40 дней; прочитал Евангелие и псалтырь, сам вырыл могилу, приобщился Св. Таин, преподал благословение своим ученикам, перекрестился и с миром предал дух свой Господу. Скончался он в 1860 году, имея 106 лет от роду, из коих 88 лет прожил на Афоне.

Старец о. Пахомий – серб († 1870)

Откуда был родом старец Пахомий, кто были его родители, нами не узнано. Будучи серб родом, он, прибыв на Афон, поступил в братство Хилендарского монастыря, достояние сербского народа. По вступлении в число братства, он с усердием выполнял возлагаемые на него послушания и за свою услужливость он всеми был уважаем и любим. По истечении немногого времени, он был пострижен с новым именем Петрония. Здесь с ним был такой случай: проходя обязанность повара и архондаричного на конаке монастырском в Карее, при горячем стремлении к высшей духовной жизни ему представилось, что нет у него искушений и скорбей; между тем слышит, что, «многими скорбями подобает нам внити в царствие небесное». Почему начал он просить неотступно, чтобы Господь послал ему искушения, дабы, живя без них, не потерять ему спасения! Известно, что кто терпит посылаемые искушения, тот увенчается, а кто сам испрашивает, тот показывает или дерзость пред Богом, как будто Господь не знает, что ему нужно и полезно, или же гордость, что он уже силен в борьбе со врагом. Но так как у Петрония не было ни того ни другого, и Господь видел его простоту и желание спастись, то и открыл ему неправильность его прошения, как древле Своим ученикам: – Не веста чесо просита! – Его постигло такое искушение, что при всем своем терпении он возмалодушествовал и возопил к Богу: – Такое ли угодно было Тебе послать на меня искушение? Господи избавь, спаси и помилуй! – И тотчас же освободился от этого искушения.

Несмотря на то, что в Хилендаре тогда было очень небольшое братство да и в Карее было тихо, он тяготился суетливостью и более всего стремился духом к житию безмолвному вдали от всякой суеты. Однако он не знал, есть ли на то воля Божия, тем более, что и от монастырской жизни он видел пользу душевную. В таком недоумении он обратился за советом к одному старцу. Тот посоветовал усердно и неотступно

молиться ко Господу, да Он Сам, имиже весть судьбами, устроит его по Своей воле.

И Господь внял его усердной молитве и исполнил его желание: через 6 лет случилось в монастыре некоторое обстоятельство, которое и дало ему повод удалиться в пустыню. Сами старцы монастырские отпустили его с благословением. О. Петроний устремился в подгорье Афона, и здесь повыше скита Кавсокалива он купил себе келью во имя преп. Афанасия Афонского. Келья эта построена будто бы неким архимандритом сербом. При ней значительная усадьба и скоро разросся сад с плодовыми деревьями и огородной зеленью.

Простота и любвеобилие о. Петрония привлекали к нему всех: иные заходили мимоходом, другие нарочно приходили. Приходившие не беспокоили старца, и не отвлекали его от занятий, но сами приготавливали кушанье из тех запасов, какие находили. Все время приходили гости и все благопотребное Господь посылал.

Проводя такую жизнь, о. Петроний заметил, что заботы о кельи и посетители все-таки отвлекают его от безмолвия, и стал он советоваться с своим духовником, как поступить лучше. Духовник посоветовал ему принять другого брата в качестве ученика и поручить ему заведовать келлией, а самому уединиться, оставив все попечения. В скиту Кавсокаливе жил его соотечественник-серб, о. Иосиф, недавно прибывший; его-то о. Петроний пригласил к себе в ученики, но потом решился передать ему всю келью на правах старца, надеясь, что этим отклонить всех посетителей, т. к. Иосиф был нрава строптивного и необщителен.

В это время о. Петроний решился принять схиму от Иосифа. Поводом к тому было следующее: намереваясь давно принять схиму, о. Петроний увлекся в разбирательство от кого бы из высоких по жизни старцев принять пострижение, и в выборах своих мало на ком останавливался, стремясь мыслью отыскать еще достойнее, еще строже по жизни подвижника! Заметив в себе рог кичения и самомнения старец строго укорил себя и сказал: – Вот он, Иосиф, твой старец; от него прими и постриг! –

Иосиф же был еще не стар годами, а в монашеском деле совсем неопытен. Мысль свою о. Петроний передал духовнику, который одобрил ее, видя, что он решительно заботится об искоренении самолюбивого мудрования.

При пострижении Петроний получил имя Пахомия.

Вступив в подчинение новому старцу, Пахомий по-прежнему возделывал огород и ухаживал за садом, который приносил великое обилие всяких плодов: там росли черешни, вишни, орехи, абрикосы, персики и яблоки, не говоря уже о винограде. Хотя и переменился хозяин кельи, однако посещения прежних знакомых продолжалось, и все они относились не к о. Иосифу, а к о. Пахомию. Это не нравилось о. Иосифу, и он просил духовника устроить, чтобы отстранить Пахомия от всего и заставить совершенно уединиться. Признавая главную причину стечения посетителей роскошный пахомиев сад, Иосиф просил духовника благословить ему истребить его. Духовник, принимая во внимание, как вредно для безмолвствующего посещение многих, и поверив, что тому причина не доброта Пахомия, а сад его, согласился и благословил порубить все фруктовые деревья. И в одно время, раздосадованный пришествием нескольких монахов, Иосиф схватил топор и начал рубить деревья в присутствии пришедших. – Пахомий смотрел безмолвно на странное действие старца. Через некоторое время пришел к ним духовник и, настроенный Иосифом, обращается к Пахомию. – Зачем ты завел такой сад и огород? к чему эти хлопоты, заботы и попечения? это ли безмолвная жизнь? – Старец Пахомий, будучи чист от предполагаемого в нем пристрастия и давно стремясь к жизни отшельнической, сказал: – Отче святой, я ради вас это делал, чтобы было чем утешить вас и других отцов, когда приходите, а для меня ничего этого не нужно; для меня достаточно и пещеры, и, если благословите, я пойду под камень и буду жить там! – Духовник, не долго рассуждая, сказал: – Иди, Бог благословит! – А как старец скажет? – добавил Пахомий, обратясь к Иосифу. Тот, зная, что Пахомий никакого рукоделия не знает заключил, что не больше чем через неделю Пахомий возвратится к нему, отпустил охотно.

Поселясь под камнем, старец Пахомий сделал некоторую пристройку в виде навеса из досок и веток для защиты от непогоды, и взял для себя туда лишь самое необходимое. Такой перелом в своей жизни он принял прямо за призвание его Промыслом Божиим к высшей безмолвной жизни, а потому не только не поскорбел на своего старца, но радовался тому, что так неожиданно он выдвинут на желанное безмолвие.

По началу Пахомий временами приходил к своему старцу и брал иногда по хлебу; а потом, не желая беспокоить его, почти совсем не стал ходить. Это не нравилось Иосифу и, погружаясь более и более в искушение, он однажды предложил духовнику мысль – сжечь пристройку над камнем Пахомия и запретить ему более там жить, и тот сказал: – Что же, сожги! – Между тем Пахомий часто стал удаляться в лес и в скалы под вершиною Афона и погружался там в молитву и богомыслие. Там ничто не нарушало глубокого безмолвия его ума, и он благодарил Господа за свободу. Чтобы не оставаться без внешнего занятия, Пахомий прививал деревья по пространному лесу Афона, делая их из диких садовыми. Иногда он устраивал в лесу под разными деревьями себе шалаши из веток и проживал в них некоторое время, чувствуя вместе с тем какое-то внутреннее побуждение сыскать себе приют, где бы мог поселиться навсегда. – Переходя из пещеры в пещеру, из пустыни в другую, Пахомий наконец обрел необитаемую расселину, вполне соответствовавшую требованиям его духа, куда и перенес вскоре свою чергу (шерстяное косматое одеяло) и другое немногое, что у него было.

Уединясь в эту пещеру, Пахомий главным образом хотел испытать себя: может ли вынести суровость пещерной жизни? Место было самое холодное и сырое, и оно находилось на такой высоте, на которой никто не живет. Если некоторые и поселялись в тех местах, то они ужасно пострадали: кто лишился зубов, у кого вылезли волосы, иные заболели так, что недолго оставались в живых! – Не крепость телесная, но живая вера старца в Промысел Божий укрепила его так, что сырой и холодный воздух той пещеры не вредил ему. В начале он там бывал временами, а потом возвращался снова в свое

прежнее место, где безмолвствовал. Но вот, однажды, Пахомий, возвращаясь в свою калибку, находит ее сгоревшею. Не стал он искать причин и расспрашивать об этом, а, возблагодарив Господа, отправился в пустыню. Тут же он посвятил себя скитальческой жизни. Одежда и обувь его износились, сухарей не было, и он собирал травы и плоды разных растений, и ими питался.

Устраивая для себя в разных местах при каком-либо камне или под деревом временное жилище он, переходя в другое, сожигал их, поступая как преп. Максим Кавсокаливский. Однажды, целое лето он провел на самой вершине Афона.

Живя в гористых местах, он привык с легкостью взбираться и ходить по таким скалам, по которым и серны не могут вскарабкаться. В то время шерстяная черга составляла весь его дом; она служила ему вместо рясы и подрясника; ее он постилал, ею и накрывался!

Старец его Иосиф, после сожжения калибки о. Пахомия, начал в оправдание своих поступков распространять слух, что Пахомий впал в прелесть, и быстро разнеслась молва о том. Но и это послужило в великую пользу старца, ибо его не стал искать никто. О его подвигах и преуспевании знали очень немногие, близкие к нему духовно. Иосиф же, не находя средства возвратить Пахомия в келью, опять прибег к духовнику; но тот не мог в этом случае помочь. Когда он стал вопрошать Пахомия: зачем он скитается в лесах и не живет в кельи? то он отвечал: – Нигде с такою легкостью и удобством не мог я углубиться в умное делание, как в лесах, и нигде не ощущал таких духовных утешений, как там! – Духовник не мог препятствовать тому, чему сам содействовал прежде, посему он повел речь с другой стороны, говоря: – Вот старец твой скорбит и не хочет, чтобы ты жил в лесах и скалах; и многие упрекают его, будто он выгнал тебя! – Выслушав это, старец Пахомий сказал, что теперь он не может уже по кельи ничем заняться, ибо ум его отрешился от всех попечений, – потому, как бесполезного и негодного, просил благословить его жить где придется. При этом он упоминал об устроенной им пещере, надеясь со временем передать духовнику о своем там

жительстве. Духовник не мог возражать, но беспокойный старец Иосиф противился. Тогда Пахомий с кротостью сказал: – Я нахожу для души своей там свободу и утешение; чего же стоит для вас преподать мне одно только ваше благословение? я не ищу от вас ничего другого, а одного вашего благословения. Вы сами прежде говорили, чтобы я безмолвствовал, а теперь вы как будто стали возвращать меня! – Ни духовнику ни старцу ничего нельзя было сказать вопреки простых доводов, и они его отпустили. Как ни старался Иосиф распространять молву, что Пахомий впал в прелесть, однако Господь не попустил продолжиться сему.

Испытавши все степени и лишения пустынной жизни, Пахомий, наконец, поселился в упомянутой пещере. Но нужно было получить еще от духовника благословение на водворение там. Желая, чтобы духовник выслушал его без предубеждения Пахомий стал говорить, что, проживая временами в пещере, не ощущает от этого вреда и пр. и убедил духовника пойти с ним посмотреть ее. На месте духовник соизволил его желанию и благословил водвориться ему тут, но только в виде опыта, а если не сможет жить, то переселиться вниз ближе к морю.

В этой пещере сухо бывает только зимою, когда замедает ее всю снегом. Однажды кто-то снабдил Пахомия одеждою и обувью, и это вместе с немногими книгами бывало тогда только сухими, когда вывешивалось на солнце.

Некоторые из ревнующих подражать его жизни решались проводить у него малое время и пострадали различно: у одного иеромонаха в одну ночь все тело покрылось волдырями, как будто кто осыпал его горохом; другой простудил половину тела с той стороны, которою лежал к стене пещеры; а другие пострадали расстройством желудка.

Проводя жизнь в таких местах где не откуда достать хлеба, Пахомий приучил себя к такой пище, которую редко кто может есть. И всегда он употреблял почти одно и то же: натолчет камнем гнилых каштанов, прибавит, если есть, сухари, положит все это в воду и, заболтав мукою, иногда варит, а то и так, кушает себе на здоровье! Иногда прибавлял дикие сухие плоды, которые никто не станет есть и свежими, и, удивительно, –

оставался здоровым. Был случай, что однажды он пострадал от неких плодов: на 20 дней затворился его желудок, и весь он был как в огне. Ничем не лечился, ничего не ел, не пил, и только один Господь Бог врачевал его. С тех пор природа его как бы переродилась или закалилась как сталь, так что потом он жил безбедно там, где никто другой не может жить и ел такую пищу, какую никто другой не станет употреблять.

(Из воспоминаний об о. Пахомии некоего русского инок): Зимой 1868 года мы вызвали сего богомудрого простеца Пахомия из его затвора, и он с простотою дитяти, исполняя послушание, пришел к нам: мы задержали его целую неделю. Во все это время, каждую ночь мы наперерыв беспокоили старца, каждый желая насладиться его беседой, исполненной нектаром духовным. Зная достоверно, что старец провел 15 лет в непрерывном плаче, мы спросили его о слезах, плоды которых он так обильно совмещал в себе, пришедши в такое незлобие, смиренномудрие и любвеобилие. Старец говорил, что в слезах есть свои степени и большое различие. Плач кающегося и преуспевающего в духовном делании имеет великое различие. Ни память смерти, ни воспоминание прежних своих грехов не производят уже прежнего плача, который свойственен кающемуся и который горько-горек, хотя и не без утешения. Плач совершенного проистекает только от размышления о страданиях Христа и из любви Божией; он производит в душе великую, необъяснимую сладость, которая и питает и согревает дух, возводя его в неизглаголаные созерцания и восхищая ум всецело к Богу. Все подобное бывает не одинаково у всех, а по мере приемлемости, которая в свою очередь есть мера преуспеяния.

Замечательная еще черта в старце Пахомии: он никого не осуждает. В виде испытания, а иногда и по простому течению разговора, приходилось многим вводить слова осуждения; но он никогда не отзывался на это.

В последнее время о. Пахомий не скрывался в лесах, а удалялся только в верхнюю свою пещеру. Так как жизнь старца стала приходить в известность, то стали являться по временам желающие обитать с ним и пользоваться его наставлениями и

руководством. Старец никому не отказывал и отдавал свою пещеру новому ученику, а сам уходил в другую повыше и ни чем не защищенную, в отвесной скале. Пещера эта весьма просторная, так что если бы перегородить ее внутри, то могло бы поместиться до ста человек. Подъем только к ней столь труден, что забираться в нее мог только один о. Пахомий; но и тот взбирался с великим трудом. Когда узнали в Руссике, что о. Пахомий нуждался в веревке по которой удобнее бы можно было взбираться по отвесной скале в пещеру, то снабдили его оной.

(Из записок о. Пантелеймона о посещении старца в 1869 году): В апреле сего года мы нарочно ходили к о. Пахомию. О, как мы утомились, пока достигли его обиталища. К нашему горю мы не застали старца в его нижней пещере; он должен был находиться или в отлучке или в верхней пещере. При взгляде на подъем, я и другие спутники отказались взбираться туда; но вызвался пустынник, наш проводник. Как он взбирался – это нужно видеть. Долго мы дожидались, разместясь в нижней «трехэтажной» пещере, где горела лампадка перед иконой Божией Матери. Пещера высокая и старец сделал в ней помост вроде потолка, который служит полом для второго этажа, а над ним таким же образом устроен и третий. В нижнюю часть пещеры свет входит беспрепятственно, в среднюю он проникает сквозь незагороженный природой свод пещеры, служащий вместо окна с лицевой стороны; верхняя же часть совсем темная.

После долгого ожидания, я стал опасаться за целостность посла и отправился посмотреть, не увижу ли кого? – В это время, ожидаемые нами спускались по скале: старец был впереди и полз уже от места, где кончилась веревка, а проводник наш был еще высоко. Видя труд их, ужас овладел мною, но я начал упрекать старца: – Зачем ты, отче, забрался в такую даль? мы так утомились идя сюда, что сил не стало и едва добрались к тебе! – У старца за плечами была торба; одежда на нем была хоть худенькая, но вполне монашеская; под рясою виднелась ветхая схима, и на камилавке толстого сукна накинута наметка. Постническое лицо его выражало строгость его жизни и

произвело благоговейное впечатление. Приняв вину на себя, старец с сердоболием стал кланяться и просить прощения за утруждение нас. Говорил же он это с такою убедительностью, что уже пожалел о высказанных вольно словах. Когда уже взошли мы в пещеру и разговор переменялся, он снова стал испрашивать прощение: – Аще бы аз ведал, яко вы дошли беша до зде, то аз сам пришел бых до вас, и никакоже попустил бых, да вы трудились толик путь ради меня грешного!

Недавно в этой местности случился ужасный ураган, поваливший много лесу от пещеры о. Пахомия вниз на огромное пространство. Перед самой пещерой стояли 3 вековых дерева, переломленные бурею. Вот что с ними было: к старцу поступил ученик из русских. Старец позволил ему, когда возимеет нужду, греть воду или сварить что-нибудь, и также одеваться в защиту от сырости и холода как и чем может, и дал ему правило соразмерное его силам. И бывало о. Пахомий утешается и благодарит Господа, видя, что ученик его крепко спит, когда сам стоит на молитве! Ученик этот стал просить у старца позволения устроить себе кровать на одном из трех деревьев и там спать. Старец с улыбкой заметил, что это лишнее и что не нужно прибавлять к тому, что есть, тем более, что пещера просторная, – что этот труд будет напрасен, потому что не пройдет и двух недель, деревьев этих может быть не будет. Вскоре после этого наступил какой-то праздник, и старец с учеником отправились на бдение в ближайшую к ним келью. Когда они ушли, то в ту ночь была сильная буря по всему Афону, а при скалах где находится пещера о. Пахомия, ураган разразился во всей силе, пройдя с вершины вниз полосой. Во время страшного стихийного действия, переломило на два аршина от земли и те 3 дерева, и отнесло их саженой на 250. Возвратясь с бдения, старец указал ученику на то место, где стояли 3 дерева перед пещерой, и сказал: – Вот, смотри, и твоя кровать улетела бы вместе с деревьями! – Ученик упал в ноги старцу и просил прощения. Старец говорил, что человеку невозможно было бы остаться живому от одного страха, если бы пришлось кому видеть действие этой страшной бури.

Упомянутый ученик оставил старца и поселился в одном скиту. Причин к его выходу было много, но главная следующая: в то время зимой был на Афоне повсюду большой снег, а местность где находится пещера всегда обилует им по причине своей высоты. Пещера давно была завалена снегом, но когда снега прибавлялось все более и более, то ученик совсем потерял присутствие духа, и решился оставить старца, говоря: – Что будет дальше? задохнемся под снегом и христианского погребения не сподобимся. Его и прежде сильно пугало, когда отторгался где либо с высоты камень и пролетал мимо пещеры с страшным грохотом; пугали также страхования бесовские, но прежде старец его успокаивал и он оставался, а теперь сколько старец ни убеждал, что Господь не попустит им умереть под снегом, ученик уже к старцу потерял веру и, взяв свою торбу, попрощался и вышел из пещеры. Нужно было вылезать на снег и спускаться по склону горы вниз к тропинке, чтобы по ней добраться до жилья; но лишь ученик выбрался на снег, как поскользнулся и покатился кубарем вниз от пещеры. Как ни силился он в это время остановиться, ничего не мог сделать, пока не докатился до деревьев, кои не совсем еще были занесены снегом. До них было около версты. Старец смотрел и молился, чтобы ученик его не ушибся, и только тогда успокоился, когда тот встал на ноги и ему поклонился.

Апреля 30. Когда мы ходили к старцу, снег уже с вершины сбежал, но близ пещеры мы в двух местах переходили овраги по снегу; тоже было в июне: снег обратился в лед и туго таял. В этой пещере старец Пахомий жил неисходно не более трех лет. Всего на Афоне он жил лет 30. Временами стали приходить к нему монахи с произволением остаться у него, и он, не желая никого огорчить отказом, молился Божией Матери, чтобы Она отняла вредность пещерного воздуха и не попустила бы более повредиться никому. И действительно, приходящие не стали уже ощущать вреда. Старец всех принимал с любовью, и намеревался перегородить свою пещеру на несколько отделений и помещать в них приходящих. Между прочим спросили у него: что же принятые им будут делать? рукоделия он никакого не знает, а постоянно в молитве они пребывать еще

не могут. На это старец отвечал, что не только на 10 но и на 100 человек и более он найдет дела, потому что камней на всех достанет, перекадывать их каждую ночь с места на место! После узнали, что старец делал это сам, как и св. отцы, последуя правилу: томлю томящего мя!

Однажды приходит о. Пахомий к духовнику о. Феофилу, который сам проходил подвижническую жизнь, и просит его помолиться о себе, как об одержимом сластолюбием. Как ты заметил в себе сластолюбие? – спросил его духовник. – Да вот, я налил в котелок воды, всыпал туда соли и согрел на огне. Когда потом положил туда сухарей и стал есть, то усладились это во устах моих паче меда и сота. Поэтому боюсь, чтобы не впасть мне в сластолюбие. Помолись, отче, о моем окаянстве. Духовник хотя и знал, что старец кушает мало и редко, подумал: нет ли чего особенного в его приготовлении? Почему для точнейшего дознания о необычайной сладости пахомиевой похлебки, решился сам сварить как ему рассказал старец. Разумеется, что духовник ничего в воде с солью и сухарями не нашел сладостного. Поэтому, когда пришел о. Пахомий, духовник снова стал расспрашивать, как он варит воду. Старец попросил котелок и начал на деле показывать, как он варит воду, подсыпая туда соли; но когда он, добавив еще сухарей, стал есть свою похлебку, то опять она усладились ему «аки манна небесная». Понявши дело, духовник спросил старца: – А давно ты ел? – В воскресенье, – отвечал старец; а была же пятница, когда пришел он к духовнику. Так вот от какой приправы, – с улыбкой заметил духовник, – твоя похлебка делается «паче меда и сота».

Один пустынник спросил старца: – Как ты, отче, поднимаясь на крутую гору и притом с ношею, можешь держать умную молитву? Я и без ноши едва-едва могу держать устную только, потому, что совершенно изнемогаю. Старец отвечал: – Когда поднимаюсь на гору, чем больше утруждаюсь, тем молитва действует тверже и с каждым шагом крепнет так, что раздается в сердце с воплем крепким и силою несказанною. Чем тяжелее несу я ношу на гору, тем легче действует молитва, и я не ощущаю труда.

В последнее время жизни старец Пахомий жил в калибке на Керасях близ кельи Хаджи-Георгия, высоко на взгорье, близ той местности, на которой во времена языческие находился «железный дворец». Перед кончиной старец заболел, у него образовался запор мочи. Он обратился за советом к духовнику о. Иерониму в Руссике: лечиться или нет? Тот дал ему такой совет: – если можешь терпеть, терпи; если не можешь, лечись. Буду терпеть, – решил старец. Болезнь очень усилилась, и другого исхода от нее нельзя было и ожидать, как только смерти, – старец к этому и стал готовиться. Кончина была самая преподобническая. Отпевание было совершено в кельи о. Хаджи-Георгия. Скончался старец Пахомий в день Св. Духа 1870-го года.

Старец о. Дионисий – грек († 1880)

На Керасях в кельи свв. апостолов жил юродивый монах о. Дионисий, родом грек. Он родился в 1814 г. и на Св. Гору прибыл в 1842 г. и сначала поступил в Кавсокаливский скит к старцу о. Никифору, у которого жил и другой ученик, монах о. Парфений, пострадавший от строгости старца расстройством здоровья, после чего у него образовалось что-то в роде чахотки. Вследствие этого, с благословением старца, Парфений купил себе келью св. великомученика Георгия и переселился туда, взявши с собою Дионисия, и там постриг его. С ним Дионисий прожил лет 14, а потом купил себе келью свв. апостолов на Керасях, где жил лет 20 в таком убожестве, как последний бедняк.

Малая церковь, как и жилое помещение были бедны в полном смысле слова. Неизвестно где он покупал масло для лампад, потому что купить его ему было не на что, тем более, что только незадолго до смерти он стал принимать подавание, а прежде ни от кого ничего не брал. Вот один из примеров его нестяжательности: Один человек случайно встретил о. Дионисия вдали от жилища, и из сострадания дал старцу турецкую монету. Испугался нестяжательный старец данной ему монеты до того, что разыскал этого человека и возвратил ему назад монету, говоря: – На что ты мне дал ее? Одежда на мне есть, хлеб имею – на что она мне? Видно, что о. Дионисий крайне тяготился в помысле от принятия монеты, но его уговорили принять ее на масло для церкви. Приняв монету, старец посидел некоторое время углубившись в самого себя и вдруг, положив ее на землю, встал и поспешно ушел. Сокровенная жизнь его была вся в Боге, Который и имел о нем попечение, как о верном рабе Своем.

При его кельи была усадьба с виноградником и фруктовыми деревьями, о которых, как и о самой кельи, он совершенно не заботился, и так запустил, что они заросли бурьяном. Но такое небрежение, хотя и было допущено им с целью всецелого углубления в богомыслие и молитву, послужило ему великим

искушением: много раз Лавра напоминала ему, чтобы он заботился о своей кельи, но он не обращал на это внимания. Наконец Лавра стала угрожать, что она выгонит его, если он не поправит разваливающиеся стены и не будет возделывать свой сад. Некоторые проэстосы знали и почитали старца, как подвижника, и удерживали других от насилия над ним. Вскоре старец перестал отказываться от подаяний.

Старец творил умную молитву, прикрывая это разными странностями, стараясь убедить других, что он человек потерянный – прельщенный. Очень с немногими он вступал в беседу, в которой открывалась глубокая его мудрость и опытность в духовной жизни. Для прочих он заводил такой разговор, что не знающий легко мог счесть его за помешанного.

Старец говорил: – Ныне монахи только искушениями спасаются, потому что нет добродетели; а претерпевающие искушения будут с прежними отцами, много подвизавшимися. Довольно того, чтобы претерпеть искушения, ибо если без ропота они переносятся, то это то же, что и молитва. – Дьявол искушает нас не столько, сколько хочет, а сколько будет попущено Богом. В своих кознях враг старается сделать человека, чтобы он не понимал себя, или внушает ему безнадежность и отчаяние, или же наносит ему помыслы гордости и самомнения о мнимой своей святости. Его лукавства и хитрости многое множество. На желающих спастись он бросается как бешенная собака. Я ему сказал: – дьяволе, делай со мной что хочешь; но не может ничего сделать: я имею духовника и причащаюсь Св. Таин, то успеет ли он что в своих кознях?

– Разве и в уединении бывают искушения, и разве ты испытал что особое, живя здесь?

– О, сколько навел на меня искушения враг, и какое множество его козней! Много я испытал в разных местах, но решился терпеть на одном месте, зная что искушений не избежишь нигде. Если хочешь, чтобы враг не борол тебя, то пей, ешь, спи и делай все ему удобное: тогда он не принесет ни искушений ни скорбей. Это подобно тому, как если собака сидит и никто ее не трогает – то она спокойна; но если кто тронет, то

она бросится, чтобы укусить. – Нужно иметь опытного духовника и советника, к которому имеешь благоговение, потому что в этом заключается смирение!

Однажды в Вел. Пятницу собрались в одну келью разные пустынные отцы совершить бдение. Двое из пришедших заблаговременно, поместились в притворе в формах. Было уже темно, но они заметили, что в углу кто-то стоит и подошли тихонько посмотреть. Это был старец Дионисий и он находился в восхищении ума к Богу, когда тело бывает как бы бездушно. Познавши кто это, один спросил другого: – Видал ты этого юродивого? – Видал, смотри где он теперь! – И без глубокого благоговения они не могли смотреть на святого старца, понимая, куда вознесена душа его от действия умно-сердечной молитвы. Долго о. Дионисий не ощущал находящихся близ него людей; а когда пришел в себя и заметил их, то начал делать некоторые обычные ему странности, чтобы сочли его за прельщенного.

Скончался старец о. Дионисий в 1880 году.

Старец о. Иларион – грек († 1880)

О. Иларион в 1849 году поступил в монастырь преп. Саввы Освященного, что близ Иерусалима, где жил 4 года и принял постриг в рясофор; а потом он жил в самом Иерусалиме до 1857 года. В этом году он приехал на Афон, где сначала около года прожил в Кутлумушском монастыре. Он искал себе опытного старца. Отсюда он перешел в скит Малой Анны, в келью старца Харитона; но с ним он прожил немного и ушел в скит св. Василия. Отсюда он опять переселился в скит Малой Анны в калибу, отыскивая во все это время старца-руководителя. – По усердной его молитве Господь даровал ему такового в лице старца Герасима, жившего тогда на Катунаках. О. Герасима он просил облечь его в схиму и принять под свое руководство. Старец исполнил его желание, и о. Иларион тогда перешел опять жить в калибку в скиту св. Василия и оставался здесь 10 лет.

Однажды, посетившие о. Илариона соседи спросили: – какие места находит он лучше: здесь или в Иерусалиме? Старец отвечал: – По моей немощи тут лучше, потому что где у кого нет устройства, там место хранит человека; а устроенный человек может и там жить и быть примером для других.

Здесь места, конечно, для безмолвия лучше, хотя и труд большой. Помолитесь Христу, чтобы я мог положить начало благое!

Когда еще спросили у старца: – Что, отче, не соскучился ли ты живя здесь, и не стесняешься ли? – Старец посмотрел на посетителей серьезно и с удивлением сказал: – Когда необходимая настает нужда выходить мне из калибки, тогда точно скучаю и стесняюсь! – А лень, отче, не нападает ли на тебя?

– Качая головою, старец сказал: – Это – тиранка, мучительница!

Пытаясь вызвать старца на беседу посетители спросили: – Отче, когда нападает страшная скорбь, которая не допускает

даже бороться, и человек в то время находится совсем как погибающий – чем ты себя тогда утешаешь, находясь один?

– Отвергаюсь всякой надежды человеческой, какая только может быть в сем мире, и, сосредоточившись, обращаюсь к Богу с печалью, – и утешает тогда Бог. Живя один, человек борется со всеми страстями!

Из разговора о жизни тамошних пустынников сделалось известным, что живущие в одной пустыни по разным калибкам всегда имеют особенное единодушие и любовь.

Однажды один из соседей, зайдя к старцу о. Илариону, усердно просил старца не забывать его в своих молитвах, так как в то время он находился под тяжестью многих искушений, о чем отчасти знал старец, который отвечал ему:

– Если бы не было добродетели, то не было бы такого искушения; а так как есть добродетель, то и всегда должна последовать за нею скорбь, – иначе невозможно!

В последнее время жизни о. Илариона он перешел на жительство на Капсал по причине упадка сил телесных, и там он скончался в 1880 году.

Старец о. Варнава – куцо-влах († 1905)

Старец о. Варнава, родом куцо-влах, родился в 1829 году. Не находя покоя душевного в мире, он оставил его еще в молодых летах и отправился в тихое пристанище спасения – во Святую Гору. Здесь он поступил к старцу о. Нафанаилу, великому и знаменитому подвижнику, жившему в скиту св. Василия, с которым он прожил довольно лет. По кончине старца своего, о. Варнава остался один в этой калибке и уже лет 40 после него прожил, подвизаясь в умной молитве.

Однажды посетил старца русский монах с проводником своим. Ходя по старцам они пришли в скит уже по закате солнца, а до скита св. Анны оставалось еще часа полтора пути, почему принуждены были остановиться тут, но переночевать было не у кого, чтобы самого хозяина не выгнать из кельи. В это время о. Варнава шел от соседа к себе и, узнав их нужду, с такою любовью предложил свою калибку, что нельзя было не тронуться его искренностью. Русский инок вспоминал потом: – Не надивлюсь я той любви и усердию, какие выражались в о. Варнаве. Он не только не стеснялся, но и радовался от души.

При входе в калибку проводник мой предупредил меня обратить внимание на скамейку, употребляемую старцем для умной молитвы, и плетку, которою наказывал себя покойный старец о. Нафанаил. Не имея достаточно времени для беседы с о. Иларионом, к которому мы зашли по пути, мы просили позвать его. Старец пошел за ним; а так как у него не в чем было согреть воды, то он и сбегал к соседу и принес сосуд. Мы не запаслись ни чем кроме чая, а потому попросили у старца: нет ли у него чего покушать? Он извинился, что, никуда не ходя по болезни почти год, он не имеет запаса сухарей, и показал остатки горелых корок. Но тут же вспомнил, что когда он был в монастыре св. Павла, один монах дал ему просфору и хлеб, который он засушил и они хранятся у него наверху. Тотчас он достал их, и мы поели. О. Варнава сел у порога, а о. Иларион едва согласился сесть около нас. Между прочим мы спросили старцев: какого делания словесного или телесного должен

держаться человек, на котором мог бы основываться, и было бы известно, что он преуспевает? О. Варнава отвечал: – Исполнения заповедей Господних по Евангелию. На это я заметил примером двух прельщенных недалеко живущих, сказав: Да ведь их исполняют гораздо более нас Пахомий на Каруле и Арсений тут недалеко, а плода не видно. О. Варнава отвечал: – Не по разуму исполняют их. При этом старец о. Иларион покачал головой, но промолчал. Обратившись к нему, мы спросили: – Ты, отче, что скажешь? Старец отвечал медленно и неохотно: – Что говорить? Я еще не сделался словесным человеком, как христианином назовусь? Затем я сказал: – я не могу без утешения жить в пустыне. – Сколько можно оставить, оставьте телесные утешения, и Бог поможет, – заметил о. Варнава. Я обратился к о. Илариону: – Ты, отче, что скажешь? – Что мне говорить кроме того, что говорили до меня: да отлучится человек от утешения телесного и от всего мира, а за этим скоро последует познание грехов своих; и тогда уже человек приходит в то состояние, что припадает пред Богом со скорбью, и Господь скоро призывает на него.

О. Варнава сказал: Для какой цели мы пришли на Афон, как не для одного только спасения? В монастыре, – говорили мы, борются только с людьми, а в пустыне ведь с бесами. О. Варнава отвечал: – Об этом мы недавно говорили с о. Иларионом, что диавол нападает на человека как лев; с такой грозной силой, чтобы мгновенно проглотит его, но подвизающийся в страхе Божиим делает его немощным как мурашку, так что, видя такого человека издали, он трясется.

Затем перешли к разговору об его старце о. Нафанаиле. Старец о. Нафанаил поступил в монастырь св. Павла и жил там более десяти лет. Будучи антипросопом и заседаая в Киноте, он подвергся разным искушениям. Так например: однажды, находясь в Кутлумушском монастыре с другими антипросопами, он подписался под одной бумагой к турецкому паше в Солуне, в которой члены св. Кинота, из пустой любезности, обещались молиться за пашу. Глубокое раскаяние овладело им, и он хотел, если уже не воспрепятствовать совсем такому посланию, то хоть изгладить свое имя. Когда он сказал об этом, то прочие

антипросопы стали смеяться над ним; но когда он высказался решительно, то поспешили послать человека с бумагою в Солунь, а о. Нафанаила задержали в Кутлумуше, успокаивая его, а между тем ворота заперли. Раскаяние, однако, овладело о. Нафанаилом так, что он вышел с тем, чтобы догнать посланного. Увидав ворота запертыми железными запорами, он разбил их, имея от природы громадную силу. На границе Афона он догнал посланника, взял у него бумагу, как имеющий власть, и вычеркнул свое имя.

Оттуда он уже не возвратился на свое место, но, презрев все, ушел в пустыню и поселился в калибке в скиту св. Василия, в которой прожил 15 лет. Всего на Афоне он жил около 25-ти лет, и скончался в октябре 1864-го года.

Подвиги о. Нафанаила после предшествовавшей привольной жизни были невероятны. Окаявая свое прошлое, он проводил время в слезах, клал по 3000 поклонов в день и ел будто бы только по одному куску сухого хлеба раз в неделю. Нередко ночью, вероятно при появлении какого-нибудь помысла о пище или о невыносимости пустынной жизни, он сек себя плеткою, сохранившеюся доселе у о. Варнавы. Бывало на вопрос ученика: Что это за хлестание такое было ночью? старец отвечал: – Это я постучал, чтобы ты не спал.

Монастырь доставлял ему все нужное и почитал его за святого, что известно было и самому о. Нафанаилу. Долго и горячо он молился, чтобы Господь послал ему опытного руководителя, и как-то он узнал об одном духовном старце, пошел к нему и при разговоре познал, что старец этот тот самый, о котором он просил. Он ему открыл свою душу и предался ему так, что если бы старец послал его на смерть – он бы с радостью пошел.

Прежде всего, старец дал ему заповедь сходить в монастырь св. Павла, где считают его за святого и разубедить их в этом так: пойти в общую трапезу и попросить двойную порцию пищи и вина. Несмотря на сжатость внутренностей от чрезмерного поста, Нафанаил исполнял это в течении целой недели. Братия стали перешептываться, а к концу недели утвердительно заговорили между собою, что о. Нафанаил в

прелести! Узнав это, он возвратился к старцу и рассказал ему все. Тогда старец сказал: – Вот теперь хорошо. Иди в свою калибку и делай так, – и тут он преподавал ему правила и посвятил в делание умно-сердечной молитвы, в которой он достиг высокой степени духовного преуспеяния.

Скажем здесь немного о бывавших тогда у них бдениях: Приходили они днем в субботу, потрапезуют вместе и побеседуют: Иоасаф, Неофит, Нафанаил и сам старец, и начнут бдение, которое совершали по уставу безмолвия – в умной молитве. Проведя ночь в этом, каждый получал благодатные плоды по мере своей.

После обычного начала они садились на скамеечки и пребывали в молитве пока солнце взойдет; тогда кончали пением «Честнейшую» и славословием. Опять старец готовил одно кушанье и с благодарением ко Господу расходились до следующей субботы. Позже, бывало, когда сам о. Нафанаил стал старцем, он совершал такие бдения с учеником Варнавою, с о. Герасимом и Иларионом.

Однажды, читали до шестопсалмия; потом Герасим спросил у Нафанаила: – Как теперь будем продолжать: читать ли будем или займемся молитвой? – Старец, имея блаженное устройство предоставлять избрание брату, отвечал: – Как хотите! – Тогда выбрали молитву. Потушили светильник и начали. Все сидели по местам в церкви и упражнялись. Каждого Господь утешал по мере его трудов и возраста духовного. Вдруг старец Нафанаил в слух воскликнул: – Пресвятая Троице, помогай мне! – после чего опять наступила тишина. Когда настало время кончать бдение, все кроме о. Нафанаила поднялись с мест, произведя шум, кашлянули чтобы поднимался и старец. Наконец сказали: – Отче, пора кончать! – но старец не вставал и, видно, не слышал ничего. Подождав немного, они зажгли светильник и подняли колпачок, чтобы, увидав огонь, старец поднялся, но о. Нафанаил не слышал. Он весь был там, где бывает дух людей восходящих на степень, описанную у св. Каллиста. Старец Герасим и другие, поняв это, умолкли. Рассвело – прошел еще час, и старец сделал движение; тогда все поднялись и кончили бдение.

Ученик о. Нафанаила, Варнава, многократно видал старца в этом состоянии.

Старец о. Варнава скончался в 1905 году во время страшного землетрясения, когда большой камень упал на его калибку и задавил старца, лежавшего на одре своем.

Старец о. Неофит – грек († 1886)

Старец о. Неофит родом грек; на Афон он прибыл во время греческого восстания, имея от роду 21 год; но, узнав, что турки здесь забирают молодых людей, уехал с Афона и поступил в монастырь Преображения на Метеорах, где жил 10 лет и принял постриг в мантию. В 1832-ом году, когда утихли мятежи, он возвратился на Афон и поселился в скиту св. Василия, где прожил лет 5. Потом ушел и жил в скиту Кавсокаливе лет 5 да еще где-то лет 6, а потом до самой смерти своей, почти 40 лет, жил на Катунаках. Тут он сам выстроил калибку в одну комнату, а потом в другом месте другую побольше келью и церковь Успения Божией Матери. Тогда там никого не было, – после уже стали населяться те местности. Потом он принял ученика болгарина, Игнатия, который прожил с ним 35 лет, и был, по воле старца, рукоположен в иеромонаха.

Старец о. Неофит говорил: Вот и я трудился и день и ночь по усердию к церкви, чтобы устроить ее и сделать при ней обитель для тех, кто возжелал бы здесь жить после меня. На вопрос о скуке в пустыне старец отвечал, – когда кто привыкнет жить в уединении и услаждается безмолвием, то и человека не хочет видеть. Человек, что бы не делал, все должен делать не ради людей, а только ради Бога, потому что Бог от нас хочет, чтобы мы или пот проливали ради Него или слезы каждый день. Я жил около 15-ти лет один в этой пустыне – тут никого не было, везде рос лес и бурьян, а теперь вот сколько населилось здесь, и я теперь как в клетке. Тут у меня церковь, и все лепятся около нее.

В разговоре коснулись искушений и сказали: – Если человек не будет иметь внутри особенной благодати утешения, то не может стерпеть все это. Старец отвечал: – Надо иметь постоянное самоукорение и видеть всех святыми, а себя грешнее всех в полном смысле слова, и тогда благодать утешит душу. Если бы можно было представить человека самого худейшего и мерзостнейшего, то не только нельзя считать себя

лучшим его, но считать себя недостойным лобызать ноги его. Бог ничего другого так не хочет от нас, как смирения.

На замечание, что помыслы сообразно состоянию человека могут противоречить, они могут быть... Старец не дал договорить и отвечал: – Смотри на небо; набегут облака, закроют солнце; но пролетят, и солнце опять светит и небо чисто.

Перейдя к беседе об общежитии, старец сказал: – В общежитии легко можно спастись, только нужно оставить всю свою волю. Ему сказали, что это весьма трудно, тем более, что люди, при многолюдстве монастыря, разноравные, да и самолюбие не допускает до такого самоотвержения. Старец отвечал: – Если бы мы хранили пред глазами своими как зеницу ока будущее воздаяние и, что будет при и по смерти, то не только оскорбления словом или иначе как, но если бы и наложили на нас тяжкую ношу и били палками, чтобы несли не упираясь, то и тогда мы с охотою и радостью терпели бы, как терпели святые мученики мечи, колеса, огонь и разные муки, и как терпели преподобные отцы. Все они имели это пред глазами и терпели. Но возможно ли это, – спросили старца, – при наших нестроениях? Он отвечал: – Вдруг это невозможно, и также если человек не отрешится всего здешнего; но если мы и немощны, каждый день должны подвизаться к сему устроению. Все преподобные и мученики подвизались ко всему благому, и не стояли на одном месте. Монашеская жизнь окружена искушениями: бесы как звери бросаются на человека. Один авва молился, дабы Господь явил ему бесов; но Господь не благоволил. Авва опять молился и тут он увидел их летающих и роящихся около людей, как пчелы около улья. Кто делает добро, да не убоится его искушений; нужно не внимать внушениям вражиим, а их презирать; не смотреть около себя, а вперед подобно плавающему, который смотрит не под себя, а где ему высадиться на берег. В отечнике об одном авве сказано, что пошел он с кувшином за водою и пал в грех. На возвратном пути враг влагал ему в ум отчаяние, внушая: куда ты идешь теперь и зачем? Нет тебе спасения, ступай в мир, но авва отвечал: ты, диавол, это сделал, а я ничего не сделал, и придя

в калибку, начал свое обычное дело, как ни в чем не бывало. Тогда Господь открыл одному пустыннику, что такой-то инок пал и восстал. Тот пошел и спросил его, что с ним случилось. Авва рассказал все. Тогда пришедший сказал: Твое рассуждение наступило на главу диавола.

Другому подвижнику враг говорил: – Что ты молишься?

Ты в ад пойдешь. Тот отвечал: – Если и в ад пойду, то и там увижу тебя под моими ногами.

Недели за 3 до кончины своей, старец Неофит слег в постель от слабости. 17-го декабря о. Игнатий вдруг услышал, что старец тяжело дышит, как бы от сильного утомления: – Ах, ах! – Что ты, старец? – Ах, как я утомился; я был в Константинополе у Хаджи-Георгия и издали видел султанский дворец. Потом старец стал плакать: – Ах, помер Георгий! О. Игнатий, утешая его, а вместе и предостерегая на случай обмана от диавола, стал говорить ему, что он только что получил телеграмму, что Хаджи-Георгий еще жив. Старец поверил и успокоился, сказав: – Ах, враг меня обманул.

Через 3 дня после этого, старец Неофит мирно отошел ко Господу. Потом было получено известие, что Хаджи-Георгий скончался именно в тот день, когда старец о. Неофит получил о том извещение.

Старец о. Харитон – грек († 1878)

Ниже кельи старца о. Неофита, на крутом склоне есть калибка, где долгое время жил славный старец о. Харитон, родом грек. В 1827 году, на 25 году жизни, он прибыл на Афон, и здесь на одной кельи он принял постриг в рясофор с именем Христодул. Потом он поступил в Руссик, где с именем Христофор был пострижен в мантию; но тут он прожил только около трех лет. Тогда монастырь не имел рабочих, и сами монахи исполняли все тяжелые работы, почему жить там многим было не по силам. Христофор перешел в Дохиарский монастырь, где он прожил 17 лет и принял схиму с именем Харитона.

Прочитав за это время много святоотеческих книг, он увидал, что многого недостает у него к тому, чтобы назваться монахом. Благодать Божия коснулась его сердца и призвала на подвиг высшей духовной жизни. Почувствовав влечение к безмолвию, он вышел из Дохиара и поселился в Ксенофском скиту, где прожил 3 года; но потом, усмотрев там неудобства к достижению своей цели, он перешел в скит Малой Анны, где поселился в малой калибке и прожил там 9 лет, после чего он избрал себе место на Катунаках на голой скале, где и начал своими руками устраивать калибку. Долго он трудился, не оставляя в то же время поста. О труде может судить каждый, взглянув на какой страшной отвесной скале, он устроил свое жилище. Кушал он в это время по одной луковице и немного хлеба с малым количеством соли и воды, но так как необходимо было купить для калибки лес, известь и проч., то у старца скоро истощились все средства, какие он имел по выходе из Дохеара и он остался ни с чем. Спал он только часа 2 в сутки, а бдения совершал каждую ночь. В этой калибке он прожил лет 20, до своей кончины, без всякого обеспечения и без средств.

Слыша о благодеяниях пустынникам духовника о. Иеронима в Руссике, он 2 раза ходил туда чтобы раскрыть пред ним свое затруднительное положение; но там по некоторым обстоятельствам он не мог получить просимой милостыни.

Старец Харитон говорил: – Когда я жил в монастыре, то знал, что уничтожение приносит пользу, а потому терпел всякое поправление. Трудно все передать, как попирали меня там; но зато я привык все терпеть, и всегда приготавливался переносить все, что бы ни встретилось!

Старец Харитон был духовный муж: беседа его бывала умирительно трогательная. Однажды, пожелавшие посетить старца пришли к нему еще до восхода солнца, и застали его, когда он только что окончил свое бдение. Лицо старца сияло каким-то невыразимым светом, и он преисполнен был благодати.

Старец говорил: – Здесь тишина невозмутимая. Для тела точно болезненно терпеть лишения пустынной жизни, а душу радует Сам Господь!

Между прочим он сказал как должно молиться принимающим милостыню за благотворителей: однажды в 1869 году двое монахов помогли ему без просьбы с его стороны. Старец отблагодарил за это благодеяние, полагая за них по 1500 поклонов, и это правило он держал долго. – Мы не должны туне пользоваться милостынею, но по силе нашей должны соответствовать ей. Духовное делание никак не может совмещаться с людьми, потому что враг находит удобные причины в среде людей и чем-нибудь низлагает человека, и разоряет иногда долговременное его делание. Между людьми большею частью теряется духовное устройство и даже сама цель монашества. В пустыне враг не может, при руководителе, подействовать на человека. Я знаю людей тут на Катунках, которые каждодневно кладут по 2000 поклонов и постятся до 40 дней, вкушая мало хлеба!

Ему заметили, что ведь такие подвиги могут вынести только крепкие; но ведь и немощные есть, которые возвышаются посредством умного делания и чрез то достигают высочайших дарований. – Да, есть люди, – сказал старец, – они постоянно находятся в умилении сердца, и ум их постоянно погружен в созерцание. Что в писаниях св. отцов сказано, все это, я знаю людей, они исполняют и теперь. Как авва Арсений стоял по

целым ночам, так и теперь есть такие; но это по благодати Божией, а сам человек не может этого делать!

Так как старец около кельи поделал высокие и стройные бизюли, искусно устроая их над пропастью, чему удивлялись выдавшие этот великий труд, то мы спросили: – Не отвлекало ли его это тяжелое дело от умного делания? Он отвечал, что каждый положенный им камень освящен молитвенными слезами.

Когда разговор перешел к искушениям, старец сказал: – Господь поступает с нами как отец с сыном. Не бойтесь отцы – есть между нами люди на Святой Горе, которые постоянно находятся в покаянии пред Богом, и этим покаянием привлекают милость Божию. Не бойтесь. Если кому пришлось искувиться от искушителя, без этого нельзя, потому что мы в брани, в подвиге; но да не боимся. Искренно желающий спастись и промыслительно подвергающийся искушениям не останется в своих бедах. Господь попускает на нас искушения до самой смерти, ради пользы душ наших. Я со стороны вижу, как по монастырям братия мучаются. Они мзду свою не видят, а мне видно; только да терпят, и получают мзду. Плохо только если кто возвратится в мир на прежнюю жизнь. – Терпение надо во всех находящих искушениях. Господь посылает по силе, и если большое искушение, то большую подает силу терпеть. – Наша пустынная жизнь – совершенное мученичество, которое самопроизвольно претерпевают хотящие последовать Христу по слову Его: и суть скопцы, иже сами себе исказиша царствия ради небесного. – При исполнении заповедей Христовых бывают искушения, которыми Господь испытывает нашу любовь!

Для утверждения нас в терпении старец рассказал происшедшей с ним случай. – Однажды, позвал его один сосед помочь при кладке камня. Ради любви старец Харитон пошел. Там был еще один человек не в своем уме. Нужно было долбить дыру в камне, и старец сказал державшему молот: погоди немного, пока сам направлял долото, как тот со всего размаха ударил молотом по руке старца и размозжил палец. Сорок дней страдал он, не находя места от страшной боли; и при этом

послужить ему было некому: сам должен был одною рукою месить и печь хлеба, которые потом нужно было разрезать и сушить на сухари. Один Господь весть, как было ему трудно. рассказав это старец продолжал: – Желаящий спастись пусть не боится искушений, потому что Господь знает, сколько мы вмещаем; только мы должны предаться Ему так: Господи, делай со мною как знаешь – воля Твоя во всем да будет! – ибо Господь требует от нас одного смирения и чтобы терпели находящие на нас искушения с благодарением!

Коснулись и любви, и старец сказал: – Всякое богатство, покой и радость мира сего ничего не стоят против любви Божией. Если бы все печали нашли на имеющего любовь Божию, он продолжал бы радоваться в них. Так радовались св. мученики и все преподобные отцы, терпя мучения и всякие злострдания!

Мы спросили, что нам делать с искушениями? – Старец отвечал: – Внимание надо большое. Я тут один живу, и как диавол бросается на меня; но он ничего не может сделать, потому что я берегусь, внимаю себе и не делаю зла против брата, через которого враг борет меня, ибо из отечников научился, что нужно терпеть. Когда в начале я на Афон пришел еще молодым, я хотел пойти в пустыню; но духовники посоветовали прежде поступить в общежитие, а потом уже в пустыню. И я так и сделал. Поступил в монастырь, днем исполнял послушание, а ночью читал отеческие книги. Со временем я понял, что дело не так... и удалился от людей. Тут я увидел диавольское действие, какие козни он устроит. Так и вы: пользуйтесь временем по слову Апостола: Искупуяще время, яко дни лукавы суть! – Если вы видите, что в монастыре с людьми не исправляетесь, то удалитесь в пустыню и поучайтесь святыми писаниями, и так обрящете путь. – Впрочем, можно и в общежитии удалиться от людей: не заводите приятельств, сходов и бесед. При обращении с многими необходимо упражняться в чтении, тем более что диавол воздвигает соблазны через людей. Внимание нужно! Диавол прежде приносит прилог, потом склоняет, чтобы мы согласились, а нам нужно всячески стараться не склоняться на

исполнение того. Пусть он лает; а от молитвы Иисусовой тотчас убегает. – Когда размышляешь о своих грехах и что вот уже стар, скоро умру, Господь будет меня судить, – тогда враг со всеми своими прилогами не может стоять. – Я знаю монастырскую жизнь, почему печалю о вас. Я тут имел многие брани, но теперь привык, и они не кажутся мне подвигом. – Знайте, отцы, что мы имеем брань не простую, но с диаволом, который от зависти воюет на людей, желающих спастись. Надо держать в сердце молитву!

Мы ему сказали, какое понятие имеют в монастырях о пустынниках, – как о лесных зверях. Это правда, – заметил старец, – но только я скажу вам: – это поступающие прямо из мира, не бывшие ни в монастыре, ни под старцем. Они молодые и неопытные, страсти в них остаются, какие были. Они часто ходят по монастырям, портят свое безмолвие и навлекают соблазн и нареkanie на пустынников. Теперь восьмая тысяча, и духовные пастыри разленились и нерадят об овцах. Мы, отцы, живем в восьмой тысяче, и нам нужно большое внимание, а силу брать из чтения отеческих книг.

В это время он читал Добротолюбие и очень восхвалял его, говоря: – Что за книга, это уста Христовы. Теперь подвижающиеся боятся сказать слово Божие, так как люди немощны и от недостатка рассуждения повреждаются. Хорошо в свое время уединиться и уйти от людей и, при воздержании в телесном, читать писания и вникать в них с помощью Божией. Без всестороннего, разумного воздержания не может очиститься ум. Святые отцы ели хлеб и пили воду.

Переходы с места на место расстраивают мир внутренний, а без него добродетели невозможно приобрести и сохранить. Мы оставили уставы святых отцов и поэтому потеряли из виду смысл и значение монашества. Мы для того оставили мирскую жизнь, чтобы оставить лукавство и переменить себя, чтобы не потерять спасения. Смешение мирское, круговорот и всякое безобразное обращение с другими, включает в себе ад. Мы должны помнить, зачем пришли, и исполнять то, что нам должно. И не надо бояться врага, пусть он делает свое, а мы будем делать свое. Мы говорили старцу, что не исполняем

своих обязанностей в отношении к Богу, ближним и своему званию. Старец сказал: – Не исполняем, так смиримся в помыслах пред Богом. Так делали преп. Антоний и прочие, так будем делать и мы со смирением; а если не можем, то тем больше да смиримся. Св. Давид сказал: Смирихся и спасе мя Господь. В месте, в каком находитесь сохраняйте монашество, свое правило исполняйте и читайте божественные книги. Итак, потихоньку упражняясь в этом, будет согреваться сердце, и приходить благодать Божия. Когда человек имеет страсти, то совесть обличает их. Нужно терпение, потому что, когда совесть обличает, то человек смиряется, и тогда совесть укажет, что надо делать; от сердца услышите это. Вот я был в разных послушаниях и хлопотал усердно, но так как читал божественные писания, то и понял, что надобно что-то другое; и постоянно упражнялся в этом. Я услышал тогда от сердца, что нужно делать, и вот перешел сюда, и, слава Богу, хорошо. Теперь совесть, которая прежде обличала, превратилась в радость. Постоянно радуюсь. Теперь не чувствую насыщения в чтении божественного писания, и как бы медом питаюсь.

Скажу вам пример: Когда человек делает какой-нибудь грех, то этот грех огорчает его внутри; а когда приведет в порядок жизнь свою и исправно будет жить, то постоянно радуется, потому что он имеет дерзновение ко Христу. Как грех огорчает, так добродетель услаждает. Что более сказать? Заповеди храните, любите ближнего, хотя бы он уничижал и укорял; злоделателю платите добром, потому что Спаситель сказал нам: Аще кто ударит тя в десную ланиту, обрати ему другую. В этом смирение. Еще: благословляйте кленущия вы, добро творите ненавидящим вас и проч. И так понемножку приходит благодать Божия и просвещает человека.

На слова старца мы заметили ему, что за зло, творимое нам, хочется отомстить. Старец ответил: – И зло сделаешь, и оскорбившего не исправишь; он еще более будет злобиться. А если будем терпеть и благодетельствовать ему, он, после, увидавши добродетель нашу, исправится. Если злому человеку заметишь укорительное или жестокое слово, он еще злее сделается, еще ожесточеннее станет. Только тем, кои

благоевнейны, можно сказать слово – они исправятся. Смотрите: Христос виноват был или согрешил? Евреи Его изгоняли, и Он их исцелял. Терпел от неразумных рабов и благодетельствовал им. Такой завет оставил Спаситель и нам. Также и Апостолы: их заключали в темницу, били, тиранили, а они исцеляли у них страждущих. Подобно и святые Отцы и старцы наши: им завидовали, их поносили и оскорбляли, и необходимые вещи у них крали, а они терпели. Так например преп. Макарий, заставши разбойников, крадущих его вещи, показался как чужой и помогал им накладывать их.

Монаху должно удалиться от политики и уклониться от всех слухов и дознаний, потому что через то падает он в искушение.

Что сказал преп. Антоний? Уже не боюсь Бога, но люблю Его, и я то чувствую теперь в себе. Это и другие так чувствовали, потому что исполняли заповеди Его.

(Из другой беседы с старцем Харитоном): По приходе нашем, старец спросил: – Как поживаете? – Мы ответили, что телесно хорошо, а душою болим! – на это старец сказал: – Кто хорошо пребывает телесно, тот и душевно; потому что, когда тело находится в хорошем состоянии, то человек благодарит Господа, что Он, Милосердый, так устроил его, успокоил его и даровал мир!

Мы просили пояснить, и старец в ответ продолжал: – Между людьми пребывая невозможно вникнуть в духовное дело, так как при общении и встречах возникают нередко смуты, несогласия, как пальцы находятся в сцеплении. Это подобно воде, которая стоит чистою, но когда пойдет дождь, то возмутится, – так и ум человеческий между людьми; но желающий спастись, или любящий свое спасение, все собирает свой ум и молится: Господи Иисусе Христе, Ты видишь, какие восстали на меня искушения, и в каких бедах нахожусь. Со всех сторон я окружен всеми искушениями и погружен в них. Милостию Твоею изведи меня от них и устрой все на пользу! Надо молиться, чтобы Господь даровал силу и просвещение, молиться чтобы даровал Святого Духа, ибо когда Дух Святой снисходит на человека, то просвещает его как солнце, и человек видит все дела и понимает их, познавая, что есть от Христа, и

что от диавола. Тогда человек познает добродетельных людей и лукавых, принимающих только личины благочестия, ибо и лукавые говорят духовные слова, но пели их другие; а добродетельные от своего сердца говорят!

– Когда человек пребывает в заповедях Божиих, то поверьте, такая любовь Божия приходит, что кто бы его ни укорял, кто бы ни унижил, и не оскорбил, – все то не прикасается к нему. Кто имеет страх Божий, тот от всего человеческого уклоняется: от встречи и свиданий, от прогулок и проч. Кто имеет страх Божий, тот и между людьми просвещается; потом понемногу отверзается у него ум, и он познает все вещи и простирается в любовь Божию!

– Когда хитрый диавол это усматривает, то начинает свои козни; почему нужно великое внимание, чтобы сохранить память Божию крепко. Господь помогает, а со стороны человека нужно только одно произволение и хранение. Стараться проходить жизнь по-монашески и всегда искать Господа, взывая: Помогите мне, Господи! просвети мя! – и так всегда и день и ночь устремляться к Богу. После этого приходит человек в благоговение, ему все надобное делается понятным, и он уразумевает как поступать. – В нас с младенчества находятся страсти: у кого гордость, у кого гнев и проч., и должно их лечить лекарствами определенными святыми отцами. Необходимы пост и бдение и стараться надо чтобы плакать. Ведь подвиг для того и устроен, чтобы мы молились, и Господь даровал нам Духа Святого. Для этого постимся, бдим и подвижаемся. – Человек должен себя держать как грешник кающийся. – Христос вознесен на крест, чтобы показать нам образ жизни: кто хочет приблизиться к Богу, тот должен распять себя миру т.е. всем страстям.

Когда Дух Святой просветит монаха, то он не желает ни радостей, ни веселия; но любит он все истинное монашеское. Тогда он предстоит чистым от помыслов пред Богом, Господь удаляет от него врага, который не может восхитить его помысел, и дарует ему истинное смирение вместе со слезами. – Да, к чему много говорить; монах и всякий истинный христианин, если начнет покаяние, то все это обретет. Если ревнующий о

спасении допустит какое-либо преткновение и даже падет, и пребудет так день или два, – то пусть не смущается, а держит свою дорогу; потому что без брани на этой стезе не бывает; подобно войне: стреляют с одной и с другой стороны, – то побеждают, то побеждены бывают!

Скончался старец о. Харитон здесь на Катунаках в 1878 году, прожив на Афоне более пятидесяти лет.

Старец о. Даниил – грек († 1889)

О. Даниил родился в 1804 году и на Афон прибыл после греческого восстания. Первоначально он поступил к старцу о. Неофиту в скит Малой Анны в кельи свв. Архангелов, и от этого старца он принял пострижение и прожил там лет 6. Так как ходить туда особенно с тяжелой ношей на спине было крайне затруднительно, то старцы не могли далее жить там, и перешли в другую келью в скиту Большой Анны, где жили 9 лет. К концу этого времени братство Григориатского монастыря избрало о. Неофита в игумена, и с ним отправился туда и о. Даниил. Так как прежде этот монастырь был необщезительный, и нужно было вводить порядки общежительной жизни, что сопряжено было с трудом, и старец Неофит не мог один за всем смотреть, то многое было поручено ученику его Даниилу, который неутомимо помогал ему в устройстве новых порядков.

Через некоторое время о. Неофит отказался от игуменства, и братия выбрали Даниила. Много было неприятностей с бывшими проэстосами, которые хотели жить самовольно; но лучшая часть братии была на стороне о. Даниила. Однако, неприятности эти продолжались почти целых 12 лет. Наконец сам о. Даниил решил оставить игуменство и удалился в скит Малой Анны, где жил в начале. Ища себе удобнее место для безмолвия, он вскоре перешел в скит св. Василия, тут он бы и остался; но холодный климат скита, расположенного на высоте, заставили его поселиться ближе к морю на Катунаках, оставив большую построенную им келью с церковью преп. Макария. На Катунаках он устроил себе маленькую калибку, где он жил один, а ученик его жил неподалеку особо. Живя тут, он мог пребывать без печки, по своей привычке, так как не мог жить в натопленной кельи.

После оставления игуменства он жил в пустыни около 40 лет, делая крестики; а ученик его, Каллиник – ложки. Под конец жизни, будучи не в силах продолжать рукоделия, он по временам терпел нужду. Смотря на его убогую обстановку, спрашивали старца посетители: – Какая нужна была вера, чтобы

поселиться здесь? – Старец говорил: – Человек должен иметь 3 сии добродетели: веру, надежду и любовь. Вера – несомненно верить в Промысел Божий, что Господь печется о нас, так что и влас главы нашей не спадет без воли Отца Небесного. Надежда – надеяться на Него с простосердечною преданностью. Любовь – любить Его всем сердцем, всеми силами души и с тем поступать на такую жизнь!

– Не думайте, что здесь без труда живут, – нет, с пролитием не только пота, но и крови своей, чтобы достать себе необходимое. Сейчас многие пустынники ходят просить милостыню, а если бы не ходили, то не могли бы жить в пустыне, потому что одним рукоделием не могут удовлетвориться. Теперь цена на рукоделия значительно упала, а содержание стало втрое дороже. С тех пор, как отняли молдаванские метохы, монастыри лишились доходов, то и пустынники много терпят. В общежитии я 12 лет подвизался, желая все устроить по правилам св. отцов, дабы главное попечение сосредоточить на заботе о душе, но не мог! Ведь теперь почти главная забота о внешнем чуть ли не с совершенным забвением о других высших наших потребностях, что отчасти пожалуй и извинительно, потому что они лишились своих имений в Молдавии. Но я не мог согласиться с этим и оставил игуменство. Впрочем, во все время игуменства я постоянно молился, чтобы Бог устроил меня, как Он знает на спасение, и приготовился прежде всего в пище, отказывая себе и ограничивая как только можно было, но отнюдь не простираясь за положенное в общей трапезе!

К старцу о. Даниилу многие ходили за советами. Однажды, на вопрос об о. Иларионе грузине, с которым старец имел духовное общение, он так высказался о нем: – О. Иларион имел великое рассуждение и глубокий ум, но о подвигах его я не знаю. Когда я вышел из монастыря и поселился в пустыне, то пошел посоветоваться с ним. Я хотел есть через два дня, но он не благословил, а велел кушать каждый день однажды, а в субботу и воскресение по два раза с маслом: – Делай так, как я тебе сказал, это твоя дорога!

Еще я спрашивал о. Илариона о сне, и он сказал: – Спи столько, сколько знаешь, но как проснешься – вставай и не ложись больше! – И точно: в первый сон человек не видит никаких мечтаний, а во второй являются разные сновидения. – Молитесь от сердца со слезами, дабы Господь устроил путь жизни по Его св. воле и во всем всегда даровал благий конец. Выше всех добродетелей то, чтобы совершенно предаться воле Божией. – Зависть злейшее всех зол; она глава зол. Надеющийся на Господа никогда не падет и не боится; а завистливые и злоторвающие часто падают, – Бог рассыпает и все их замыслы. Если иногда и вопреки нашим добрым делам что-либо случится, то это воля Божия, так нужно для пользы нашей души. Тогда довольно для нас того, чтобы не делать зла тем, кто делает нам неприятности словом или делом. От зависти бежали отцы, но они жили по скитам, а в монастыре этого нельзя – там надобно уступать и смиряться перед каждым. – Блаженная мать Синклитикия говорила: – Зачем ты ненавидишь оскорбившего тебя человека? Не он оскорбил тебя, а диавол, общий враг нашего спасения. Он не хочет, чтобы мы заняли его место в царствии небесном, где он был до падения; поэтому старается всеми силами запнуть нас и с собою низвергнуть в адские свои жилища, как говорил мне один древний старец, много и явно с ним воевавший!

– Не нужно размышлять об искушениях, как они происходят и от кого – не должно; а возложиться на Бога и молиться Ему, – молиться непрестанно. Берегитесь исследовать: от кого оно происходит; например: кто это сказал? кто это сделал? и тому подобное, а только молитесь Богу: Господи, прости им! – Имейте особенную любовь к Матери Божией!

– Может и то на пользу вам, что опечаливаетесь сердцем на месте, где живете; а если потом Господу будет угодно, то приведет вас в другое место на безмолвие. Тогда вы стерпите труд безмолвия, вспоминая бывшие искушения. Тогда хоть и есть будет нечего, а скажите: хотя и не имею что поесть, но имею безмолвие и в нем утешение души! Пустынная жизнь – на каждый день подвиг, понуждение!

Об искушениях старец говорил: – Начало надобно полагать в самых искушениях; и только искушения приводят к добру. Иной, например, и в темнице находится, но просит помощи и защиты; а пророк Иона был и во чреве китове, но молился, и Бог услышал его. Имейте воздержание в пище, употребляя иногда понемногу вина, но только при слабости здоровья, потому что надо давать поддержку телу, и оно способнее будет в деланиях духовных. – Надо хотеть спастись и просить, и Господь устроит. Возлагаться надо на волю Божию. – Один старец, как пишут в Отечнике, заболел, и ему дали слугу. Однажды слуга ушел, и больной остался один и был при смерти; но так как с малолетства он имел любовь к Матери Божией, то и теперь молился Ей. Ему явилась Царица Небесная и сказала: – За то, что ты имеешь ко Мне такую любовь и усердие, дарую тебе еще 30 лет, и будешь иметь силу, как тридцатилетний – а было ему 90 лет – и после этого времени придешь в Царство Сына Моего!

В другой беседе старец Даниил говорил: – Я тоже нес эти искушения, и знаю их, и глубоко сочувствую вам и всегда молюсь за вас. Я вполне уразумел и вижу, что Господь воздвиг вас в эти годы, которые стали для всех пустынников очень трудными. (В то время монастырским монахам, помогавшим пустынникам, творили много неприятностей). – Мать Божия определила вас на это дело, и потому оно не может остаться без искушения. Я знал об этом и прежде от некоторых пустынников, и молюсь за вас особенно. Доброе дело не может остаться без искушения, им оно очищается и через него познается, что оно богоугодно. Только – Господа Иисуса Христа носите в сердце постоянно, потому что Царствие Божие внутри нас! – Господь сказал: день имеет 12 часов, кто ходит во дни, тот не споткнется, ибо во свете ходит; – так и мы потечем по пути заповедей Господних, куда Он ведет или выведет, ибо понемножку Он ведет и выведет на свет. – Господь не оставит Своею помощью, но приведет к благому концу, как вот и меня: искушения и соблазны привели меня сюда, и теперь я мирен и прославляю Господа, – так славлю, так благодарю, что и выразить не могу; – так и вы!

Старец говорил: – Необходимо иметь страх Божий и надеяться на Господа до последней минуты жизни. Он помогает в искушениях, через которые мы можем приобретать большую опытность в рассуждении и награды от Бога за терпение и мужество. Если кто внимательно будет заниматься собою и избегать всех бесполезных собеседований, то мало-помалу ум его и мысли будут собираться, и Господь подаст такому непрестанную молитву по слову сказавшего: даст молитву молящемуся; ибо это – дар Божий!

Старец о. Даниил отошел ко Господу 17 июня 1889 года. После него остался ученик его, о. Каллиник.

Старец о. Игнатий – грек († 1903)

О. Игнатий прибыл на Афон немного раньше 1850 года, имея от роду 30 лет. Сначала он поступил в Руссик и здесь прожил 13 лет. Отсюда он перешел в скит св. Анны, где подвизался 8 лет, а затем, желая большого безмолвия, он поселился на Катунаках в одной маленькой калибке, устроенной при замечательной пещере, в которой в половине 19-го века жил некто палестинский старец о. Варнава, в самом низу Катунак ближе к Каруле. Этот о. Варнава оставил подробные наставления, как проводить безмолвную жизнь, по просьбе одного монаха, желавшего поселиться в пустыне. По началу о. Игнатий еще был в силах делать рукоделие, занимаясь плетением четок, и он мог жить не терпя особенной нужды и утешался обретенным уединением. Но когда один глаз его от напряженного труда при постоянном чтении и рукоделии разболелся, а другой был закрыт от природы, так что он с трудом стал видеть, то рукоделия никакого уже не был в состоянии делать, почему и крайне стал нуждаться в помощи.

Некогда посетившие его заметили ему: как он живет в такой калибке, где и поклона положить нельзя и даже лечь от тесноты? Старец отвечал: – Там чтобы не было тесно, а здесь потеснимся ради будущего; ради множества грехов моих потерплю тут! – При этом один из пришедших, указал другому на устроенные вешалку и ручки в стене в роде форм, которые на день у него пригибались к стене и притягивались к потолку у порога. Чтобы не подать вида старцу, что они обращают внимание на его жизнь и видят его орудия ночных подвигов, вышли и стали осматривать пещеру палестинского старца.

Старец о. Игнатий, по словам знавших его, был замечательной жизни и имел умно-сердечную молитву. Скончался он в 1903 году.

Старец о. Зосима – грек

Собираатель жизнеописаний пустынных, о. Пантелеймон, однажды услышал, что в глубокой пустыни, мало кому доступной и известной, между Катунками и Керасей, живет пустынный, и возгорелся желанием посетить его. Старец этот был родом грек и имя ему – Зосима.

По прибытии на Афон он сначала поступил в Ксиропотамский монастырь; но общежительная жизнь, а и того более данное ему послушание – разъезжать на судах в разные места, до того стеснили дух его, что он пошел на вершину Афона, где молился Царице Небесной да устроит путь его. Там захватил его снег, и он 10 дней пробыл, пока нашел возможность спуститься вниз на гору Кармил, где и поселился при храме св. пророка Илии без калибы под навесом. Удивительно, как он мог так жить на такой высоте без защиты. Но его не внешние неудобства и злострадания беспокоили, а другого рода беды, от коих он потерпел жесточайшие искушения: демоны не давали ему покоя ни днем ни ночью, многообразно ополчаясь на него. Если бы в это время он не имел у себя опытного руководителя, то погиб бы. Не имея никаких средств устроить хижину на горе, о. Зосима отправился по пустыне искать себе другой приют. Наконец пробрался в непроходимую пустыню и нашел здесь готовую калибочку, когда-то кем-то выстроенную, которого, может быть никто не знал.

О трудах старца Зосимы страшно и вспомнить: воду носит он с Керасей за 2 часа ходу и по такому пути, что и без ноши тяжело ходить.

(Из записок о. Пантелеймона, посетившего старца в 1872 году): Старец, удивленный нашим приходом, встал, приветствовал нас и указал, что у него все тут: калибка тесная и жаркая, и что здесь снаружи прохладнее. Я заглянул в нее: перед иконами лампадка горит, окна нет, и свет входит через дверь. Высокая койка примкнута к стене и под ней все его имущество: сухари и рукоделие.

Стали спрашивать его: – Что привело тебя, старче, сюда в такое дикое место? и какую имел цель? – Любовь Христова, – отвечал старец; – а цель одна: потерпеть тут, ради Христа, в краткую эту жизнь и переселиться в вечность!

– Какое впечатление производит на тебя эта пустыня, эти горы и камни и это волнующееся море? – Во всем вижу величие Божие, великие дела Его, и, восхищаясь, прославляю Божию благодать!

Мы спросили его, как он ходит босиком и от чего не купит башмаки? Старец отвечал: – Если ходить в башмаках, то моего рукоделия не достанет на одну обувь, хотя бы трудился и вдвое больше. Хожу босой не без труда! – Рукоделие он делает простые ложки деревянные.

– Как же ты живешь и терпишь такую тесноту жизни? Мы вот этого не можем понести!

– Вы другое дело; я человек простой и привык. Когда человек отвергается всего себя и идет вслед Господа своего, то его предваряет благодать и укрепляет. Вы не смотрите на место, – место не спасает человека, а добрые дела ради Христа делаемые. Я как человек, не имеющий нигде убежища, пришел сюда и поселился по той простой причине, что для меня нет в другом месте пристанища! – Потом прибавил: – Бдение приносит человеку другое бдение: когда человек бдит, то сердце его воспламеняется и вкореняется в одном таком рачении о Боге, что действуемая молитва в сердце не дает ему сна, хотя бы он и понуждал себя. Дьявол ничего так не боится, как подобного трезвенного состояния бдящей и молящейся души. Он как огнем опалается и бежит, не будучи в состоянии к ней подступить!

Вот это все что знаем о пустыннике о. Зосиме.

Старец о. Иоанн – русский († 1892)

Родиною о. Иоанна была Червонная Русь. Здесь в Буковинской митрополии около 1833-го года родился он и при крещении получил имя Илия. Отец его, по фамилии Гарус, был молдаванин, а мать малороссиянка. Но на Афоне о. Иоанн не жил с молдаванами и всегда показывал себя русским, так как по-русски говорил в совершенстве. Достигнув определенного возраста, он женился и имел детей. Любимым занятием его было чтение Псалтири, поэтому все его уважали и, в случае смерти кого-нибудь, приглашали его читать над покойником. В скором времени он овдовел, и вместе с семейством переехал в Каменец-Подольскую губернию. На новом месте он не долго жил, а вместе с отцом своим поступил в Преображенский монастырь, близ местечка Бершад, а дочерей послал в женский монастырь на Волыни.

Послушник Илия, после смерти отца порешил поехать на Афон. Забрав свой увольнительный вид, он отправился в Одессу, где с ним приключилась тяжкая болезнь. В таком состоянии он дал обет: если выздоровеет, приедет на Афон, станет монахом, и не будет есть ни сыру, ни яиц, ни молока, ни рыбы, ни масла. Вскоре после этого он выздоровел и, получив разрешение, выехал из Одессы в Константинополь, а оттуда на Афон.

Имея стремление и ревность подражать древним великим подвижникам в житии постническом и пустынном, Илия путешествовал по Св. Горе, и искал себе в пустынях духовного наставника. В это время на Керасях в пещере высокого крутого утеса безмолвно подвизался о. Пахомий, серб, к нему и добрался Илия и усиленно просил принять его к себе в ученики. О. Пахомий, узнав из рассказов его прошедшую жизнь и стремление к жизни строго-подвижнической, принял его и с течением времени постриг его в схиму, переименовав его Иоанном.

Постригая его, о. Пахомий не снял с него постничества, а подтвердил ему продолжать его до смерти. В одно время о.

Пахомий, желая испытать в своем ученике отсечение воли, приказал ему есть все предлагаемое, что о. Иоанн бесприкословно исполнил. Видя такое послушание воле старца, о. Пахомий снова позволил ему держаться постного правила.

Лет 16 жил он со своим старцем, подвизаясь в много-различных подвигах покаяния и озлобления плоти. По исполнении дней жизни, старец Пахомий мирно скончался, оставив о. Иоанну в наследство подвижничество, пустынночество и постничество.

Всю свою жизнь на Афоне, как и старец его, о. Иоанн стремился к самому глубокому безмолвию в возможной дали от жилищ других. По этой причине он нередко переходил с места на место, если усматривал какие-нибудь неудобства для безмолвия.

В одно время он жил на Керасях в разных каливах. За это время у него побывало 3 или 4 ученика. Раза 3 он селился в пустыне «Эиваиде» и построил там 4 калибки. Живя здесь, он часто удалялся в самые глухие места. В такие походы он забирал с собой сухари, топор, лопату, кирку, чайник и полог холстинный; все это в мешок и на плечи. Утомившись, или при приближении ночи, он располагался где-нибудь на полянке, расчищал место, раскидывал над собою на ветвях дерева полог, и таким образом устраивал шатер. В случае недостатка провизии или воды он не слишком беспокоился и проводил по несколько дней без этого.

Церковное правило он правил общее по четкам. За келейный канон он пребывал в занятии умно-сердечной молитвы по два часа сидя. Все остальное время он немного читал, размышлял и большую часть старался пребывать в молитве.

В кельи у него не было ни стульев ни табуреток, ни койки, ни кровати. Он никогда не ложился на бок или на спину, а спал всегда в сидячем положении на полу на разостланном войлоке. Хотя грамоту знал посредственно, но очень ясно и легко объяснял неудобопонимаемые места из аскетических сочинений св. отцов и из Священного Писания. Иногда умными очами он видел так ясно, как бы телесными, козни врага. От всегдашнего

пребывания в молитве, нрава он был незлобивого, кроткого и терпеливого.

Жившие с ним ученики тоже должны были держаться постного устава, и очень редко он разрешал им на масло и вино. Св. Таин о. Иоанн приобщался по возможности еженедельно. Один ученик говорил, что однажды видел о. Иоанна идущего по приобщении Св. Таин в свою калибку, сияющим паче солнца. Ученик этот решился только через полтора года открыть старцу об этом, и просил объяснить ему причину этого. – Ради того, – отвечал старец, чтобы ты имел ко мне доверие! О. Иоанн ежедневно совершал бдение, начиная с вечера и оканчивая на другой день. В это время он пребывал в умной молитве.

Под конец жизни о. Иоанн оставил «Фиваиду» и забрался в глубочайшую пустынь между Катунками и Керасей, над взморьем, в то место, где раньше жил о. Зосима. Но не долго он тут жил. В одно время вспомнил о нем близкий ему по духу старец о. Варнава в скиту св. Василия. Призвав своего ученика, он послал его навестить о. Иоанна и справиться, жив ли он? Действительно ученик нашел его едва живым. Когда он вернулся к о. Варнаве с этой вестью, то тот послал его к русскому духовнику о. Иродиону в том же скиту; но его дома не оказалось. Отсюда он побежал на Катунки к духовнику о. Игнатию болгарину, но пока дошел до пустыньки умирающего, по очень трудным тропинкам, о. Иоанн, не дождавшись, испустил дух свой в руки Господа. Это было 11 ноября 1892 года. Тут же на месте он и был погребен.

Всю жизнь свою на Афоне он очень усердно занимался умно-сердечной молитвой, и был на высокой степени преуспения в этом делании. Близкие к нему говорили, что он был сподоблен весьма многих духовных видений, многие из подвижников обращались к нему за советами.

Старец о. Даниил – грек († 1879)

В 1814 году к берегу Кавсокаливского скита пристало парусное судно. На нем находился 18-летний юноша Димитрий, родом грек, впоследствии старец Даниил, приехавший сюда для монашеского жития. Перед вступлением на Святую Гору, юный Димитрий положил намерение признать своим старцем и руководителем того монаха, которого встретит прежде, и жить до смерти у него. В этом намерении он, выйдя на берег, пошел на гору, и когда взошел высоко и увидал пред собою старца Германа, жившего в кельи св. Артемия, то сказал сам себе: – Здесь у этого старца должен я остаться и послужить ему до смерти, так как к нему привел меня Господь!

Старец Герман, родом серб, был с виду характера строптивного, сурового и жестокого, так что не только бранил послушливого ученика своего, но и бил его почти каждый день, особенно вначале. Делал же это не просто по страсти гнева, но в разуме духовном, что долго не было понятно не только ученику, но и посторонним лицам. Несмотря, однако, на такое обращение, просвещаемый благодатью послушник, не оставлял старца и слушался его во всем беспрекословно. Это продолжалось до самой кончины о. Германа, следовавшей чрез 40 лет.

Суровые поступки старца с учеником не могли быть тайною, и вот собрались однажды к о. Герману старцы скита св. Анны с тем, чтобы увещевать его оставить жестокости по отношению к ученику. Старец им отвечал словами Евангелия: – Вы не мыслите, яже суть Божия, а человеческая! – Познавши, что старец поступает так в разуме духовном, старцы оставили его, удивляясь духовной мудрости Даниила и его преданности старцу.

После многолетней жизни при старце Даниил достиг глубочайшего смирения и сподобился даров благодатных. Однажды, будучи еще послушником, Даниил топил хлебную печь и, разгребая жар, уронил в него кочергу, которая плохо была прикреплена к деревянной ручке. Дрова пылали в печи.

Обратившись к старцу, он воскликнул: – Прости, отче, согрешил: кочерга свалилась! – Полезай, достань! – строго заметил старец. – Благослови! – произнес послушник. – Бог благословит! – ответил старец; и вот ученик вскочил в печь, разгреб руками жар, и достал кочергу довольно уже накалившуюся, и вышел с нею оставшись неопалим! Скоро весть о таком чуде распространилась по всему Афону; но, не желая сделаться предметом общего внимания, Даниил скрылся от старца и жил в неизвестности до тех пор, пока чудное событие не пришло в забвение.

В этой кельи св. Артемия Даниил прожил со старцем 2 года и переселился в Хилендарский монастырь, где прожили они один год. Потом поселились на Каруле и жили тоже год, а от туда перешли на Керася и жили 7 лет, а потом в скит св. Василия где жили 10 лет, чтобы, наконец, поселиться в скиту св. Анны, где прожили более 15 лет в кельи Воскресения. Здесь скончался старец Герман.

Вначале своего пребывания на Афоне Даниил много терпел не только от старца, но еще больше от тех бедствий, каким тогда была подвержена Св. Гора: было время греческого восстания. Страдальческую жизнь проводили тогда пустыnnики: хлеба не было, собирали дикую траву и каштаны, чем и питались во все это время. Из каштанов они делали муку, высушивая их и превращая в порошок; но хлеб из толченных каштанов не мог быть испечен; нужно было прибавлять муки хлебной, без которой замес каштановой рассыпался, а достать хлебной муки было почти невозможно. Да и с примесью ее каштановый хлеб мог быть употребляем только по великой нужде. Голод и бедствия нередко побуждали о. Даниила просить милостыню в каком-нибудь монастыре, хотя бы хлеб для старца своего. Однажды он добыл где-то пшеницы и нес на своих плечах в пустыню. Шел он ночью, чтобы не встретиться с разбойниками; однако попался в руки их. Они отняли у него пшеницу и требовали денег; но по истязании, видя, что у него ничего нет, отпустили его живого. В другой раз отправившись за продовольствием, Даниил опять попал в руки разбойников, которые вели трех монахов. Пришедши к берегу, разбойники

стали сажать забранных ими на лодку, чтобы отвести и продать их в неволю. Даниил, который был малого роста, упал со слезами у ног капитана и просил оставить его на Афоне или, если угодно, то сейчас же отрубить ему голову. Капитан толкнул его от себя, вероятно не надеясь выручить хорошей цены за такого малорослого человека, и севши с другими в лодку, отправился в путь, а Даниил возвратился к старцу.

Вскоре последовало от разбойников о. Даниилу и старцу такое насилие: в то время они жили на Керасях в кельи св. Иоанна Богослова, а по соседству с ними жил иеромонах в кельи св. Георгия. Этот иеромонах тоже бедствовал по недостатку в пище, и чтобы утолить свой голод он ловил рыбу в море по ночам. В одну ночь его схватили разбойники, которые заставили его довести их до его кельи. Забравши у него все что могли, они ограбили и другие там кельи. Не найдя у старца Германа ничего, они заставили его с учеником нести награбленное к берегу, но там почему-то больше не обратили внимания на Германа и Даниила, а иеромонаха взяли с собою.

По смерти о. Германа старец Даниил поселился в пещере выше скита св. Анны. Пещера эта устроена в осевшей при землетрясениях скале горы, протягивающейся с севера-запада на юг. Если посмотреть со вне, то побоишься не только жить в ней, но и взойти в нее, так как поневоле подумаешь, что вот-вот покатится камень вниз и задавит. Так как камень откололся от скалы углом, то проход между ним и скалою идет сначала вверх к востоку; потом, пройдя 2–3 сажени, поворот вправо к югу, где устроено окошечко, а при входе в пещеру – дверь. На полу лежала постилка с изголовьем для успокоения; здесь и сидел старец при занятии рукоделием и чтением книг, которых у него было довольно. Подниматься в пещеру нужно боком, но и при этом не избежишь, чтобы где-нибудь не зацепиться спиною о камень; а взойдя в пещеру непременно нужно сесть, по причине тесноты.

(Из записок о. Пантелеймона Однажды мы заходили в пещеру втроем, и пока старец, шедши впереди, не поместился около окошечка, и пока мой проводник не потеснился, севши около старца, мне в пещеру взойти нельзя было; а когда вошел

я, то дверей нельзя было затворить, до тех пор пока я не придвинулся плотно к собеседникам. В углу стены, с восточной стороны, сделано в камне углубление, где стоят иконы и книги, и, около них, череп старца Германа. Во время разговора о. Даниил, указывая на череп, говорил умиленно, скрестя руки на груди: – Ничего не делаю, никакого доброго дела у меня нет, и только уповаю на милость Божию, да на молитвы старца; чем бо кроме сего оправдаюсь? Вид и всякое действие о. Даниила есть выражение глубокого его смиренномудрия. Игумен Ильинского скита, о. Паисий, просил старца сказать слово на пользу. – Что могу сказать вам, – отвечал старец: я человек грешный, ищу только милость Божию и на нее одну уповаю. Надобно было видеть при этом с каким глубоким убеждением говорил о. Даниил, скрестив руки на груди.

В ближней пещере, с пристройкой в роде калибки, жил ученик его. Старец уступил ему пещеру, и он жил там самочинно, уходя часто и надолго. Это печалило многих отшельников, ходивших для духовных советов к о. Даниилу, но сам он тем же терпением хотел победить непостоянного ученика, не прекращая внушать ему необходимое к созиданию его душевному.

Летом 1870-го года мы были у о. Даниила и видели, что близ пещеры его порублены деревья и поставлена маленькая калибка, построенная вчерне одним человеком, сжалившимся над болезненностью старца, страдавшего простудой от камней тесной пещеры. Постройка эта вызвала старца из его затвора, и он ходил в Карею для покупки каких-то материалов. не бывши там 30 лет.

Бывая временами у старца и зная его строгое уклонение от советов и наставлений, мы старались вызвать его к каким-либо объяснениям о проходимой им жизни, почему предлагали ему разные вопросы; но он большею частью уклонялся от ответов, не оставляя, впрочем, некоторые простые вопросы: – В искушениях, – говорил старец, – нужно благодарить Бога, потому что Он посылает их для пользы нашей, и выше сил не попустит искувиться. А если роптать, то искушения попустятся сильнее. Когда же кто отринет искушение, или думает убежать

от него, то непременно встретит несравненно большие. Терпеть надо, терпеть. Святые мученики кровь проливали ради Христа, а мы хоть труд и пот прольем. Через искушения приходит человек в опыт и усовершенствуется. Нужно трудиться и молиться!

– Одинаково ли может молиться человек и в мирном состоянии духа и когда дух его бывает потрясен какой скорбью?

– Об этом рассуждать духовникам, а я простой человек, – ответил старец!

– Да ведь мы относимся к тебе, старче, не как к духовнику, а так спрашиваем просто; ведь ты сам когда-нибудь прежде бывал в скорбях, то и по опыту своему можешь знать это?

– В скорбном состоянии, – ответил он, – человек со слезами обращается к Богу, – и Христос утешение его. По мере скорби бывает и утешение от Господа!

– Действительно ли безмолвники не могут, как нам сказали, более трех суток оставаться в самоуглублении и молитве, хотя бы ощущали и благодатные посещения?

– Да, – ответил старец, – точно нужно движение, чтобы не впасть в леность; но делают это немощные, а кто вкусил плод безмолвия, тому не лежит этот закон!

– Разве, – спросили мы, – могут и дольше пребывать, не исходя из кельи и как это?

– Могут... он хотел и еще что-то сказать, но пресек слово в самом начале. Потом добавил: – В пустыне нужно постоянно воевать со врагами, которые ожесточенно ведут брань с подвижающимися. Здесь бой рукопашный, а потому что опасный по хитрости и злобе демонской. А кто живет с людьми, те имеют с ними развлечения и разбиваются, а потому и духовная брань у них невелика!

Старец Даниил, хотя родом грек, но по-сербски объяснялся так легко, что его многие считали за серба. Благодатные дары, которыми был осенен старец, обнаруживались только в некоторых случаях, и как бы против его воли. – Вверху Катунак жил старец из молдаван, имя его Косьма. Жизнь его была жестокая, но он ее переносил благодушно. В одно время посетила его великая скорбь душевная, и он не находил себе

отрады и в молитве и сильно был отягчен мыслями. В этом состоянии он вышел в лес искать мягкое дерево «комарня» для своего рукоделия. Он пошел по лесу и вдруг встречает изможденного старца низенького роста с маленькою бородкою в самой убогой одежде. Он поклонился старцу, не зная что это был о. Даниил, и вдруг ощутил в себе разительную перемену: не только не стало прежней скорби, но разлилась внутри его тихая радость и свет. Косьма тотчас убедился, что старец встретившийся с ним, имеет великую благодать и мысленно помолился о нем, познавши духом его душевную болезнь; но лишь только он поспешил к старцу и начал знаками, он не знал по-гречески, благодарить его, как старец быстро пошел от него и скрылся. Спустя несколько лет этому же о. Косьме по какой-то болезни нужно было достать свежих огурцов. Зная, что их можно достать только в монастыре св. Павла, он отправился туда, но там получил отказ в его прошении, т. к. не умел объяснить, почему собственно ему были нужны огурцы. Возвращаясь в свою пустыньку, он поднялся уже высоко в гору над скитом св. Анны, когда услышал, что кто-то, идя спешно по дорожке, догоняет его. Это был старец Даниил. Как бы не помня свою старость он бегом догнал Косьму, поднимаясь по крутой горе. Косьма поклонился старцу, а тот вынул из-за пазухи 6 свежих огурцов, только что сорванных, положил ему в торбу и пошел вниз по направлению к своей пещере, оставив в крайнем недоумении и удивлении Косьму, не знавшего чему больше дивиться: тому ли, что старец познал его скорбь и нужду в огурцах, или тому, где Даниил взял эти огурцы, которых у самого о. Даниила, ни в ближних от него местах, ни у кого не было, а они были только что сорванные!

Спустя несколько месяцев о. Косьма с тяжелой торбой шел по той же крутизне, поспешая в свою калибку. Время было зимнее, бурное и холодное. Начинал порошить снег, и он напрягал свои силы, чтобы до заката успеть дойти до дома. Но когда он взошел уже высоко, поднялась такая метель, что не было возможности ничего видеть и идти вперед, и он окончательно выбился из сил. Весь мокрый, без перемены одежды, он стал искать, где укрыться. Усмотрев вблизи

большой камень, Косьма решился пойти и присесть около него, и что же там находит? – Свернувшись, едва не в комок, в худой одежде своей, без всякого покрытия, лежит у камня босой старец Даниил и дрожит от холода. Косьма, считавши по прежним опытам о. Даниила как благодатного для себя защитника, скинул с себя торбу, положил ее в изголовье и лег близ старца. Метель продолжалась и холод усиливался. Снег густо устилал землю, а Косьма, лежа близ горящего душою к Богу старца, скоро ощутил теплоту, и такую, что ему показалось, что он находится как бы в натопленной комнате. И так до утра пробыл спокойно и без вреда. Рано утром поднялся старец Даниил и пошел вниз к своей пещере, а там где он лежал, не было снегу и было совершенно сухо.

По словам о. Евфимия живописца Иоасафского братства в Кавсокаливе, старец о. Даниил был такой подвижник, каких ныне, пожалуй, нет больше. Старец окончил свою жизнь в своей же пещере близ кельи св. Артемия выше скита св. Анны 19 июля 1879 г.

Старец о. Авраамий – грек

О. Авраамий родился в 1811-м году в купеческой семье и в миру был учителем. На Афон прибыл в 1830-м году и поступил в Григориатский монастырь, где жил 6 лет. Еще живя в миру, о. Авраамий имел любовь к безмолвию, и ревнуя о возвышенной жизни, он потом перешел в скит св. Анны и поселился вверху скита в малой калибочке, где жил 2 года. В это время, руководивший его старец, сделал ему испытание и послал его в монастырь Дохиарский, где он 2 года служил на кухне, а потом в Руссик на 1 год. Старец его, видя Авраамия укрепившимся в смиренномудрии, благословил его, наконец, уйти на безмолвие, это было в 1842-м году. Он тогда, после короткого пребывания в прежней калибке, перешел в скит Малой Анны, где отцы увольняются от всех обязанностей Большого скита св. Анны; но зато не получают ничего, и, не имея садов и огородов, живут исключительно безмолвно.

Тут о. Авраамий построил себе крошечную под горой калибочку – в сущности курень в 3 аршина длиною и в 2 и четверть шириною, где помещен малый очаг и форма, в которой бдит и отдыхает старец. В другой калибке жил его ученик о. Косьма, поступивший к нему в 1854-м году.

Жизнь о. Авраамия была возвышенная, строгость умеренная, рассуждение глубокое, которое он стяжал не ученостью, но опытом жизни и благодатным просвещением.

Пониже старцевой кельи находится огромная пещера, где находятся косточки древних тамошних отцов: чистые, желтые как воск и благоухающие. Двое монахов, искавших безмолвия, просили у старца благословения поселиться в этой пещере, но тот не дал, имея на то свои причины. Местность старца такая уединенная и в такой дали от тропинки на Карулю, что мало кто нарушает его безмолвие.

(Из записок о. Пантелеймона): Около 1870-го года я посетил о. Авраамия и просил наставления в несении скорбей: – Если отринешь скорби, – говорил старец, – посылаемые по попущению Божию, то настигнут большие. От скорбей одно

убежище – терпение. Отпором и стойкостью их не победишь, а больше размножишь, и они наконец победят тебя. Будьте как тростник: когда находит ветер, тогда склоняется; а когда пролетит, он встает. А если не склоняется, то он их и ломает. Искушения и скорби приводят человека к смирению, а выше смирения ничего нет. Поэтому когда найдут искушения, нужно обнять их, положить, так сказать, за пазуху; и если они разольются и окружают тебя как море воды, то ты пополни очи слезами и плавай в них.

Если св. апостолу Павлу, молившемуся об искушении, было сказано: «Довлеет ти благодать Моя», если ему нужны были и искушения, то что сказать нам страстным? Господь по сердоболию посылает нам искушения, чтобы ими привести нас к смирению; и если мы не смиримся малыми, то пошлет большие, и делает это до тех пор, пока приведет нас к смирению. Скорби и искушения так нам нужны, что не будь их, мы не спасемся; но выше сил Господь не попускает никому.

В скорбях душевных предваряет благодать и укрепляет, как бы приготавливая человека, а в скорбях телесных или вещественных предваряет враг: тут испытывается произволение человека, его решимость и любовь ко Господу, и если он борется, то неукоснит благодать на помощь и утешит его за произволение.

Пока человек не искоренит страстности, до тех пор не может молиться в мире духа. Мир духа приходит после скорбей, которые побуждают человека к молитве и рождают смирение; а смирение рождает и мир духа, в котором человек, обучаемый скорбью, молится. Благодать Божия поступает с нами любовоблагоутробно: как мать, уча дитя ходить, поддерживает его обеими руками, а потом держит их около него, чтобы, если он покачнется, снова подхватить его; а когда приучится он сколько-нибудь ходить, то стоит и смотрит, и чуть замечает, что дитя падает, тотчас поддерживает его и хранит, пока он совершенно утвердится ходить. Так поступает с нами и благодать.

Если есть самолюбие, то есть все страсти. Одно оно погубит нас. От самолюбия ссоры, вражда, убийство, воровство и все злое. Добрые дела самолюбивого не угодны Богу.

На пути на Карулю не так далеко от старца Авраамия живет монах Пахомий, грек, про которого утвердилось мнение, что он в прелести. Мы спросили у старца о сем: – Да, – сказал старец, – к сожалению он вне дороги, и его никто ничем убедить не может. Он не причащается потому, что не хочет никакому иеромонаху сделать метание или взять благословение. Убеждение его такое, что он рукоположен свыше, что он равен или выше патриарха. Если бы архиерей сделал ему метание, то Пахомий без стеснения благословил бы его, как рукоположенный свыше. О духовнике никак нельзя ему упомянуть, ибо из себя выйдет. Но жизнь его столь жестокая и строгая, что почти нет примеров на Афоне равных его жизни. Рассудок его чист и, если не коснуться духовника и проч., что приводит его в негодование, то суждения его здравы и взгляды верны, но иногда увлекается. Значит он не вполне еще впал в когти врага, но положение его опасное. Сожаление о нем общее. Прежде жил он в монастыре Симоно-Петре, потом в пещерах в разных местах.

Мы спросили старца о его рукоделии и узнали, что 10 лет уже он оставил его, и теперь даже ученик затрудняется, особенно носить все потребное от пристани до их калибки. В пище он себя не ограничивает, а когда случается и масло и рыбу употребляет, только сам не покупает сего.

Из беседы старца Авраамия: – Телесные искушения легче душевных, но труднее молиться при них, потому, что они смущают и чувства внешние. А душевные искушения сильнее огорчают душу, но скорее приводят к молитве, и человек получает пользу, не ощущая того, потому что искушения приводят его к смирению, а оно хранит его без вреда, и тогда он прибегает к Богу; и не только мы новоначальные, но и совершенные имеют искушения ради смирения.

Что касается до молитвы в мирном состоянии духа, то этот мир должен искушаться прежде и победить все страсти. Если отнимутся от нас искушения и будем в мире, не достигши той меры, то помысел наш возгордится: «Несмь якоже прочии». Святые отцы говорят: кто отвергает от себя искушения, тот укрепляет их на себя; а кто терпит, тот получает крепость от

Господа. Великая благодать Божия к нам – терпеть искушения, как говорит Апостол: «Великая благодать для нас не токмо веровати, но и еже пострадати за Него», ибо многими скорбями подобает внити в Царство Небесное.

– Святые отцы говорят, что нет ничего иного слаще, как страдать за Христа. Следовательно, сладость терпения за Христа давала силу мученикам претерпеть до конца. Апостолы и мученики терпели за Христа, и мы терпим: болезнь ли посетит нас, скоро, печаль или искушение – все терпим ради любви ко Христу. Терпят турки и французы, но не имеют надежды, а нас облегчает надежда на Христа!

Мы просили старца помолиться за нас, на что он ответил: – Молитва монастыря – как стены; а мы живем как змеи в норе, как звери! И по наружности, вот мы какие, а по внутренности еще хуже!

– Читать божественные книги необходимо: без сего душа помалу охлаждается, даже ожесточается и помрачается. Если даже читая не исполняем, и тогда надо читать, ибо это приведет к самоукорению; а без чтения, живя худо, кажется, что хорошо идем! Один авва сказал ученику, не хотевшему читать: – Из двух сосудов помой один. Тот помыл. Какой чище? – спросил авва. – Помытый, – отвечал ученик. – Хоть он и такой же пустой, как и другой, но чистый, так и чтение божественных книг, хотя и не исполняем читаемого, но пока читаем очищаемся.

Вот и все что знаем о старце о. Авраамии.

Старец о. Гавриил – грек

Приехав на Афон в 1846 году, о. Гавриил поступил в монастырь св. Павла. Прожив там 6 месяцев, он перешел в скит св. Василия, откуда скоро переселился в калибку в скит Малой Анны, где получил постриг. Не зная никакого рукоделия, он продал потом калибку и поселился в пещере в том же месте. Перед этой пещерой старец стал класть стену, и когда достаточно возвысил ее – расшатал нижние камни, нарочито над отвесом выдающиеся из стены, и тотчас вся стена загремела вниз в пропасть! После сего старец спускался крутою дорожкой, и снова носил на гору все те камни, чтобы опять класть свою, ни для чего не нужную ему, но лишь для утруждения себя, стену. Так он делал многие годы, большею частью по ночам.

Все проходящие духовную жизнь имеют какое-либо рукоделие, но выбирают они такое, которое не отвлекает ум от богомыслия. Для каждого труд необходим, но чтобы не было пристрастия к тому что делают. Поэтому разве только вполне совершенные могут иметь келейное занятие, как, например: сад, огород, вязание четок или делание ложек и относится к ним беспристрастно. А так как пристрастие приходит иногда незаметно, то многие избирают такой труд, который отнюдь не отвлекал бы ума их, погруженного в богомыслие или молитву. Один старец в течении многих лет срыл около калибки своей огромную гору. Так и о. Гавриил клал и разорял стену каждый раз.

Жизнь старца так убога и скудна, что и самые бедные пустынники удивляются. Не имея ничего, он часто оставался без сухарей, ибо лишь вынужденный крайнею нуждою он ходил в монастырь св. Павла за сухарями, и часто сидел несколько дней совсем без пищи.

Видящие такую нищету старца спросили его: – Не скучает ли он? Старец отвечал с глубоким чувством: – Святые отцы, днесь или завтра уйдем отсюда; можно ли скучать, когда мы знаем, что ожидает нас вечно? в Отечнике сказано: некий брат

сказал старцу: – Отче, меня борет лень в кельи! – Авва ответил ему: – Если бы мы знали о мучениях адских, которые ожидают ленивых, то хотя бы келья наша была полна червей, мы терпели бы! – Из ответа его и глубокого смирения его видно было, что старец сказал то, что во внутреннем делании обнимает всю его душу и служит двигателем к тем подвигам, которые он так самоотвержено переносил.

Старец о. Феодосий – болгарин

О. Феодосий родился в Болгарии в Великом Тырнове. Здесь 5 лет он учился в духовной школе, и имел основательное знание древнегреческого языка. Прибыв на Св. Гору в 1830 году, он поступил в скит Кавсокаливский к некоему старцу о. Антонию греку, сурового и строптивого нрава, который не только изнурял его тяжелыми работами, не давая и заснуть, но и всячески истязал кроткого ученика. Не раз он прогонял его от себя; но тот, считая, что старец испытывает его любовь и постоянство, походя несколько, возвращался к нему и терпел те же жестокости. Не раз старец посылал его в Руссик с запискою к греческому духовнику о. Макарию, прося дать его ученику послушание в магерной и чтобы не давали ему никакой ослабы, всячески обременяя его работами.

Однажды, прогнанный ученик, пришел к своему родственнику, иеромонаху Паисию, который впоследствии стал настоятелем Ильинского скита, а тогда еще проживал в Кавсокаливце, и рассказал ему все, что у них случается со старцем, прося совета. Тот посоветовал ему более не возвращаться к о. Антонию, и о. Феодосий поместился при другом старце; но тут о. Антоний, одумавшись, пришел к о. Паисию и просил сказать ученику, чтобы он возвратился, обещая его постричь. О. Паисий поверил, но новый старец о. Феодосия возражал: – напрасно полагаться на его уверения, – он не вытерпит и по своей привычке опять будет делать то же самое! – Так и случилось: старец принял его с радостью и при о. Паисии восхвалил его терпение и послушание, в которых он так уверился, что теперь желает постричь его. После пострига не прошло и двух месяцев, как старец опять прогнал о. Феодосия. Тогда собрались к нему скитские старцы и стали увещевать его, укоряя за непостоянство и жестокость. О. Антоний раскаялся и прослезился, ибо о. Феодосий уже впал в чахотку, кашлял и страдал отдышкою. Приняв ученика, они жили уже в мире, и вскоре сам старец заболел. Видя приближающуюся кончину, старец сокрушенно просил прощения, говоря: – Я убил тебя,

чадо, прости меня! – Так он часто говаривал, и при смерти он своим раскаянием привел в слезы всех тут бывших, а ученик плакал неутешно.

В Кавсокаливе о. Феодосий жил при старце 19 лет, и после него – 7 лет. Потом он перешел в скит Малой Анны и поселился в кельи Успения Божией Матери. Теперь он так страдал от болезни, что раза 2 в месяц он совершенно умирал и дыхание потухало в сильно стесненной груди, так что окрестные пустынники часто приходили прощаться с ним. Но внезапно дух его возвращался, и он поправлялся так, что вся болезнь, кроме бессилия, проходила. Однажды, в воскресенье собрались соседи, – попрощались, зажгли свечи, покадили, и не видели уже жизни в старце, лежавшем бездыханно и остывавшем; но к вечеру отлегло; он стал дышать, и так поправился, что посетившие его монахи из Руссика, нашли его совершенно уже здоровым, и долго с ним беседовали.

Суровые поступки старца Антония и решимость о. Феодосия выработали в нем глубокое смиренномудрие. И не болезнь была причиною стяжанной им памяти смертной и неуклонного пребывания в умной молитве: болезнь была лишь пособием к развитию воспринятого образа внутреннего делания. В умной молитве о. Феодосий так преуспел, что великий в подвижниках старец Иларион грузин пребывал с ним в духовном содружестве, и многие ходили к нему за советами.

Болезнь старца, естественно переходя свои периоды, достигла высшего развития, так как он ничем не лечился, и давно бы уже умер от одного только недосмотра, не имея возможности послужить себе в чем. Но благий Господь за примерное его терпение показал на нем два чуда: продля его жизнь выше всех соображений человеческих, и послал ему такого ученика, которого все знавшие его называли «ангелом». Это была воплощенная кротость и преданность старцу, и часто он забывал про пищу и покой, заботясь об успокоении болезненного старца. Имя его Гавриил.

На вопрос о учениках, о. Феодосий ответил: – Ученик имеет двоякую брань одна от старца, а другая от диавола; посему нужно нести немощь какой бы хороший ученик не был. Сегодня

он видит старца как святого, а завтра напротив. Враг разные влагает помыслы на старца, чем ученик более будет благоговеть и чтить старца своего, тем более враг старается расстроить, как пишет св. Феодор Едесский. В таком случае нужно так делать: враг подкинет помысел, а мы отвратимся от него. И так постоянно выкидывая наносимый помысел мы останемся невредимы. – Лучше человеку подвизаться до смерти и не видеть благодати, нежели получив, потерять, потому что такой осудится как недостойный. Все наши дела имеют конец, а покаяние до смерти конца не имеет. Если кто прежде смерти оставит покаяние, хотя бы и был святой, то погибнет. Святые отцы подвизались до смерти. – Во святом крещении человек получает совершенную благодать и дар; но после должен сам трудиться, и тогда постепенно открывается благодать. Господь давал иногда святым отцам благодать ради пользы многих; а тут пустыня, и Господь не дает особенную какую, а довольно и того, что приходят в молодых годах и, с помощью благодати, живут в таких жестоких местах!

В определении помыслов старец сказал: – Если можешь уловить мрежу ветер, то и помыслы; только не надо принимать их, а отвергать и постоянно очищаться покаянием: Прости, Господи, согрешил, каюсь!

Так как старец средств к жизни не имел, то ученик трудился неусыпно; но и тогда не хватало им на пропитание, и ученику приходилось, как только старец почувствовал облегчение в болезни, поспешить с просьбой о милостыни к сострадающим им, и те снабжали, кто чем могли.

Когда спросили о. Феодосия, как он переносил побои наносимые ему старцем Антонием, то он рассказал следующее: – В Кавсокаливе при море жил старец о. Иоанникий болгарин с послушником Матфеем, тоже болгарин. Старец поступал с ним так строго, что постоянно кричал и бил его жестоко, а ученик только падал в ноги и говорил: – Прости, прости, отче! – Тот и ногою и поленом и чем попало бил его. Ученик так благоговел пред старцем, что не смел сесть при нем, а приседал на корточках, и при крике старца сожмется от страха, уважения и благоговения к нему. Так до смерти прожил с ним; а

старец, поступая с ним как с собакой, делал это в разуме духовном для пользы ученика, а другим говорил, что имеет ангела. – После смерти ученика кости его благоухали.

О себе о. Феодосий говорил: – Старец мой строго с мною поступал, потому что у меня не было послушания ни старания, и это было мне на пользу в обучение души моей!

Старец о. Амвросий – грек († 1871)

О. Амвросий родился в 1778 году. На Афон прибыл в 1799 году и поступил к старцу о. Косьме в скит св. Анны на кельи св. Архангелов, у которого еще жил побратим, о. Игнатий.

Незадолго до греческого восстания, в ночь с 1-го на 2-ое сентября 1820 г., над Афоном разразился страшный тайфун. Еще за год до сего тайфуны часто были видны вдали по морю; но перед самым восстанием, гнев Божий посетил и Афон в сем всеразрушающем тайфуне, главная часть коего разразилась в скиту св. Анны, а в других местах он коснулся только крылом своим, но и то много бед натворил.

Старец Косьма с учениками читали утреню. Вдруг послышался необычайный гул с шумом, так что о. Амвросий сказал старцу: – Благослови, отче, выйти посмотреть что это. – Но лишь он отворил дверь, вода хлынула в церковь рекою и наполнила всю келью. Амвросий ухватился за притолоку обеими руками, и в это самое время водяной смерч унес всю келью с землею, оставив только ту самую дверь в западной стене, за которую держался Амвросий. Он один только и остался, а старцев его унесла вода. Тайфун вывернул всю землю, включая огород и близ растущие деревья. Другой водяной столп упал на келью преп. Антония и унес ее всю с жившим там старцем, а третий упал за 200-ти шагов от кириакона и унес две кельи и мельницу, а близ стоящие едва удержались, хотя вода заливала их через окна. Расщелины, что теперь между кириаконом и келлией о. Константина, прежде не было, она образовалась после тайфуна.

Итак, о. Амвросий остался без старцев, без кельи, без хлеба и всего. После он взял у кого-то шерсть и, плетя фески, питался кое-как; но не долго. Скоро последовало восстание, и Афон наполнился мирскими людьми, искавшими убежище от турок. Из монастырей почти все уехали, увезя в собою что могли; оставались лишь немногие. Потом нахлынули турки, начались насилия; они собрали скитских отцов в лавру и посадили их в пирг, где стояли по колена в холодной смрадной

воде, и в невыносимой муке зывали к Пречистой о помощи. Потом вытащили их из пирга и стали требовать денег, с кого сколько хотели. Кто мог, откупился. Один из них, сжалился над бедными, как о. Амвросий, не имевшими ничего, и внес за них назначенную сумму.

В это время урожай каштанов, трав и всего был особенный и о. Амвросий ходил по пустыне и питался зеленью. Потом паша издал приказ, чтобы в 15 дней все мирские вышли с Афона, в противном случае, кого встретят там после сего, отрубят голову. И тогда очистилась Св. Гора, и оставшиеся монахи вздохнули свободно. Но что последовало? Вернувшись домой, большая часть беженцев нашли, что лишились всего, и стали они заниматься разбоями: начали приезжать на Афон и мстить монахам за прежнее их изгнание со Св. Горы. Они грабили и избивали монахов, которые стали испытывать сугубое страдание: от турок, коих были полны монастыри, и от разбойников, но от последних несравненно больше, и жизнь была вполне мученическая. Один Бог весть, – говорил о. Амвросий, – чего стоило мне опять поселиться в скиту, построить келью и обзавестись необходимым.

Кто-то дал ему шерсть, и он опять стал плести фески. Однажды, собрав что у него было сделано, поехал он на лодке с другими пятью отцами до Ксиропотама, чтобы оттуда пойти в Карею продать рукоделие и купить хлеб и шерсть; но только они хотели причалить, как напали на них разбойники и все отняли, а самих связали. Кто-то из них знал о. Амвросия и сказал другим: – Что вы его вяжете? У него едва душа держится; келью его вода унесла, и у него ничего нет. Тогда пустили его. Он начал просить отдать назад фески, но те сказали, что уже разделили их. Потом стали требовать деньги от других отцов по 500 левов. Те согласились и поручили о. Амвросию поехать в скит и собрать деньги от их учеников. Когда он хотел уже вернуться, ему лодочник сказал: – Что ты делаешь? Разбойники тебя изрубят. Давай я отвезу. И так лодочник повез деньги на Амулиан и отдал их.

После этого у о. Амвросия кушать было нечего; но потом взяли его в Лавру послужить туркам, как хорошо знающего по-

турецки. Там служащие носили белые фартуки, почему их не трогали.

О старцах прежнего времени о. Амвросий сказал: – Когда я приехал на Св. Гору, тогда застал здесь поистине старцев и по самому виду, а особенно по их духовной опытности. Бывало, мы взглянуть на лице их не смели; а если взглянешь, то невольно смежишь глаза от сияющей в них благодати, и согбенно поникнув долу, проходили мимо их. Слово их было сильное, и поселяло благоговейное к ним уважение и страх растворенный любовью.

Старец о. Амвросий скончался 24 февраля 1871 года. Говорил до последнего и причащался часто. В последний день пришедший иеромонах нашел его остывшим и лежащим с закрытыми глазами, почему сочли его мертвым; но иеромонах, наклонясь, сказал на ухо старцу: – Открой уста! – и о. Амвросий открыл, и его причастили; но лишь проглотил, закрыл опять глаза, и душа его отлетела ко Господу.

Старец о. Виссарион – куцо-влах († 1884)

Родился о. Виссарион в 1809 году. На Афон прибыл в 1834 году вместе с родным братом, впоследствии духовник о. Зосима, живший на Катунаках, и поступил в Дионисиатский монастырь, где чрез 3 года получил постриг. Тут он жил 20 лет, а потом, по примеру брата, ушел на безмолвие и жил в разных пещерах. Однажды он поселился в сырой пещере, вроде свода, сделанного в земле для небольшого ключа, текущего из горы вверх Катунак; а когда Лавра узнала об этом, то распорядилась выгнать его, выставляя причину, что козлы и быки пугаются и не могут подходить к водопою, устроенному при пещере, завидев там человека. Потом он жил ниже Ксенофского скита в логе, а когда и оттуда прогнал его монастырь, то выпросил себе место между скитами св. Анной и Новым Скитом в камнях, где и слепил себе калибочку.

Родом о. Виссарион куцо-влах; ростом был весьма высокого, постоянный наряд его был: на низенькую камилавку, в роде скуфейки, накидывал прехуденькую, коротенькую намётку, – короткий, ветхий подрясник, а сверх его куртка с остатком удержавшихся овчинок, привезенная им из мира давным-давно, и которую он не скидал и летом. – Келья его самая маленькая. Рукоделием он был портной, но шил мало. Главное занятие его состояло в чтении, размышлении и умно-сердечной молитве. Знание им Священного и отеческих писаний было обширное.

Посетившие старца русские монахи в 1871 году попросили его вскипятить воду для чая; но оказалось, что кроме маленькой сковороды у него нет ничего. Тогда попросили напоить их духовным питием. Надо было видеть с каким воодушевлением говорил он; басистый его голос, и без того громкий, еще усилился: – Умной молитве, – говорил старец, можно научиться и в монастыре. Дело это нужное, но при опытном руководителе и с самопринуждением, со скорбью, но не оставляя и деятельных подвигов: поста, хождения в храм, поклонов и проч. И во всем надо держать строгое внимание. Хороши порядки в Руссике. Прежде Дионисиат превосходил все монастыри и там

были великие подвижники; они и теперь есть, но не те и не столько. Порядки вследствие изгнания мира между некоторыми братьями переменялись. Ныне Руссик превосходит с порядками, заведенными игуменом Герасимом и духовником Иеронимом; а потому храните их, и Христос со всеми Ангелами пребудет с вами. Он и теперь живет в вашей обители, только нужно внимание, чтобы Он не удалился. Надо чтобы братия жила в мире и согласии во всяком деле, иначе все разорится, как упали и большие монастыри, и все пойдет на разлад и как бы разольется из сосуда, так что после не соберешь, как бы не трудился кто. – Возьмите в пример семейство, общество, государство: то государство и сильно и крепко, где подданные единокорны и с одинаковою ревностью заботятся об общем благе, забывая или презирая свои личные выгоды; а где нет единокорных, то государство падает. Почему другие монастыри обеднели и упали? – от недостатка единокорных: там игумены сменяют один другого; кто захватил управление, старается покрыть свои насилия и утвердиться покрепче. – Я увещевал много раз многих из старших лиц этих монастырей, чтобы они молились, дабы Господь отдал все священные места на Востоке Русскому Государю; тогда и здесь на Афоне завелся бы порядок, и это необходимо для блага монашества; но они, привязавшись к своим личным интересам, не хотят молиться об этом. Но я им сказал: – Когда так, то слушайте: если вы не хотите молиться так, то хоть молитесь о том, чтобы Господь не дал Русскому Государю это святое место, а мы пустынники возденем руки свои к Богу и будем молиться, дабы Господь благоволил отдать все места православному Государю, и посмотрим чья молитва будет услышана Богом! – Знаю, что грехи наши не допускают чтобы мы находились под мирным и кротким правлением Русского Государя; но может быть умилосердится Господь и внемлет молитвам нашим!

О милостыни старец говорил: – Хорошо поступает Руссик, что раздает милостыню и снабжает неимущих; но то не хорошо, что дает открыто во вратах, потому что многие пустынники, услышав о раздаваемой милостыни, поднимаются и идут получать и для себя, и тем разоряют свое безмолвие. Надо в

тайне делать милостыню и рассматривать нуждающихся. Господом дана заповедь, и какая легкая заповедь! – а она первая воспоминается во втором пришествии Его: Приидите благословенные... (Матф. 25, 34). – Еще говорил старец: – Кто носит печаль в сердце по Богу, тот имеет дерзновение к Нему и душа его радуется; а кто имеет успокоение телесное, у того душа скорбит, а тело радуется!

Мы спросили старца: – Бывают ему искушения от людей или от бесов? Он ответил: – От людей нет, а от бесов... но они учителя наши – без них и добродетели нельзя совершить!

Старец о. Виссарион скончался в 1884 году.

Старец о. Иоаким – грек († 1889)

О. Иоаким, в миру Манолий, родился на острове Крите, епархии Сфатья, в селе Каликрате. Здешние жители издревле отличаются смелостью и удалством в грабеже, и считают за славу звание разбойника.

Манолия не учили грамоте, он не знал и молитв, и, обращаясь с сверстниками своими, естественно усваивал себе их пороки, и на 20-м году жизни вступил на путь разбойников. Из желания заслужить имя генерала (по его выражению) их, он не примешивался к шайкам прочих и удалял от себя даже тех, кои приходили к нему с намерением вступить в товарищество. При первоначальных своих действиях, еще как неопытный, он попадался в руки солдат и был заключаем в тюрьмы, откуда находил, однако возможность освобождаться. Когда разбои и грабежи его усилились, правительство сильно стало его преследовать, назначив немалую цену за голову его. Так провел Манолий 15 лет. Благий же Господь, не хотая, да кто погибнет, видя незлобивое сердце его, увлеченного только обычаем страны, устроил его обращение от погибельного пути. По каким-то обстоятельствам старший брат Манолия попал в тюрьму; об этом передали Манолию. Сжалившись над положением брата и особенно его семейства, он решился лично ходатайствовать за него пред начальством и себя предать вместо его. А так как в селе их были старшины из христиан, то Манолий отнесся к одному из них ночью за советом: предаться ли паше, или уйти куда? Старшина обещался переговорить с каймакамом и, придя, спросил: – Если мы поймаем Манолия, подаришь ли нам его? – Подарю! – отвечал каймакам. Старшина передал Манолию разговор свой и привел его к паше, который в свою очередь, уважая кайма-кама, даровал жизнь Манолию. Приход его удивил и изумил пашу, который долго не верил глазам своим, что это был Манолий, за голову которого назначена значительная сумма, и особенно тому, что он отдавался в руки его добровольно. Паша тронулся до слез и отпустил брата его и тут же предложил Манолию остаться при нем за жалование, на

что тот согласился. Оставшись, он служил то паше, то каймакаму попеременно, получая по 60 левов в месяц.

После 4-х лет пашу назначили в Солунь, и Манолий попросил взять его с собой, а через год паше нужно было отправиться на Афон, и с ним вместе поехал и Манолий. Тут на Св. Горе был тогда тот самый каймакам, к которому первоначально явился Манолий, и он просил его остаться в качестве сардара; но Манолий не согласился, считая долгом службы не оставлять пашу в дороге и возвратился в Солунь. Через неделю каймакам прибыл туда и выпросил его у паши как человека крепкого и храброго, подходящего для охраны Св. Горы. Манолий принял это за указание Божие, оставил невесту и поехал с каймакамом.

Целый год Манолий исправно служил на Афоне, обходя монастыри, бывая на праздниках для охраны порядка и проч. с другими сардарами. Потом каймакама назначили на другое место, и он предложил Манолию отправиться вместе с ним, но тот ответил: – Эфенди, позволь мне пожить здесь еще год, мне так хорошо. И каймакам ответил: – Поживи, поживи, – и уехал один. С этого времени начинается перелом в жизни Манолия. В сердце его стал раздаваться сильный зов Божий – отречься от мира и посвятить остальную жизнь покаянию.

В первый год страннической своей жизни Манолий от скуки, или по прежнему своеволию, или не вынося данного ему трудного епитимийного правила, решился уйти с Афона, но лишь только подумал это как почувствовал, что что-то привязывает его к Афону, и это повторялось каждый раз, как только являлось у него желание и решимость оставить Св. Гору. Три года Манолий ходил при каймакаме, но жалования уже не брал, а в четвертый год, проходя скит св. Анны, он остановился там и целый год прожил на кириаконе. Прошло 5 лет от прибытия его на Афон, и время наложенной епитимьи кончалось. Он чувствовал в сердце зов остаться, но еще боролся с этой мыслью. Он даже совсем решился оставить Афон, но это была уже последняя борьба с самим собою. До Хилендарского монастыря он шел с решимостью, чтобы более не возвращаться, но тут почувствовал такое душевное

смятение, что не мог ступить дальше, и повернулся назад, раздавая по пути все свои деньги. Дойдя до скита св. Анны, Манолий не пошел дальше. Дикей – Виссарион и прежде знавший его, сострадая духовному бедствию его, не только не стеснял его пребывать там, но оказывал ему всякое участие, и вскоре Господь помог ему обрести желаемое убежище.

За скитом на северо-запад есть в одной скале большая пещера, и это место так понравилось Манолию, что он решил, что если ему уже оставаться, то нигде кроме, как в этой пещере. Взявши благословение у старцев, он поселился в ней, приходя оттуда каждодневно на раннюю литургию. Монашества еще он не принимал, жил там пока мирянином.

Однажды он пришел в церковь перед литургией; тут в притворе собралось несколько братий, которые сказали ему: – Что же ты, Манолий, живешь между нами так. Пора тебе оставить мирскую одежду и облечься в монашескую! – Манолий уклонился от положительного ответа и взошел в церковь, а когда стал на месте, то услышал тихий внутри глас: – Что же ты медлишь, в самом деле, Манолий? Следуй советам старцев. Смотри, ведь ты уже старик, у тебя и борода седая, куда пойдешь? не видишь как промышляет о тебе свв. Иоаким и Анна с Материею Божиею? Смотри как они не пускают тебя, не хотят, чтобы ты удалился с этого места! – Выйдя из храма, Манолий сказал братии: – Я останусь здесь, принимаю ваш совет, только купите мне одежду и назовите меня Анною, дабы и самым именем всегда принадлежать скиту!

Старцы не удивлялись такой простоте Манолия, зная его прежнюю жизнь, а потому рассказали ему, что этого нельзя, а назовут его Иоакимом. На одежду же старцы сделали между собою складчину: дикей дал 10 левов, другие кто что мог, но сумма эта была недостаточна, почему Манолий отправился по некоторым монастырям попросить помощи, и купил все нужное. Потом его постригли, и так как окончилась его епитимья, то он мог приступить к причащению Св. Таин.

Пещера в которой жил о. Иоаким обширная, высокая, и можно сказать светлая, образовавшаяся в природной скале, но всегда холодная и сырая, тем более что она не защищена от

ветра и непогоды. Нет ни дверей, ни окна, при дождях она протекала, а при морозе протекавшие струи воды превращались в лед, а когда снег выпадал на скалах, то попадал и в пещеру и оставался там всегда долее, нежели на открытом месте. Огня он никогда не имел и одежды теплой не носил, а что было на нем – холодный подрясник и ряса, в том ходил и лето и зиму.

Прошло только 5 лет со времени пострижения, но за его решимость и произвольные злострадания Господь даровал ему дар смирения и умиления.

Со времени пострижения он все более и более приходил в страх Божий, и скитские отцы избрали его эклесиархом в гробничную церковь, куда он ежедневно до рассвета приходил и приготавливал все нужное для совершения литургии. После службы он убирал церковь, запирали ее и уходил в свою пещеру, взяв для себя кувшин воды. Будучи безграмотным, он знал наизусть все праздничные тропари и кондаки; но всего замечательнее в нем был дар умиления и слез. Сделавши о. Иоакима эклесиархом, скитские отцы положили между собою давать ему каждый день по хлебу. После литургии он отправлялся в одну из келлий, где получив хлеб и набравши кувшин воды, уходил; на другой день шел в другую и т. д. подряд. Насушенными из этого хлеба сухарями старец угощал всех, кто бы к нему ни зашел. Тотчас же по приходе кого-либо он поспешно доставал воду, наливал ее в ущербленную ченаку и накладывал туда сухарей, положит ложку и, сложа руки на груди, начинал просить, чтобы гость поел, и так умиленно, что будь кто сыт, не отринул бы такого искреннего его усердия.

У него был резной крест, подаренный ему кем-то по приезде его на Афон; на нем изображены с обеих сторон двенадесятые праздники в малом размере. В сквозные прорезы между ними он вложил много кусочков ваты, бравши их со св. мощей в каждом монастыре. По его живой вере от ватки этой разливалось в его пещере предивное благоухание, как от самых св. мощей. Крест этот был единственное его сокровище, которое хранил он в деревянном футляре. Когда кто приходил к нему, он, прежде всего, доставал крест, и предлагал

пришедшему помолиться, после чего он просил гостя приложиться к бумажной иконке Божией Матери. Затем предлагал сесть, а сам начинал хлопотать о угощении. При прощании же он непременно срывал травку, которая росла у него между камнями и давал на благословение от свв. Иоакима и Анны и Богородицы.

Он имел вид изможденный, чему, конечно, способствовал образ его жизни. Сам он говорил: – Прежде я ел и мясо и всякие кушанья, пил вино в изобилии, молоко же не хлебал ложкою, а пил, вместо воды, через край горшка, – а теперь Господь даровал мне эту воду и хлеб, и я нахожу, что это слаще всего, что я ел и пил в мире! Пустыня удивительно, как услаждает хлеб; дает ему особенный вкус, особенную сладость! Слава Тебе, Господи! Слава Тебе Господи! Как милостив Господь и какие Его дарования!

Он не стеснялся утвердительно отвечать на вопрос: – Отче, ты был Манолий разбойник? – Да, я самый, – я! Это чудо милосердия Божия, – чудо! У меня никогда не было и думки быть монахом, а смотрите, что сделал Господь! Турок, турок привез меня сюда! Чудо, чудо милосердие Божие!

В пещере у него ничего не было. На сыром, природою постланном полу, в углу, положено несколько старых досок, на которых он покоил преутруженное тело, постилая остаток шерстяного мешка. А чем наполнял длинные ночи в пещере, не зажигая огня, не зная грамоты и не занимаясь рукоделием? Найдя где-то две брошенных пустых тыквы, он положил в одну из них мелких камешков, а около нее поставил другую тыкву, полагая за каждым камешком земной поклон с молитвою Иисусовою. Эти камешки заменяли ему четки.

В прежнее время кое-кто, сжалившись над его бедностью, давал ему или рубашку или другую одежду, но он все это через малое время относил какому-нибудь пустыннику, или же полагал на дорогу по которой ходят одни пустынники, поступая так же и с деньгами, если кто давал их. Видя, что он не носил эти вещи, спрашивали у него: где же они, о. Иоаким неопределенно говорил, как бы не зная: – я оставил в пещере, но кто-то видно в отсутствие мое взял! – После этого, узнавши

его обычай, перестали давать ему; но надо заметить, что впоследствии он крайне нуждался в теплой одежде: пронзительный холод пещеры, сырость, а вместе и изможденное старческое тело оказали свое влияние на его здоровье, и он сам уже просил теплый подрясник, рясу и крепкие башмаки.

Деятельные подвиги его, кроме поклонов, заключались в том, что он по ночам очищал дорожки от камней, углаждая путь для всех кто ходит теми тропинками. Извилистые тропинки тянутся часто по сыпучему над крутым обрывом спуску, вследствие чего собрать с дорожки камень начисто невозможно, но трудолюбец собирал если не все, то хоть мешавшие ходить по тропинке, и из них же делал тропинку более ровною. Там же где часто насыпался камень на дорожку, почему и невозможно было ее угладить, старец повыше дорожки устроил из камней стены (бизюли), иногда одна за другой несколько над одним местом дорожки, чтобы задерживать камни. Главная мысль подвижника была та, чтобы не дать себе ослабы, а вместе по чувству искренней любви к отцам, облегчить им путь, чтобы они не затруднялись в хождении.

Обычай древний на Св. Горе на перепутьях и поворотах ставить кресты, чтобы пешеходы по ним знали, где нужно им свернуть и в какую сторону. В скиту св. Анны, по причине скалистой местности, дорожки разветвляются во множестве, – в каждое дальнее место, даже в каждую почти келью ведет своя дорожка. Местные жители привыкли к ним, но пешеходы других мест затрудняются нередко по причине множества пересекающих одна другую дорожек. О. Иоаким на каждом перекрестке и нужном повороте поставил кресты, утвердив их каменной каймой, довольно изящной. Таким рукоделием своим он значительно облегчил дорогу для ходящих там.

Пещера его расположена так: пустота мрамора образовалась продольная с севера на юг, – вход в нее с юго-запада; к входу ведет узенькая тропинка из скита с обходом. К востоку возвышается одна над другою скалы, к югу пещера заслонена склоном горы, а на севере – обрыв. Со стороны обрыва выложена стена из камней для защиты пещеры от

снега, который без этой стенки наполнил бы ее в зимнее время, что однажды и случилось, так что старца из под снега откопали другие. Впрочем стена эта не окончена, по причине высоты, на которую без подмостков нельзя было втаскивать камни, а потому над этой стеной остается большая отдушина, накрытая сверху нависшею над обрывом скалою и образующая род огромного слухового окна. При этой стене у старца наложены были доски, где он иногда отдыхал. При входе в пещеру он разобрал камни и натаскал земли, на которой посеял шалфей, васильки и еще какую-то пахучую травку, которую и раздавал на благословение приходящим. По пути в пещеру кое-где в расщелины камней повтыкал или виноградные лозы, или миндальные деревца, и утешался, видя их зеленеющими.

Раз, в разговоре спросили о. Иоакима: – Не вредно ли ему в такой сырой пещере и не боится ли он простуды? Он отвечал: – Чего же бояться? Если взять за одну руку св. Анну, которая держит руку Владычицы, то какая опора, какая крепость, какая надежда. Боязнь от врага, а мужество и радость от Господа и Божией Матери. Когда воины идут на брань, то вначале, точно, как бы имеют страх; но восприняв мужество и начавши брань, укрепляются в мужестве и одолевают врага. Тогда они получают награды, их делают капитанами и проч. Так и монаху должно быть. Слава Тебе, Боже, сколько дарований дал мне, Господь мой мне грешному. Я был разбойник, блудник, преступник всех заповедей Господних, а какими дарованиями наградил меня Господь. Какое у меня может быть лучше место жительства? я не знаю как мне и благодарить Господа и Пречистую Его Матерь за эту пещеру. Не раз являлась у меня после пострижения мысль походить по монастырям, помолиться перед св. мощами и чудотворными иконами, но как только взгляну на свою пещеру, то никак не могу расстаться с ней. Помысел тут же начинал говорить мне: Куда же ты пойдешь? Чего у тебя нет? Одежда у тебя есть, ты и не ходил за ней, тебе ее сюда принесли. Хлеб отцы дают, сиди на месте. Я как бы связанный, так и остаюсь, не могу пойти от пещеры кроме как в скит на литургию. Господь такую мне дает сладость в этой пещере, что если бы отдавали мне весь Афон, не мог бы пойти

отсюда. – Что же, старец, – спросили мы, – не холодно ли тебе? – Он отвечал: – Бывает, что и руки и ноги замерзают, так скорчит их, что и протянуть не можешь; но когда пройдет это, то чувствуешь себя в 7 раз здоровее, чем каким был до этого. Я вам скажу, братья, на Афоне говорят, что тут воздух вредный и вода, текущая по мрамору, и боятся этого. Страх от врага. Если Матерь Божия, Царица всей вселенной, а это дом Ее, и если Она промышляет о всем мире, то, конечно, несравненно более о Своем доме, то чего нам бояться? Для того, чтобы понять щедроты Божии, я не сделал и двери в пещеру; Она, Царица Небесная – Заступница всех, то как же нам то сомневаться? Да, страх от врага. Если переменить рубашку для того, чтобы она высохла, то ничего; а если страха ради, чтобы не простудиться, то никогда не верьте этому, потому что мы должны иметь веру ко Господу и Божией Матери и свв. Иоакиму и Анне, а не к переменяемой рубашке. Вот игумен св. Павла два раза приходил сюда и просил перейти к ним в монастырь, обещаясь дать все, что мне нужно, но я не могу. Потому одежда приходит ко мне сюда, башмаки тоже, хлеб есть, воды – слава Богу. Какое оправдание принесу, если пойду? Монах должен показать храбрость и мужество так, как на войне христиане с турками: из них выходят только храбрые победителями. Если бы они прежде не утвердили себя в решимости идти совершенно на смерть, то не могли бы иметь храбрости и мужества, не могли бы быть победителями и не сделались бы капитанами и генералами в награду. Так и монах в своем делании должен показать своего рода храбрость и мужество и, прежде всего, утвердиться на одном месте и хранить себя строго.

– Однажды, – продолжал он, – в феврале месяце мне пожелалось взойти на вершину Афона и спросил некоего монаха о дороге туда, но он так меня напугал, что я совершенно пришел в недоумение. Он говорил, что там и летом бывать опасно для здоровья от сильного холода, а зимой никто и не ходит. Но после я подумал в себе: Как это можно? Место это – Святая Святых. Возможно ли там повредиться, а тем более пропасть? Я, расспросивши дорогу у Хаджи-Георгия, пошел. С закатом солнца я добрался до вершины, взошел в

находящуюся там церковь. В ней был лед, но лечь усомнился. Помысел сомнения зародился во мне, как бы в самом деле не повредиться? Но тут же пришла мысль: Возможно ли? Здесь ведь Святая Святых. Ночью руки и ноги мои озябли крепко, но к утру я ощутил себя в 7 раз здоровее, чем когда пришел туда, и мог уже хоть 3 дня пребывать там. До сего времени я носил куртку, а после этого совершенно оставил ее. С тех пор я не стал уже бояться никаких страхований, зная, что страх от врага и от недостатка веры.

– Когда у меня есть одна вещь и дают такую же другую, то я одну отдаю, чтобы двух одинаковых не иметь, потому что я был разбойник, блудник и великий грешник, не могу иметь двух пар башмаков, двух рубашек или другого чего из одежды! – О получении милостыни старец говорил: – Я положил себе за правило никуда не ходить и ни у кого не просить, но если кто приносит ко мне, не отказываюсь принять и употребляю на поправку общей дороги, или на возобновление развалившийся бизюли больше же на неугасимую лампаду в гробничную церковь, а также прошу иеромонаха отслужить литургию. Но если бы случилось большое пожертвование, то я взял бы на себя весь расход гробничной церкви, т.е. просфоры, вино, масло, воск, ладан и проч. После сего старец Иоаким встал и принес показать 2 хлебца, рассказывая, что кто-то ныне дал ему эти и, показывая, воскликнул: – Чего мне еще? Слава Тебе, Господи! Пресвятая дает мне хлеб, чего же мне еще? Она всем меня снабжает!

– Вы не думайте, чтобы я исполнял что-нибудь монашеское. Сижу я здесь и пребываю в одном осуждении, чревообъядении и сне. Хоть рыбы и не хочу, но хлеба ем очень много, – а при всем том надеюсь на щедроты Божии, на покров Матери Божией, на свв. Иоакима и Анну, хотя я и недостойн!

Попущением Божиим и со старцем Иоакимом случилось подобное тому, что было с преп. Антонием. Враг нанес ему великое озлобление: после поправления дорожек накануне какого-то праздника, он шел ко всенощному бдению на кириакон. Вдруг явилось множество бесов, которые схватили его и бросили вниз по крутому кособору к морю. Старец,

перевертываясь, летел вниз и когда на ровном месте останавливался, то бесы снова схватывали и опять бросали далее, и таким образом, несколько раз перебрасываемый бесами по зубцам камней и через кусты, он докатился к самому морю. К великому удивлению он не потерпел никакого вреда. Скитские отцы начали уже собираться в кириакон. Не видя о. Иоакима и зная, что он всегда первый являлся в церковь, удивились и подумали: а жив ли о. Иоаким? и пошли осведомиться. В пещере не был, и стали искать повсюду, и наконец по голосу нашли его у берега моря. Потом решили собором не пускать его более в пещеру, и дали ему приют при гробничной церкви.

Перед праздником Рождества Христова 1888 года старец заболел, слег в постель и ничего не ел. От сего времени и до самой кончины он пробыл без всякой пищи, разве когда какой глоток воды вливали ему в уста. Голос его хотя и ослабел, но он еще мог говорить, и хотя с трудом, но можно было разбирать его слова. Наконец наступил четверток Светлой седмицы, канун храмового праздника его церкви во имя Живоносного Источника. Уже солнце приближалось к краю горизонта, еще минута, и оно совсем готово было спрятаться за него. Вдруг о. Иоаким воскликнул громким голосом: – Владычица моя, Владычица моя! – и с теми словами испустил свой дух в руки Господа своего, Которого так крепко возлюбил.

Старец Иоаким скончался около 80 лет от роду, прожив на Афоне более 25 лет.

Старец о. Евфимий – грек († 1866)

О старце о. Евфимии, к которому за советами обращались о. Антипа (валаамский) и игумен Нифонт, последний как его духовный сын по пострижению, подробных сведений не имеем. Узнали лишь следующее.

(Из записок о. Пантелеймона): Старец о. Евфимий был родом грек и родился в 1780 году на острове Имбро. В миру некоторое время служил учителем, но не будучи обременен супружескими узами, он рано стал помышлять о спасении души и решил вступить в монашество. Достигнув 30-летнего возраста, он отправился на Афон, и здесь поселился в скиту св. Анны у одного старца. По отзыву о. Нифонта в скиту он был как столп и опора.

За год до отхода в вечность, старец о. Евфимий был очень болен. Все имевшие с ним духовное общение приходили прощаться. Готовясь умереть, он как опытный подвижник говорил на прощание пришедшим: – Отцы, тщитесь всегда готовиться, дабы к этому часу не быть не готовым, ибо тогда уже ничего не можем сделать! – Говорил же это с таким воодушевлением, что все были тронуты и, видя с какою твердостью он вступает во врата смерти, получили великую пользу. Но от этой болезни старец не умер, а совершенно выздоровел. При жизни ему было откровение об умирающих, известное некоторым старцам. О важности того часа, когда душа исходит из тела, старец говорил так: – Если кто услышит об отшедшей душе, то где бы он ни был и чем бы ни занимался, пусть оставит все и молится об умершем. Хотя бы и сам крайне нуждался в молитвах других, хотя бы и правила своего еще не выполнил, но в этот час пусть забудет себя и всякое дело и молится о почившем!

Старец о. Евфимий имел особую любовь к Молдавскому скиту. Не находя возможности часто видеться со старцем, игумен Нифонт долго просил его переселиться к нему в скит, но о. Евфимий не соглашался, не желая оставить своего безмолвия. Бог же видя искреннее усердие о. Нифонта и его

братства, промыслием Своим устроил по их желанию. Игумен пригласил старца на освящение скитского храма. Старец отправился совершенно здоровым. Везде ходил по скиту, смотрел новые строения, бывал на всех службах и в трапезе, и через два дня он приобщился Св. Таин. После сего, придя в келью он находился в несказанной радости, от избытка которой начал петь тропари и стихиры, что показалось другим весьма необычным. Среди самого пения, старец предал дух свой Господу. Бывшие при этом думали про себя: какой странный у старца обычай петь вслух; а лишь он смолк, оглянувшись увидели, что старец уже скончался с выражением великой радости на лице.

Когда потом мы посетили келью Рождества Богородицы в скиту св. Анны, где жил старец Евфимий, мы просили его учеников, чтобы сказали что-нибудь из наставлений его, те со скорбью отвечали, что не могут передать этого, особенно с той силою и убедительностью, как говорил он: – О, если бы вы застали его при жизни и от него самого услышали слово. Нам нельзя его слов передать, ибо они имели благодатную силу и проникали в глубину души!

Старец о. Феофил «Агия Психи» – грек († 1870)

О. Феофила в миру звали Феодоритом. Родился он в 1777 году и по ремеслу был столяром, но больше он участвовал в судебных делах; какое бы дело у христиан с турками не случалось, всегда приглашали его, ибо турецкий язык он знал в совершенстве. Но познав суету, он прибыл на Афон и поступил в Руссик. Это было около 1800 года при игумене Савве, когда хотели приступить к копанию фундамента под здание нового монастыря при море. – Из Руссика Феодорит поступил к старцу в скит Кавсокалив, где жил 6 лет, а во время греческого восстания он уже жил в Новом скиту, где постригся в мантию с именем Феодосия. В схиму же постриг его духовник скита св. Анны, Иоасаф, наименовав его Феофилом.

Владея турецким языком, он и тут с успехом ходатайствовал перед турками за многих монахов, освобождая кого от смерти, кого от беды, поставляя не редко собственную спину за тех, о ком ходатайствовал. Видя его добровольное страдание, многие турки говорили: – Зачем он заступается за виновных, достойных наказания? – и советовали ему удалиться со Св. Горы. Но вольный страстотерпец готов был за ближних своих и живот свой положить. И в Солуне он заступался за афонских монахов, и многих выручал из заключения.

Имя «Агия Психи» он получил от скитян за необычайную доброту его и всеобъемлющую любовь ко всем. Его никак иначе не именовали, и многие даже не знали его настоящего имени.

От побоев турецких он стал совсем калекой: рука была перебита, спина избита и все тело изранено. Также спас он многих мальчиков от насилия турок, из коих один впоследствии был игуменом в Кутлумуше.

Во время греческого восстания у немногих оставшихся скитян было оскудение во всем и во первых в хлебе. Тогда питались каштанами и травой. В одно время приезжал чиновник от солунского паши, и «Агия Психи» сказал ему: – Доложи паше, что мы с голода умираем, – и вашим солдатам есть

нечего; пусть пришлет пшеницы! – и с того времени паша стал присылать хлеб.

Все боялись турок вследствие их жестокости, но «Агия Психи» имел особое к ним дерзновение и смело заступался за всех. Турки много раз уступали ему, но иногда и хорошенько его избивали. Когда паша узнал, что на Афоне осталось много мальчиков, он повелел забрать их; и забирали кого попало: и послушников и мирских – около 300 душ, которых и потурчили в Солуне. «Агия Психи» был там тогда и увидел их пред совершением над ними басурманского обряда. Он сказал паше: – Зачем ты забрал мальчиков? – Тот отвечал: – Наш пророк Магомет повелел, если какой христианский мальчик будет близ вас, то увещевайте его благими словами принять веру свою; а если мальчик будет из пленных, то это сделайте насильно! – Вот как наш пророк заботится о распространении нашей веры! – Ваш пророк ведет вас во ад, а вы слушаете его! – возразил о. Феофил. При этом один турок тотчас хотел убить его; но вдруг остановился и сказал: – Убить тебя надо, но нам жаль тебя и оставляем тебе жизнь; только ты оставь свое ходатайство за этих мальчиков!

Когда заключили в тюрьму в Солуни депутатов Афонских и других монахов, в том числе были 2 иеромонаха из Нового Скита – Иосиф и Герасим, то братья просили о. Феофила, чтобы он сходил в Солунь и попросил об их освобождении. Потерпев много на Афоне от турок, так что однажды даже выстрелили в него с досады, он не хотел было идти; но вспомня как страдают пленные, не мог удержаться, и от сострадания отправился туда. У паши он упросил отпустить двух этих иеромонахов; но когда пришли освобождать их, то многие другие там же заключенные стали со слезами просить о. Феофила, чтобы походатайствовал и об их освобождении, кланяясь ему в ноги и лобызая то место, где он стоял, называя его отцом и благодетелем. Бедственное положение их, их горькие слезы глубоко тронули его, и не смотря на всю трудность этого поручения, он отправился снова к паше. Господь ему помог, и паша тут же отпустил еще 23 человека.

Однажды на Афоне Биле-паша при других спросил «Агия Психи»: – За кого вы почитаете нашего пророка Магомета?

– Мы с ним дела не имеем, вы его знаете!

– А за кого вы Христа считаете?

– Иисуса Христа мы никак не считаем, а как Он есть: Бог истинный, сотворивший небо и землю, ангелов и человеков, море и все что мы видим своими глазами! – При этих словах с пашою сделалось что-то вроде обморока: он упал как помешанный. «Агия Психи» испугался, и скрестив на груди руки, ожидал неминуемой смерти. Бывший тут же сотник на коне выхватил меч и хотел сразить «Агия Психи», но в это время паша стал подниматься, и это отвлекло внимание сотника, который соскочил с коня и спросил у паши: – Что с тобою случилось? зачем вступаешь в такой разговор, когда чувствуешь себя бессильным? – Паша отвечал: – Я говорил со многими греками, но ни от кого таких слов не слыхал; это какой-то особый человек!

Можно бы было предполагать, что по окончании турецкого пребывания на Афоне, все получившие помощь от «Агия Психи», поспешат обеспечить его во всем до конца жизни. Вышло, однако, не так. Когда спросили его, зачем он живет в такой нищете, он объяснил это тем, что при восстании большая часть монахов разъехались в разные стороны и мало кто возвратился, а освобожденные им перемерли. Сам же он, имя калибу в Новом Скиту и делая рукоделие, почти никуда не ходит и, естественно, мало кто его знает.

В последнее время отняли у него и самую калибку. Это было вот по какому случаю: Когда скиты судились с монастырями за подать и пошли с прошением к патриарху с разъяснением дела, среди подписей старцев Нового Скита подпись «Агия Психи» была первая. Когда узнал об этом монастырь св. Павла, то продали его калибку и он остался ни с чем. Господь внушил принять в нем участие старцу кельи св. Иоанна Богослова о. Мелетию, и он дал ему приют в своей кельи и успокоил как родного старца, за что «Агия Психи» глубоко был ему благодарен.

Скончался старец в 1870 году.

Старец о. Аввакум – грек († 1875)

О. Аввакум, как помнит, прибыл на Афон 15-ти лет около 1790 года, но в монашество не поступил, а был лодочником сначала в Руссике, а потом перешел в Дионисиат, где жил до восстания греческого. Когда большая часть обитателей Афона спешили укрыться от турок, уехал и о. Аввакум на родину, на остров Скопелос, где и пробыл все смутное время. Там же он принял постриг от Каракальского игумена Николая. Возвратясь на Афон, он долго жил бесприютным по разным местам пока, наконец, сжалились над ним старцы Нового Скита, давшие ему помещение при гробнице в малой калибке, и теперь он считал себя успокоенным, хотя жил в сущем хлеве. Удивительно, как он проживал в такой темной, холодной, задымленной кельи особенно зимой, когда и Летом нужно было ему согреться на жгучем солнце; но он уверял, что не зябнет и ему всегда тепло. Видимо, что кроме одежды его, худой и ветхой, как он сам, он еще одевался обычной у подвижников одеждою терпения.

Снисходя к его старости, скитяне давали ему по хлебцу, и он довольствовался таким сухоядением десятки лет. – Надо же, – говорил он, – приготовиться туда – как явиться пред Господа; а здесь ничего не нужно; не ныне, завтра умрем и все останется, а вечность не изменяется. Туда нужно быть готовым!

При вопросе о его убогой кельи, он говорил: – Я думал было приобрести с помощью добрых людей себе калибку, но раздумал; на что оно? Умру скоро, и здесь вот у меня приют хорош!

Скончался старец о. Аввакум в 1875 году от роду около 100 лет.

Старец о. Паисий – грек († 1876)

О. Паисий родился в 1799-м году, и на Афон прибыл 17-летним. В скиту св. Анны он жил 30 лет, сначала при старце, а потом один. Туда приехал к нему племянник, который упросил старца перейти в Новый Скит, – место более сносное для трудовой жизни, и они поселились в кельи Успения Божией Матери, где племянник был пострижен с именем Кирилла. С ним он прожил 30 лет.

Рукоделием их было вязание камилавок и резание больших ложек. Однажды один русский монах зашел к ним и застал их на работе. Море подмыло стенку, она завалилась, и они клали ее снова, чтобы удержать землю, которую всякий дождь мог сносить в море. Когда он позвал их, то они поспешили придти, и прежде других пришел сам старец с легкостью юноши. Он был в таком наряде, что пришелец изумился, и подав полунагому старцу немного денег, взял с него слово, что он купит себе другую одежду.

Из рассказов о. Паисия: Перед приходом турок на Афон монастырь св. Павла совершенно опустел. Уезжая, старцы просили скитян присмотреть монастырь, обещаясь, что если отцы сделают что-нибудь в пользу монастыря, то по уходе турок монастырь освободит весь скит от дани, в чем дали скитянам расписку.

Во все время пребывания турок отцы служили им и в скиту и в монастыре и платили дань по 30 левов в месяц на каждого турка. Трудно и бедственно было, и в то же время они вязали фески и продавали, чтобы платить дань. Ели сухой хлеб, и то не пшеничный, а кукурузный или ячменный.

По окончании смутного времени, когда вернулись монастырские отцы, то спросили у скитян как они жили. Затем повторили свои обещания, только просили свою бумагу. Те без всякого сомнения вручили им ее. Через малое время монастырь наложил на скит дань гораздо большую, чем брали прежде. Скитяне думали было сослаться на их обещание, приводя и свои страдания и плату туркам дани за монастырь. Те отвечали:

– А вы зачем платили? Зачем тут остались? Мы вот уехали и не платили, то и вы так бы сделали.

После такой благодарности скитянам говорить осталось нечего, и как зависимые от монастыря они должны были повиноваться. У них хранились за 10 лет расписки за уплату дани; эти расписки они взяли в Константинополь когда судились скиты с монастырями, но там на это не обратили внимания.

Скончался старец о. Паисий в 1876-м году.

Старец о. Герасим – грек († 1880)

О. Герасим прибыл на Афон вскоре по окончании греческого восстания и поступил в монастырь св. Павла, где прожил 30 лет. Потом он испросил благословение у игумена на уединенную жизнь и поселился в калибке повыше Нового Скита.

Калибка его имела высокий забор с калиткой, при которой всегда стоял крест в знак того, что его нет дома; это для того, чтобы не нарушали его безмолвия. Для знавших его была протянута веревочка к привязанному в кельи колокольчику. Кто вызывал его посредством его, к тому он выходил, как пришедшему за каким-нибудь нужным духовным делом.

При выходе из монастыря он сделал вклад в 2000 левов, за которые монастырь обязался пожизненно давать ему сухари. По началу давали радушно и еще из одежды и обуви, но после и сухари давали с стеснением.

Рукоделие его было небольшое: изредка делал четки и отдавал их одному монаху для продажи в Карее, но сам он никуда не выходил и ни у кого не просил, почему жил стесненно.

На предложенные старцу вопросы он говорил: – Бывает время, что так бы и летел на небо; но бывает, что несколько часов накрывает такая печаль, что не знаешь куда деваться. В это время не можешь ни спать, ни молиться, ни читать, ни сидеть на месте, ни кушать, ни беседовать с кем. Такие часы очень тяжки и совершенно необъяснимы для того, кто сам не испытал этого.

– Иной раз бывает, что все члены болят так, что не можешь встать на молитву; но если в это время понудишь себя немного, то все это исчезает бесследно. Особенно если в это время прибегнешь к Матери Божией, то скоро ощущаешь помощь. Она всегда помогает. При расслаблении или случающейся такой боли членов нужна совершеннейшая решимость – до смерти, иначе не победишь. Живя одиноко, не смотришь уже ни на что: пришло время вечерни или другого молитвенного правила, то

что бы ни было, станешь с решимостью полною – Господь помогает.

Гостям хотелось вызвать его на более откровенный разговор о плодах его безмолвия; но он только поддакивал, а сам от прямой беседы уклонялся.

Старец, – говорили мы, – не трудно ли для проходящих безмолвную жизнь как ты, в таком месте, где нет вблизи проходящих ее, так как всем необходима взаимная откровенность и проверка своих действий?

Старец отвечал: – Да, трудно; но я хожу к о. Виссариону, живущему выше скита и с ним беседую; а исповедуюсь у здешнего скитского духовника Евфимия. – Но он, ведь, не знает сего делания? Старец отвечал: – Не знает, но откровение помыслов нужно, а для духовной беседы хожу к Виссариону.

– Бываемые у безмолвников изменения не у всех одинаковы. Св. Исаак Сирин пишет, что оно попускается только тонкоумным и простирающимся к видению. Он советует, что если видишь себя совершенно объатым таким состоянием, так что решительно не в силах ничего сделать, как мною было сказано, то укутай свою голову мантией и ложись спать пока пройдет этот час. Состояние это, испытывающая его душа, не может никому объяснить. Если сравнить с этим состоянием все труды и подвиги, и другое что-либо, то все это окажется весьма малым или ничего не значит. Впрочем, чем более попускается на человека подобное испытание, тем более он приходит в преуспевание, и ему уготовляются великие дары Божии. – У св. Исаака Сирина сказано еще, что подобное искушение бывает никак не более часу, – иначе бы душа погибла. Но после этого бывает благое изменение: человека посещает такая радость, что душа его пропитывается несказанным блаженством, как в сражениях бывает на войне, когда кто увидит, что дело его идет вперед, бросается, как бы победить всех своих врагов, не видя перед собою никаких препятствий, останавливающих его: он вкушает тогда горечь смертельного яда, а враги стараются неожиданно напасть на него. О, что бывает тогда? В душе его возгорается неукротимая ревность отомстить этим врагам не взирая ни на что!

Старец о. Герасим, добрый воин Христов, скончался в 1880 году.

Духовник о. Неофит – грек († 1872)

О. Неофит прибыл на Афон в 1809 году 37 лет от роду и поступил в Есфигменский монастырь, где жил 10 лет. Пожелавши потом совершенного безмолвия, он удалился в пустыню, поселясь под Афоном, где жил 20 лет. Поначалу поселился он на самой вершине Афона и думал, что может там жить, но не вынес суровой зимы. Оттуда спустился ниже, ходил по пещерам и, наконец, поселился в кельи свв. Архангелов в скиту Малой Анны. Здесь прожил 10 лет. По собственному его сознанию: там хорошо пребывал и питался духовными плодами уединенного безмолвия. Отсюда взят был на игуменство в Григориатский монастырь.

Однажды спросили его, по какой причине вышел из Есфигмена? – Оттуда удалился я потому, что меня за послушание посылали в мир; а выезжая я чувствовал, что повреждаюсь. Если бы не это, то и теперь бы жил в общежитии. Там хорошо и меньше брани, а в пустыне нужно бороться с более яростными врагами!

Монастырем он управлял 10 лет; но там, как и раньше, по обстоятельствам монастыря, необходимо было выезжать в мир, и это, как и еще некое нестроение в братстве, заставили старца оставить игуменство.

– Впрочем, – говорил старец, – я от юности имел желание к пустынной жизни, и это влечение имело свой перевес. Я удалился опять в скит св. Анны, где прожил 6 лет; но найдя, что телесные силы мои не соответствуют духовному моему влечению жить в том скиту, где нужно от берега носить на своих плечах всякие необходимые вещи, то перешел в Новый Скит в келью св. Харалампия, где живу с 1855 года.

В подвижнической жизни он был замечательный старец. К нему с полною доверенностью относились за советами.

По переходе из Григориата он имел средства достаточные для того, чтобы содержать себя, но в одно время, когда он уходил в кириакон на бдение, кто то из мирских украл у него все, что было у него. Это вынудило его послать своего ученика

Матфея по монастырям просить милостыню. С тех пор он терпел недостаток и между прочим говорил: – Жизнь в пустыне не без стеснения и не без лишений.

На вопрос посетившего его монаха он отвечал: – И в обители можно держаться внимательной жизни, только необходимо иметь опытного духовного руководителя, а с другими общения иметь как можно меньше, да и то с изведенными.

Столетний старец скончался в 1872 году.

Старец о. Анфим – болгарин († 1867)

О. Анфим родился в городе Софии и в мире был священником. По смерти жены своей, последовавшей около 1830 года, он удалился на Св. Гору, где вначале поселился в монастыре Симоно-Петре, и там принял монашество. С 1841 года он начал юродствовать, но по какой причине он решился проходить такой опасный и многотрудный путь духовной жизни, это осталось неизвестным. О. Анфим любил монастырь св. Пантелеймона, любил слушать русскую службу, а потому часто приходил в Руссик, а иногда и проживал в нем по неделе, и даже более. Любимый приют его был на паперти церковной.

О. Анфим всегда старался скрывать свою внутреннюю жизнь, показывая себя неразумным, часто говорил несвязанно, как бы бессмысленно, а иногда без церемоний и побранивался. Когда же замечал, что начинают понимать притчи его и изъявлять ему почтение, тогда, бывало, с намерением наговорит много смешного и уйдет в пустыню и безмолвствует там месяца 2 или 3, или скитается по вертепам и пропастям Афона, а потом опять придет в монастырь.

С самого начала его юродства, некоторые в Руссике обратили на него свое внимание и строго следили за образом его жизни. Он не вдруг начал проходить этот путь, но постепенно. Начавши юродствовать, лет 5 он носил обыкновенную одежду, не отказывался от общей трапезы и не скрывался долго в уединении. Но потом, время от времени, он как бы укреплялся и возрастал в самоотвержении, мало-помалу изменял одежду, начал носить худую, а потом и эту пренебрег, стал ходить полунагой, в суконном мешке, прорезав дыры для головы и для рук, и таким образом ходил везде; а после он мешок свой расшил и просто носил его на плечах, и потому его прозвали «чувальником» (от «чувал» – мешок). А в пустыне он и этого лишал себя и ходил вовсе без одежды.

Многие получали духовную пользу от него, смотря на сверхъестественное его терпение, а некоторые соблазнялись, считая его безумным. Он многих назидал, исправлял, ободрял и

обличал. Касательно жизни своей он был скрытен; очень немногие пользовались его откровенностью; но многие знали, что он имел высокий дар прозорливости.

В последние годы своей жизни он хотя и нередко приходил в Руссик, но внутрь монастыря не всегда входил, разве когда уже понудят его убедительною просьбою; а постоянный приют его был за монастырем в кухне или в трапезе работников, где он в холодное время обогревался и подкреплялся пищею. Монаху, служившему там в должности трапезного, поручено было от настоятеля принимать старца и покоить его. Монах этот, с должным усердием исполняя это служение, приобрел у о. Анфима особенное доверие и мог узнать отчасти сокровенные его подвиги. О. Анфим имел от Бога великий дар – продолжительно поститься, что он хотя и скрывал тщательно от всех, но иногда, по обстоятельствам, без намерения и как бы нехотя, открывал свои подвиги и благодатные дарования, коих был сподоблен. Так, однажды, в Петров пост, старец пришел в Руссик очень изнуренный; монах служивший ему принял его с радостью и предложил ему трапезу. Старец начал есть, а монах ходил по трапезе взад и вперед, изредка посматривая на него. Старец, как бы не обращая на него внимания, продолжал есть более обыкновенного; это соблазнило трапезного монаха, он начал мысленно осуждать старца за то, что такой сухой и изможденный монах так много ест! Смутившись от таких помыслов, он с досадою ушел из трапезы. Старец, окончив обед, вышел из трапезы и сел у дверей ее. Увидев соблазнившегося приятеля своего, он пригласил и его сесть и, взяв его за руку, спросил: – Ты брат знаешь ли что значит смиренномудрие? – Монах, по скромности, отвечал ему: – Не знаю! – Тогда старец сказал ему: – Смиренномудрие в том состоит, чтобы не осуждать никого, а самого себя считать хуже всех. Вот ты сейчас соблазнился и осудил меня, что я много ел; а того не знаешь, сколько дней я не ел?

Вспомни, когда я у тебя был и ел. Монах отвечал ему: – Помню, отче, что ты был у нас в Вербное Воскресение, а с тех пор я не видел тебя. Старец сказал ему: – Видишь ли сколько дней я не ел? А ты еще осудил меня, что я много ел. Брате,

Божии дарования различны; всякому дано что-нибудь от Бога. Вот мне Бог дал силу терпеть голод и стужу. Можешь ли ты стерпеть, сколько я терплю? Попытайся, сними с себя одежду, и обнаженным пройди со мной хоть до соседнего монастыря. Вот ты хоть певец, а как поешь Богу? Мысли твои находятся более на стороне, в рассеянности, а послушай как я буду петь. Старец, подняв руки к небу, с крепким стенанием запел «Аллилуйя», и слезы ручьем полились из глаз его. Трапезный пришел в ужас и заплакал. Потом старец сказал ему: – Вот, брате, не осуждай никого, ибо ты не знаешь, кому какое дано дарование, а себе больше внимай. Брат поклонился старцу и попросил у него прощения. С того времени старец сделался откровеннее со своим приятелем.

Другой брат однажды соблазнился поступками старца и сказал в душе своей: – Какой он прозорливый? Разве прозорливые так много едят? Старец, прозревая его мысли, подозревал его к себе и сказал: – Ты, брате, хочешь быть монахом, а мысли твои все в России; ты пойдешь туда, исполнишь свое желание. но опять возвратишься назад, и тогда духовник удостоит тебя монашества. Слова старца исполнились во всей точности. Названный брат смутился помыслами и, оставив обитель, отправился в Россию, но через год опять возвратился на Афон, и удостоился пострижения в монахи.

Служивший старцу монах, имел к нему великое уважение, как к святому; но в то же время боялся высказать ему свои чувства признательности, зная, что он не любил похвалы. Однажды трапезный принял пришедшего к нему старца, посадил его и предложил ему трапезу, а сам из уважения к нему не хотел сесть рядом; но, чтобы не дать заметить этого стал ходить взад и вперед по трапезе. Старец молча ел и с улыбкою поглядывал на ходящего взад и вперед брата. По окончании трапезы, о. Анфим, встав из-за стола, сказал: – Добре, добре, брате, стой; Господь да поможет и укрепит тебя. Один из иеромонахов рассказывал, что, соскучившись по отечеству, он однажды принял мысль оставить Св. Гору. Когда он об этом думал, вдруг вошел в келью о. Анфим, чего прежде не бывало, и сказал ему: – Божия Мать послала меня сказать тебе, попе,

чтобы ты не ходил в Россию, а если выйдешь из пустыни в мир, то впадешь в грех.

В одно время о. Анфим безмолвствовал на высотах Афона довольно долго. Брат служивший ему, привыкши утешаться беседами его, не видя его долгое время соскучился по нем и молил Бога, чтобы Он внушил старцу придти к нему для духовного утешения, и притом размышлял: – Может быть, теперь мой старец в пустыне от подвигов изнурился, – я бы его утешил пищею и чаем попоил бы его. На другой день, утром, старец пришел к своему другу и, увидав его, с улыбкою сказал: – Вот, по желанию твоему я пришел из-за Афона; устал и ноги избил о камни; стоит ли такого труда твой чай? Брат удивился его прозорливости и испросил у него прощения за труд.

Нередко о. Анфим утешал друга своего в скорбях и ободрял своими советами; а иногда, провидя его погрешности, обличением исправлял его. Так, однажды, на этого брата напала тяжкая печаль и скука, и он, не зная чем от нее избавиться, молил Бога, дабы Он для утешения его послал к нему о. Анфима. По прошествии нескольких часов, является к нему старец. Скорбящий брат, увидев его, обрадовался и спросил: – Как это ты, отче, явился во время нужды моей? Старец улыбнулся и ответил: – Ты желал видеть меня и просил о том, – вот я послан к тебе.

Однажды, накануне 1-го октября, когда в Руссике совершаемо было всенощное бдение в честь Покрова Пресвятой Богородицы, о. Анфим прибежал в монастырь, усталый и едва переводя дух. Встретив знакомого своего брата, он сказал: – В эту ночь я находился близ Зографа в пустыне и молился, стоя на камне. Во время молитвы я увидел Матерь Божию, сходящую с неба в ваш монастырь; я обрадовался этому явлению и поспешил сюда, чтобы застать Ее здесь, да покроет Она и меня грешного, вместе с прочими Ее рабами Своим покровом. Но лишь только я тронулся, чтобы бежать сюда, как вдруг явилась змея, с яростью бросилась на меня и крепко укусила в ногу; но я догадался, что это препятствие, по попущению Божию, сделал мне враг, чтобы таким образом лишить меня духовной пользы и утешения, а потому я не

обратил на это внимания и пустился бежать к вашему монастырю. Брат осмотрел ногу его, пятка его уязвлена была глубоко и кровь текла из раны. Великая любовь старца к Богу делала его нечувствительным к страданиям телесным.

В 1862 году на Афоне была холодная и снежная зима. В это время о. Анфим на высотах Афона в глухой пустыне жил в дупле. Снег выпал большой и совсем завалил его, так что ему невозможно было выйти оттуда. 46 дней он пробыл там без хлеба; тогда как прежде в зимнее время он более находился при монастыре. Старцы Руссика, узнав, что в такую холодную и снежную зиму нет у них о. Анфима, начали беспокоиться о нем, не замерз ли он в пустыне? По прошествии 46 дней, старец пришел в монастырь в полном изнурении с обмороженными лицом и руками. Скорбевший о нем брат, неожиданно увидев его, от радости воскликнул: – Ах, отче, это ты? а мы уже вовсе отчаялись видеть тебя. Где же ты был это время? – В дупле сидел! – с улыбкою отвечал старец. – Что же ты там ел, отче? – спросил его брат. – О, брате Викторе, сколько я там от бесов и от холоду пострадал, об этом токмо один Бог весть; я уже отчаялся было и в жизни своей; но св. Иоанн Креститель явился мне и избавил меня от смерти!

В одно время старец месяцев 5 не приходил в Руссик. Старцы беспокоились мыслью: не оскорбил ли его кто? Духовник о. Иероним знал одного безмолвника, с которым о. Анфим был откровенен, и попросил его, чтобы он отыскал старца и узнал у него о причине такого долговременного непосещения Руссика. Увидев о. Анфима, тот спросил его: – Отчего он перестал ходить в Руссик? – Старец отвечал ему: – Покуда не прославляли меня там и не считали святым, я ходил, а теперь ходить туда для меня не только не полезно, но и вредно. В последний раз, когда я был там, один иеромонах упал мне в ноги и сказал: – Помолись, отче святой, о мне грешном, да спасуся твоими молитвами! – Только я отошел от него, как другой иеромонах с такою же просьбою обратился ко мне. Вот видишь – можно ли мне теперь ходить к ним? Хотя я люблю этот монастырь, но с этого времени посещать его буду реже, потому что там считают меня святым!

Однако и после этого о. Анфим приходил иногда в Руссик, но внутрь не входил, а посещал его как бы тайно; гостил у служившего ему приятеля за монастырем. С ним и беседовал обо всем и даже открывал ему некоторые свои тайны. Однажды, старец пришел и была предложена трапеза, после которой старец сказал: – Св. Иоанн Милостивый вчера посещал ваш монастырь. День этот был воскресный, по обычаю в монастырь пришло много пустынников, и все были накормлены и наделены хлебом и милостынею.

О. Анфим постоянного жилища нигде не имел, но вся Афонская гора была его жилищем. Он ходил по всем монастырям и скитам и по всем местам вокруг горы; но чаще всего посещал Руссик. В последние годы жизни, он жил около Зографа, часто приходил трудиться на постройку монастырскую, носил камни и воду. В августе 1867 года великий подвижник в последний раз посетил Руссик, вошел внутрь, прямо в гостиницу и долго здесь беседовал с своим знакомым братом, поучал его, как побеждать лукавые помыслы и страсти, и наконец прямо сказал ему: – Я уже более не приду к вам, ибо скоро умру!

В конце ноября месяца того же года он пришел в Зограф и заболел здесь. Его поместили в больницу, в которой он пролежал 12 дней. Декабря 9-го дня, о. Анфим оставил многотрудную жизнь и с миром преставился ко Господу.

Игумен о. Савва – грек († 1821)

В начале 19 века монастырь св. Пантелеймона, Руссик, населенный в то время одними греками, пришел в полное разорение, почему в 1803 году Священное Собрание, Кинот, решило исключить монастырь из числа Афонских монастырей, и обратились с соответствующим прошением к вселенскому патриарху. Но патриарх Каллиник решительно отверг это представление и, наоборот, предписал неотложно позаботиться о приискании опытного старца духовной жизни, которому можно было бы немедленно поручить восстановление обители с учреждением в ней общежития. Принявши волю патриарха к исполнению, Священное Собрание избрало и поставило на вид патриарху престарелого иеромонаха Ксенофского скита о. Савву, с таким мнением со своей стороны, что этот старец осуществит эту задачу. Патриарх благословил, и так о. Савва стал строителем Руссика без его добровольного согласия, и даже без ведома его. Троекратно о. Савва отказывался от этой должности, но в четвертый раз выслушивая предписание патриарха, грозившего уже судом Божиим заслушание, о. Савва потерял присутствие духа, и повиновался. Вскоре пришло повеление патриарха явиться к нему для личных объяснений. Неожданность такого повеления патриарха сильно возмутила сердце смиренного старца. Не трудов и хлопот путевых он испугался, но весьма тяжела была для него мысль, что смерть может уложить его вне Афона. Слабость сил и самые лета старца справедливо тревожили мысль его подобною боязнью; но делать было нечего, – и он повиновался.

Быстро пронеслась молва между верными в Константинополе о прибытии к ним знаменитого отшельника Св. Горы, которого многие там лично знали. Впрочем, дня два никому он не показывался, отдыхая после тяжелого пути, и только на третий день, в сопровождении ученика своего, опираясь на скромный иноческий посох, явился он в патриаршую палату. Окруженный синодом, патриарх едва только увидел старца, встал с своего места и прежде, нежели

тот успел подойти под благословение, потребовал к себе омофор и мантию. Вслед за тем начался молебен; в умиленных прошениях патриарх призывал благословение свыше на благое начинание о. Саввы и молил Бога, да Сам Он, судьбами Своего Промысла, благопоспешит ему в этом деле. После молебна о. Савва хотел целовать руку святителя старца, но тот был столь смиренномудр, а вместе и уверен в духовности старца, что сам взаимно поцеловал его руку. Это чрезвычайно смутило старца, и он залился слезами и плакал, как дитя.

Для сборов подаяний о. Савва остался на 4 года в Константинополе. В это время он познакомился со многими благочестивыми греческими семействами. В одном семействе передали о. Савве о молодом родственнике купце, что он имел случай познакомиться с приставниками султанских гаремов, и доставлял обитательницам их всевозможные товары. Вместе с этим он вошел и в другие связи с этими затворницами, от чего и посещал их ежедневно. Родственники его, рассказывая об этом о. Савве, говорили, что если узнают об этом, то изрубят его в куски; почему и просили его о том, чтобы он своим участием избавил бы его от этой страсти. О. Савва полный веры в благодатную помощь Божию через посредство Святых Таин Тела и Крови Христовых, приступил к делу. После долгих и тщетных уговоров сластолюбца – оставить греховные связи с магометанками, о. Савва наконец предложил ему со своей стороны легчайшее условие, обещаясь не беспокоить его и не отвращать от его греховного дела; он попросил его только один день не ходить в гаремы, попоститься, обещаясь прочитать ему разрешительную молитву и приобщить Святых Таин; – а потом де можешь опять туда идти! – Бедный грешник, тяготевший к своему греху, как железо к магниту, с трудом согласился, частью быть может и от стыда пред старцем и пред своими родственниками, а более потому, что мудрый старец и не отвлекал его от греха, а только просил потерпеть один день.

Попостился, выслушал разрешительную молитву и приобщился Святых Таин невольный покаянник. За столом о. Савва сначала слегка предложил ему, что если бы он и сегодня

не пошел в гаремы, то он и завтра бы приобщил его. Не видя соизволения, он стал убедительно просить его об этом, опять обещаясь по приобщении дать ему волю грешить, или не грешить. Получив согласие, он приобщил его на тех же условиях – и в тот день не ходить в гаремы. Также приобщил его и в третий день. – Видимо благодать Божия, по живой вере старца и за молитвы его и родственников, производила свое дело. Грешник умягчался сердцем и мало-помалу начинал чувствовать в себе охлаждение пылавшей в нем страсти. Таким образом о. Савва продолжал свое дело и приобщал его в течении сорока дней! Наконец, приобщив его в последний раз, о. Савва говорит ему: – Ну, теперь довольно; – теперь ступай куда хочешь, хоть туда в гаремы, я не удерживаю! – но в душе этого чело-века случился переворот: – теперь пусть изрубят меня на куски, – отвечал он о. Савве, – я ни за что на свете не соглашусь идти туда, куда прежде так неудержимо стремился!

Таким образом Многомилостивый Господь, не хотящий смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему, взыскал Свою заблудшую овцу.

Об этих пастырских трудах о. Саввы в Константинополе передал очевидец – ученик его, архимандрит Прокопий, умерший в 1848 году.

Когда старец собрал довольно подаяний, он вернулся на Афон и начал строить обитель на берегу моря. Скончался он в 1821 году.

Игумен о. Герасим – болгарин († 1875)

Преемник о. Саввы в Руссике был ученик его Герасим. Он родился в Македонии в 1770 году.

(Из записок инока Парфения): О. Герасим в 15-летнем возрасте поступил в монастырь Косфенит, и более 50 лет (1840) пребывает в монашестве. Имеет удивительный дар рассуждения. 200 человек у него духовных чад, и всеми управляет, не властительно, но отечески, – кого наказывает, кого наставляет, кого со слезами увещевает, и всех любит, яко отец чадолюбивый. Никогда у него келья не затворяется, яко лечебница. И вся братия, духовные его чада, здоровые и болящие, спешат к своему пастырю, к духовному своему врачу, и открывают и показывают ему душевные свои раны. Он же, яко искусный врач, всех лечит и отпускает из кельи своей здоровыми, и каждый исходит в радости и веселии и поспешает на свое послушание. Он же, проводивши всех, и сам исходит из кельи. Прежде посещает больных, потом обходит все кельи и посещает всех рабочих и рукодельщиков; потом исходит вне монастыря и посещает всю братию, труждающуюся на разных послушаниях, и сам с ними трудится. И так препровождает дни в беспрестанных трудах. На труд братию никогда не понуждает, но еще удерживает, и часто приказывает отдыхать. В церкви всегда является прежде всех. Иногда взойдем в церковь, еще из братий нет ни одного, а игумен уже стоит на своем месте. Пищи, кроме трапезы общей, не употребляет. Часто в трапезе говорит изустные поучения, и дает братии наставления, а иногда и обличает братские немощи и недостатки; но имя ничье не объявляет, а только дает понимать. А говорит всегда со слезами и с отеческою любовью, и всю братию приводит в слезы. И смотрят на него вся братия, как на ангела, и повинуются ему, как Богу, и трепещут его, как царя, а любят его, как отца. И доверили ему свои души и тела, как врачу и пастырю, и руководителю в Царствие Небесное. И не только одни его чада почитают, но и вся Афонская гора его ублажает, яко строгого хранителя общежительных иноческих уставов.

Упомянем вкратце о том – как старец Герасим поступал с братией Руссика, как немощных немощи носил, гордых подвижников смирял, разрушающих общежительные уставы и своевольников из обители изгонял:

В одно время пришел в обитель монах Авраамий, русский, с Дону, из господ, прежде живший в Ильинском скиту, и начал проситься в обитель жить; а ходатайствовал за него духовник о. Иероним. Просился он с тем, чтобы приняли его капитал в 20.000 левов, а на послушание не посылали. Игумен спросил: – Что же ты будешь делать! – Он отвечал, что будет Богу молиться. Игумен сказал: – Хорошо, я этому радуюсь. Ежели у меня вся братия согласилась беспрестанно молиться Богу, то я ни одного не послал бы на послушание; потому что настоящее дело монаху есть молитва, а прочее есть поделение, данное для препровождения времени и во избежание уныния. Но ежели бы не было послушания, то бы у меня в обители не осталось 20 человек; а теперь, когда есть послушание, имеется 200 человек; потому что каждому весело и радостно на послушании общем. Есть время помолиться, и есть время потрудиться; есть время вкушать пищу, и есть время спать; потому что каждый имеет плоть и кровь. А кто любит Господа от сердца

своего, тот может беспрестанно молиться умною молитвой, которой телесные труды не препятствуют, даже вспомоществуют. Ежели и ты так можешь молиться, то я тебя прииму, и упокою и без денег твоих; их отдай куда знаешь. А ежели так молиться не можешь, то нам и деньги твои не нужны. Мы в монастыре живем, – деньги не собираем, а души спасаем. А хотя кто и деньги принесет, – мы не отринем, и употребим их на монастырскую нужду, но только тот должен повиноваться всем общежительным уставам, и отсечь свою волю; а мы сверх силы ни на кого ничего не налагаем, а только кто что может понести. Столько был старец игумен Герасим нестяжательным и рассудительным.

Еще случалось тому подобное: жил в обители один монах, уже постриженный в мантию, родом грек. Он отдал большую сумму денег в обитель, но еще и себе оставил немного. Игумен ему говорил: – Если хочешь с нами жить, то у себя ничего не

оставляй; это теперь в твоей власти. А если тебе их жалко, и не хочешь с ними расстаться, то и ничего не давай, а сыщи такое место, где можешь с ними жить. А если ты утаишь, и после смерти окажутся, то они брошены будут с тобой в могилу, и ты, как разрушитель общежития, не сподобишься братского поминовения. Он ответил: – Отче, святой, что имею, то все отдаю. Игумен принял его, и потом постриг в схиму. Монах был очень смирен и кроток, и полезен для обители, как хороший мастер и столяр, и братия очень любили его. Но игумен провидел таящегося в нем змея сребролюбия, и часто его призывал и увещевал со слезами, чтобы объявил свои деньги. Он же в закоснении говорил, что больше не имеет. Игумен, видя его закоснение и погибель души приближающуюся, захотел его исправить. В один день при всей братии приказал некоторым из братии выгнать его из обители с бесчестьем, и выбросить все его имущество, и выдал ему его деньги. Он денег не взял, и сказал, что деньги пожертвованы на обитель вечно. Братия о нем очень сожалели и слезно скорбели, что игумен без милости наказал такого смиренного человека. Монах вышел из обители и нашел себе товарища, и купил келью. Заплатил 4000 левов, а 2000 употребил на постройку. Тогда вся братия уразумели почему его игумен выгнал из обители. Но когда он купил келью, и деньги все издержал, то напало на него уныние, и больше не мог жить на кельи, и отдал ее товарищу, а сам пришел в монастырь и стал просить вратаря, чтобы доложил игумену, что хочет просить прощения. Вратарь сказал игумену. Тот, услышавши, выбежал сам, принял его в свои объятия и сказал: – Все твои деньги истратил, не осталось ли еще? Он же со стыдом и со слезами ответил: – Прости меня, отче святой, что согрешил перед Богом и перед тобой. Теперь больше ничего не осталось, кроме грехов моих. Игумен сказал ему: – И теперь радуюсь, что Господь тебя очистил; теперь и ты будешь монах. и дал ему келью.

Вообще старец Герасим каждый день почти делает дела удивления достойные: он знает кого как наказывать, и кому простить немощи.

Игумен Герасим преставился в 1875-м году 105 лет от роду.

Духовник о. Макарий – грек († 1859)

О. Макарий, в мире Манассия, родился в Румели в местечке Заркост от родителей Фоехарис и Стамули. Отец его занимался хлебопашеством и размежевкой земли, и хотя он не имел научной подготовки, но практически достиг надлежащей опытности в этом деле. Мать же ткала полотно. Манассия помогал по хозяйству, но, достигши 20 лет, отправился в Константинополь и поступил там к одному купцу. Как-то Манассию увидел Лаодикийский митрополит, который предложил ему отправиться с ним в епархию, обещаясь заняться его образованием. Манассия согласился на это, и три года прожил он с митрополитом и усвоил от него не только изучаемые науки, но приобрел познания и в духовной жизни. Слушая рассказы о Св. Афонской Горе, он почувствовал влечение лично посетить Св. Гору, и по благословению своего владыки, Манассия прибыл на Афон в 1804-м году. Побывав всюду, он остановился в скиту св. Анны и решил остаться здесь. В то время подвизался там известный духовник Мефодий, и к нему обратился Манассия, попросив совета, и тот, поговорив с ним, послал его в келью Трех Святителей к отцам Венедикту и Неофиту.

Достозамечательность этой кельи заключается в том, что она от построения ее никому не продавалась; существует сотни лет, и всегда переходила преемственно от старца к ученику. Блаженной памяти старец Иларион грузин говорил: – На этой келье три Иерарха сии чудодействуют. Там всегда жили великие подвижники, и все достигали глубокой старости.

Между ними замечателен старец Анастасий, родом из древней, благородной семьи, который по прибытии на Св. Гору поступил на эту келью к старцу, славившемуся духовной опытностью. У старца было 7 учеников, для которых келья была тесна. Анастасий предложил старцу распространить келью и церковь за свой счет. Старец отвечал: – Если ты истратишь свои деньги, а после не понесешь нашей жизни и захочешь уйти, то у меня нечем возвратить тебе. Анастасий успокоил старца и, взяв

благословение, нанял мастеров и построил келью и церковь. Пожив свыше 100 лет, старец скончался и оставшиеся ученики разошлись. Остался один Анастасий, подвизаясь о Господе как он был научен от старца. К нему поступил ученик, в постриге Каллиник; потом другой – Венедикт. После 60-летнего пребывания на Афоне старец Анастасий переселился ко Господу, имея свыше ста лет от роду. О. Иларион грузин слышал от древних старцев, современников о. Анастасия, что тот имел великие подвиги и был осенен благодатию. Ученик Каллиник умер еще при старце, и остался о. Венедикт, который был подражателем подвигов его. Он был родом болгарин. К нему пришел Неофит, потом и Макарий, которые жили с ним до конца. Старцы Венедикт и Неофит были простые, неученые, но добродетельные монахи, проводившие внимательную аскетическую жизнь, и Манассия оказывал им послушание до полного самоотречения. Через год по поступлении Манассии, старцы, видя его благонравие, страх Божий и послушание, сказали ему: – Хочешь ли пребыть с нами до кончины? Тот ответил, что ради того он и пришел к ним. – Мирен ли ты духом? – Мирен и радуюсь, что Господь привел меня к вам, – отвечал тот. Тогда они постригли его и нарекли Макарием.

С принятием монашества о. Макарий еще с большею ревностью стал проходить послушание, не щадя себя. Одежду носил самую ветхую, пищу ел, самую худшую, и если получал уже испорченную, то употреблял ее без всякого ропота. Живя на Афоне, он никогда не имел у себя денег. На пятом году своего монашества, в 1809 г., о. Макарий был рукоположен во иеромонаха, и стал совершать ежедневно литургию. Вскоре старцы приняли к себе другого послушника, которого при постриге называли Нектарием.

В скиту св. Анны жил и скончался вселенский патриарх Дионисий, который положил порядок скитской жизни, между прочим то, чтобы хоронили всех не по кельям, а на общем кладбище при кириаконе; также, чтобы не имели мулов, ни ослов, а носили все на своих плечах. Это последнее последовало вследствие явления Ангела одному послушнику, который, утомясь под тяжестью ноши, подумал: – Будет ли за

такой труд какое воздаяние? – тем более, что для себя трудился, для своих нужд. Вдруг услышал голос: – Труд этот и пот сравняются с кровью мучеников, а за каждый шаг получают трудящиеся отцы воздаяние! – С тех пор соборно положили, по совету Патриарха – не иметь мулов и ослов, а все на себе носить. Кроме того патриарх укорял тех, кто при своих кельях посадил виноградник; – За это, – говорил он, – наложат на вас дань.

Мирно текла жизнь о. Макария, но над Афоном уже собиралась гроза. Греческое восстание вспыхнуло в 1821 году; но еще за год до него начались беды: в ночь с 1-го на 2-ое сентября 1820 года на скит налетел тайфун. В это время о. Макарий служил литургию. Вода вливалась в окна церкви и едва не унесла келью со всеми ее обитателями. О. Макарий взял чашу и крепко держал ее в руках. Вода сбегала, смыв с собою кости почивших старцев, захороненных с наружной стороны храма под алтарем в углублении, и разорила две стены.

В то страшное время, когда кровь христианская лилась рекой от изуверства турок, большинство монахов решили уйти с Афона. 6 декабря 1821 года при приближении турецкой армии к Афону. Кинот предоставил всем право уезжать, кто куда знает, спасая жизнь и святыни. Старцы Венедикт и Неофит, видя как покидают Афон монахи, благословили своим ученикам скрыться на время возмущения, а для платы при переезде, дали им свои рукоделия. О. Макарий, не уверенный, что выдержит испытание, если случится попасться в руки турок, решил на время расстаться со Святой Горой.

Во время пребывания турок на Афоне, скитские отцы служили им по очереди: мыли белье, носили дрова, варили кушанье, и все делали, что требовали турки. Например, они заставляли скитских отцов караулить скит по обе его стороны ночью, а сами спали; и лишь караульщик услышит что-нибудь, должен был будить турок; в связи с этим бывали забавные случаи. Кроме того, скитяне платили еще дань по 25 левов с человека в месяц. В первые два года не было хлеба и взять его было негде. О. Констанций говорил: – Два года мололи траву,

дикий укроп и сухие каштаны, и все это замешивали, прибавляя немного муки, из чего и пекли хлебы. Через два года турки стали привозить хлеб из Солуни. Вследствие такой бедности скитским отцам не под силу было платить дань, за что они были посажены в Лаврскую башню, в том числе и о. Неофит. О. Нектарий пошел выручать его, но и его посадили. Потом выручил всех о. Констанций; потому что он хорошо знал по-турецки.

В то тяжелое время, когда турки безнаказанно притесняли афонских монахов, пристал к берегу скита св. Анны каюк с христианами, бежавшими от турок. Увидав, высаживающихся на берег людей, скитяне стали уговаривать их скрыться где-нибудь в другом месте. Христиане возразили на это: – Куда же мы пойдем? везде турки нас преследуют. Здесь на Афоне, по крайней мере, есть где укрыться. Турки, в это время пришли в скит из монастыря св. Павла. Увидав на берегу христиан, они воскликнули с гневом: – А, вы принимаете разбойников! – и поспешно скрылись. Отцы стали уговаривать христиан отплыть от их берега во избежание беды. Те пошли к лодке. Но в это время на них напали турки и стали стрелять по беззащитным христианам. Одних они убили, другим, связав сзади руки и, привязав к шее веревку, привели в монастырь св. Павла. Только двое спаслись, бросившись в море и выплыв.

В монастыре турецкий начальник велел всех мужчин убить в потоке. Когда их повели на казнь, один богатый пленник вынул мешочек с деньгами и отдал его турку, прося отпустить его. Тот взял деньги, но пленника не пощадил. Солдаты всех отвели как овец на заклание в поток, где и изрубили около 10 человек. Женщин же и детей турки держали по своему обычаю с неделю, а потом отвезли и продали в неволю.

Еще до прихода турок на Афон 11 человек скитских отцов и несколько мирян ездили на каюке в Румелию собирать созревшую пшеницу. Тогда повсеместно крестьянами были оставлены их поля, из-за страха перед турками. На одном Афоне тогда было более 50.000 христиан обоого пола и разного возраста. Целый месяц приезжали они и жали хлеб с большой осторожностью; 5 или 6 человек жали, а прочие с ружьями

караулили. Привезя каюк полный хлеба, отцы разделили пшеницу по 88 ок на человека; но им даже на неделю не хватило этого хлеба, ибо приходили мирские люди и говорили: – Умираем с голоду, дайте хлеба! – и нельзя было не дать.

Когда нападения разбойников почти прекратились, и отцы не имели денег, чтобы платить месячную дань туркам, то они попросили снять караул; почему в скиту осталось только 5 турок. В это время к Новому Скиту пристало на каюке 80 человек разбойников. Они, поймав одного монаха, послали его посмотреть – караулят ли турки скит св. Анны и сколько их. Монах возвратился и сказал, что караула нет. Капитан разбойников, взяв с собой всю свою команду, отправился в скит и распорядился так: – Когда я выстрелю, стреляйте все. – А прежде сего велел окружить скит, чтобы не упустить ни одного монаха. Пришли они ночью под воскресение. Зная обычай скитян собираться в кириакон на бдение, они ударили в колокол, а сами спрятались. Отцы начали сходиться на службу, а разбойники, как только кто появлялся, хватали его и вязали. Старец о. Нектарий взял перед этим у одного старца займы хлеба, спекши свой, он пошел с теплым хлебом к тому старцу, чтобы вернуть долг. Разбойники, схватив его и увидав свежий хлеб, обрадовались, разломали его, а Нектарию в благодарность так крепко связали руки на спине, что он после долго не мог владеть ими. От всех отцов стали требовать денег. Нектарий имел 500 левов и все отдал. А разбойники, разойдясь по кельям, ограбили все, что могли унести. Награбленное они нагужали на спины старцев и заставляли их нести к лодке. Нашли они и большие казаны, но они были настолько тяжелы, что их пришлось ногами толкать, чтобы докатить до берега.

О. Макарий избежал всех этих несчастий, напутствуемый благословением старцев, он выехал с Афона в Морею. В епархии Триполис местные христиане предложили ему восстановить, разоренный турками, древний монастырь св. Николая, в местности называемой Арменисти. О. Макарию очень понравилось это место и он решил остаться и привести монастырь в порядок. С ним поселились 2 монаха и жизнь их потекла обычным порядком. Местный архиерей, видя строгую

жизнь о. Макария и его духовную опытность, предложил ему взять на себя обязанность духовника окрестных жителей. О. Макарий стал исполнять возложенное на него послушание и заслужил всеобщую любовь и уважение; но вскоре вторжение в Морею Ибрагим-паши разрушило все, и он вместе с прочими вынужден был укрыться на время на острове Скопелос.

Опустошивший уже много сел, Ибрагим-паша приближался к Арменисти с намерением уничтожить и его. Не успели христиане обдумать меры ко спасению, как уже показались войска паши. Почти все устремились к морскому берегу; но к несчастью не оказалось ни одной лодки, а лишь вдалеке было видно одно греческое судно, которое по отчаянному крику жителей, направилось к берегу. О. Макарий с двумя своими монахами тоже вышел из монастыря и пошел к приближающемуся судну. Но что оно могло значить для 2000 человек, когда вместимость его была не более 200. О. Макарий решил возвратиться в монастырь и там ожидать своей участи; но два его сожителя настояли вернуться к кораблю. Не дойдя до берега, они услышали голос капитана, кричавшего им: – Идите, монахи, идите сюда! – Капитан посадил сначала их, а потом и других, сколько мог вместить корабль. Все это делалось на виду у войска Ибрагим-паши. Не успел, нагруженный людьми, корабль отойти от берега как турки, подобно лютым зверям, напали на оставшихся христиан и истребили всех. Спаслись только те, кто еще ранее скрылись.

По уходе турок, пришел в свой монастырь о. Макарий и, найдя его разоренным, хотел совсем оставить его, но некоторые жители упросили его остаться, предложив свою помощь по восстановлению обители. Они показали ему прежние границы монастырской земли и советовали отыскать старые документы на владение ею. О. Макарий остался, построил кое-как временное жилище и очертил границы по указанию жителей, найдя нужные документы на владение ею. Монастырь быстро восстанавливался. После возвращения о. Макария на Афон, монастырь посетил король Оттон. Ему очень понравилось место. Монахи рассказали королю о древних границах монастыря и показали документы, собранные о. Макарием,

король утвердил за монастырем принадлежащие ему земли. Впоследствии братия писали о. Макарию на Афон: – Все что твоя святая рука начертила и записала, теперь даровано монастырю.

В 1833 году о. Макарий решил возвратиться на Афон, куда и прибыл к своим старцам. О. Венедикта он уже не застал в живых, он скончался в 1822 году. О. Макарий остался жить с о. Неофитом и о. Нектарием. Незадолго до его прибытия к ним поступил монах о. Савва, который остался при о. Макарии до самой его кончины. Вскоре избрали о. Макария духовником скитской братии, и в 1834 году собором была возложена на него обязанность дикеея; целый год он исполнял это хлопотливое послушание. В то же время нередко он приезжал и в Руссик для исповеди братии, по приглашению игумена.

В 1839 году о. Макарий осиротел: старец о. Неофит скончался в день Благовещения, приходившегося в тот год в Великую Субботу. Еще с вечера на Великую Пятницу он отправился в кириакон, где стоял всю весьма продолжительную службу. После службы он, ввиду отдаленности своей кельи и приближающегося бдения под праздник Благовещения, не пошел домой, а остался в храме. Когда началось бдение о. Неофит стоял прислонившись к стасидии в полусидячем положении, внимая службе и молясь умной молитвой. Когда иеродиакон совершал каждение после 8-й песни канона, о. Неофит отвечал ему поклоном. Вслед за 9-й песнью вся братия по старшинству стали прикладываться к праздничной иконе и помазывались елеем от лампы. Стоящий рядом с о. Неофитом монах, видя, что он медлит идти, подумал, что старец задремал, и начал тихонько толкать его, но старец молча стоял с наклоненной головой, держа в руках зажженную свечу. Тогда монах тот взглянул поближе и увидел, что старец спит вечным сном. Дыхание его отлетело в тот самый момент, когда запели: Всякое дыхание да хвалит Господа, – чтобы вечно хвалить Бога на небесах.

По жизни своей старец Неофит отличался любвеобилием и страннолюбием. Около самой их кельи идет тропинка по коей

ходят пустынники; бывало что старец никого не пропустит, но упросит зайти к себе и угостит всем, что только найдет у себя.

После смерти старца о. Макарий получил приглашение из Руссика перейти в монастырь и быть духовником братии. Не вдруг решился он оставить избранное им место. Наконец, 30 августа 1840 года о. Макарий прибыл в Руссик и поселился в кельи Всех Святых за монастырем.

О. Макарий с усердием и ревностью служил духовному благу Руссика. Здесь, как и в скиту, он ежедневно совершал литургию и со слезами молился, чтобы Господь ниспослал Свою милость бедствующему Руссику и благоустроил его духовно и материально. В усугубление таких молитв он каждый день прилагал особый молебен Божией Матери; а когда устраивался храм св. Митрофану, то сему святителю вместе со св. Пантелеймоном он составил особый молебный канон, который и читал ежедневно. Внимательная жизнь о. Макария была награждена от Господа таким даром умиления, что он не мог без слез совершать ни одной службы; и даже беседы его сопровождались слезами, которые как два ручья источали его глаза. Смирению, незлобию, кротости, он поучал не столько словом, сколько делом. Любовь его была всеобъемлющая, наставления кратки, но сильны. Кто бы ни пришел к нему с каким помыслом, огорченный, потрясенный искушениям, он с двух слов совершенно успокаивал его, внимательно выслушивая обстоятельства и замечая как надо поступать: – Это так, а это вот так; то оставь, а это сделай! – говорил он. Иногда случалось, что приходил кто-нибудь перед самой трапезой, или когда ему надо было отдыхать, о. Макарий, бывало, и виду не подаст, что ему надо есть или спать, но терпеливо и с полным вниманием выслушивал все до конца. Только когда выяснялось дело, монах успокаивался, получал разрешение, старец отпускал его с миром. Касательно пищи, о. Макарий не имел никакого попечения и никогда не просил есть; только когда поставят ему трапезу и пригласят, он начинал есть. Привык он вкушать один раз в сутки, а великим постом однажды в двое суток, и этот обычай он сохранил до самой смерти. Рукоделия своего – вязание чулок он не оставлял. Иногда

ночью просыпался и, отрясая сон, брался за рукоделие, не оставляя в то же время умной молитвы. Спал он очень мало, сидя по восточному обычаю на низком диване облокотясь на локоть и без одеяла, а окна были открыты даже зимой.

В старости убеждали его одеваться потеплее или затворять окна, но он на это не согласился. В сидячем положении он и дух свой испустил так тихо, как бы забылся дремотою. Во всю жизнь он ни с кем не ссорился и никого не оскорбил. Укоряемый, он не возражал, а отвечал или молчанием или так: – Пусть будет так! – Только однажды он ответил на оскорбление: в скиту св. Анны некто, укоряя его, назвал простым, глупым человеком, он сказал: – Я, может быть, и философ, но делаюсь таким нарочно, – меня любовь заставляет поступать так!

В то же время, когда о. Макарий жил в скиту, прибыли на Св. Гору два учителя, отыскивая опытных духовных мужей. Узнав об о. Макарии, они пришли к нему и сказали: – Что вы здесь живете? мир пропадает, идите туда, там нужно народ учить и тем приносить пользу ему и стране! – о. Макарий отвечал: – Мы люди простые и неграмотные, как будем учить? это ваше дело; вы, учителя, можете и должны учить народ! – Нас народ не слушает, – отвечали те, – он почему-то имеет больше уважения и доверия к вашей одежде, к вашему почтенному виду и постническому житию. Посему то он вас слушает, а нас, не имеющих этого, не хочет слушать!

Когда о. Макарий был на острове Скопелос привели к нему бесноватого и просили молиться. Сострада одержимому, он начал читать о нем заклинательную молитву; в это время бес, бывший в человеке, возопил: Прожег, прожег меня. Уйду, уйду! – и вслед за сим, сотрясши больного, оставил его.

Во все время его духовничества в Руссике вся разноплеменная братия обители имели между собою замечательное единодушие, мир и любовь. Он и сам искал и другим внушал искать и стремиться к «единому на потребу». Вот почему его духовные дети имели между собою согласие. Бывало, придет к нему кто-нибудь из братии и начнет жаловаться на какого-нибудь старца или начальника, о. Макарий отвечал: – Не смотри на такого-то; тебе не так кажется это дело,

да и не касается оно тебя; ты свое смотри, чтобы совершенным предстать пред Господом!

О. Макарий был в тесном духовном союзе с игуменом Герасимом: у них была как бы одна душа. Духовная опытность о. Макария, его близость и единомыслие с игуменом и мягкость характера благотворно влияли на духовное развитие обители. Все это особенно ясно осозналось после кончины его. Тогда в братстве начались разделения, несогласия и, наконец, стала образовываться племенная партийность.

Плачь и прежде почти не оставлял о. Макария, но при конце жизни умиление посещало его в таком изобилии, что его ежедневно совершаемая им Божественная литургия, длившаяся часа по два, стала кончаться через три, а впоследствии и через четыре часа. Старец от умиления плакал в алтаре, а его чтец и певец, о. Савва, подражал ему на клиросе. В последнее время от избытка умиления и слабости ног, он не служил сам, но каждый день приобщался Св. Таин. О. Макарий, как и старец его о. Неофит, любил быть на монастырских бдениях, поэтому его, когда он не мог ходить, приносили в монастырь на кровати.

Перед смертью о. Макария, находившаяся при нем братия, спросили как им жить после кончины его. Старец сказал им: – Живите как жили; имейте воздержание и умеренность во всем, – имейте послушание, смирение и молитву; об этом старайтесь, сего ищите, а чудеса творить не ищите, – то нужно, а это не спасает!

За 3 дня до кончины о. Макарий, сидя на своей кровати, вдруг вперил глаза в пространство и смотрел, не мигая, так напряженно, что совсем не замечал ничего вокруг себя. Бывшие при нем, спросили: – Что с тобою, отче, что ты видишь? но о. Макарий ничего не отвечал. Только чрез четверть часа, перекрестившись, старец сказал трижды: – Слава Тебе, Боже Вседержителю! – Ученики приступили к нему и опять спросили, что он видел; но он ничего не ответил.

Итак, течение скончав, веру сохранив и, добавим, братию на путь спасения наставив, старец о. Макарий мирно и тихо

предал душу свою Господу 15 ноября 1859 года имея 79 лет от роду, проживши на Афоне 55 лет.

Старец о. Макарий – грек († 1845)

В Руссике жил замечательный старец, монах Макарий, родом грек. В самой юности, отвергшись мира и поступив в монашество, 60 лет провел он на Св. Горе. 20 лет прожил в пустыне у старца в послушании; потом, проводив своего старца на вечное блаженство и продавши келью, поступил в общежитие, в котором жил лет 40. Было ему более 70 лет. Для всех он служил примером доброй жизни. На каждом послушании был первым и трудился больше всех. Часто ему игумен говаривал: – Отче Макарие, ты бы уж не ходил на послушание, а сидел бы в кельи: ты уже потрудился в своей жизни, а теперь пусть молодые потрудятся! – Он же со слезами упадет игумену в ноги и начнет ему говорить: – Отче святой, не лиши меня венца за дела послушания; не отлучай меня от возлюбленного моего братства, пока ходят ноги, пока владеют мои руки; сколько есть моей силы еще потружусь на обитель, еще полюбуюсь на мою возлюбленную братию! – Игумен ответит: – Трудись, трудись, отче Макарие; это я сказал жалея твою старость!

Таких стариков в монастыре было еще человек 10. Смотря на них, мы всегда удивлялись и плакали, их высокой мере совершенства, ибо они сделались как незлобивые дети, или яко бесстрастные ангелы, а наипаче сей о. Макарий. Часто его игумен искушал, скажет ему: – Ты, о. Макарие, согрешил! – а он упадет на землю, и слезами ее омочает. Часто всю трапезу лежит без пищи, а после трапезы лежит при дверях, и со слезами у всей братии просит прощения. Это делал игумен для того, чтобы он не превознесся своими добродетелями, а погружался в смиренномудрие, и считал себя ниже всех.

В 1845 году о. Макарий скончался без всяких болезней. Причастившись Св. Таин, пришел он к игумену и сказал: – Прости меня, отче святой, и благослови: я хочу умереть! – Игумен ответил: – Бог тебя простит и благословит; только я надеюсь, что ты не помрешь, ибо совершенные послушники не умирают, а разве только отходят на вечное упокоение! –

Вышедши от игумена, о. Макарий пришел на больницу, и попросил койку. Больничный сказал: – На что тебе, о. Макарие, койка? – Он же ответил: – Хочу умирать! – Потом со всеми простился, возлег на постель, и с миром предал душу свою Господу.

Старец о. Тимофей – русский († 1848)

Родом он был из Великой России, Вологодской губернии. В юности проживал в Петербурге. Познав суету и непостоянство мира сего, оставил дом свой, родителей и сродников и имение свое, и пришел на остров Валаам в общежительный монастырь, определился в число братства, и проходил там разные послушания.

При пострижении в мантию наречен был Тихоном. По наставлению старцев вкусил сладчайшего безмолвия и благодатной молитвы. И столь возлюбил Господа своего, так усладились сердце его молитвою, что ни на одну минуту не хотел разлучиться с своим Господом, но возжелал всегда с Ним молитвою соуслаждаться. Заметив, что много разлучает с Богом язык и разные разговоры, особенно бесполезные, затворил свои уста, удержал свой язык, и 14 лет не проговорил ни единого слова, через что терпел много скорбей и напастей. Не дал он сна своим очам, ни веждом своими дремания; днем находился на послушании, умом же беседовал с Богом, а ночью стоял на молитве. Естеству своему давал упокоение – не много сна, и то стоя, или мало сидя; от того часто падал в церкви во время службы. Часто удалялся в пустыню и стоял в лесу на одном месте по два и по три дня без пищи, имея ум свой вперен к Богу. Часто, когда диавол ужасал его страхованиями, он выходил ночью на кладбище, и стоял всю ночь на могилах, и так побеждал страх, по совету Лествичника. Много претерпел он и других напастей и искушений от диавола.

Жил о. Тихон на Валааме более 20 лет, и прошла о нем слава повсюду, и наипаче по Петербургу. Хотя он и никогда ни с кем не говорил, но желали видеть хоть лицо его. Валаамский игумен Дамаскин, не известно по какому побуждению, послал его в Петербург в монастырскую часовню. Хотя он и много со слезами просил игумена, чтобы оставил его внутри монастыря, или в пустыне, плакаться о грехах своих, но игумен не оставил. Когда он приехал к часовне, в шумном городе, то показалось ему весьма трудно, и даже не вместительно; потому что более

20 лет прожив в монастыре и в пустыне, теперь приехал смотреть на соблазны. Наипаче отягощало его то, что все его славят и ублажают, и ежедневно в часовне толпа народа. Жил он в часовне целый год, и многожды просил игумена, чтобы позволил возвратиться ему в монастырь, но не получил просимого. Потом вознамерился удалиться на Св. Афонскую Гору, и просил митрополита, чтобы уволил его в Иерусалим на поклонение святым местам. Получивши паспорт, отправился в Иерусалим; прожил там полгода и после Пасхи отправился на Афон. Приехал в Руссик, определился в число братства, и принял постриг в схиму с именем Тимофей. Потом, по его желанию, отпустили его в уединенную пустыню, на келью св. великомученика Георгия, от монастыря час ходу. Проживая там один с единым Богом, каждую седмицу приходил он в монастырь на всенощное бдение, на литургии причащался Св. Таин, брал себе пищу, и паки возвращался в свою пустыню. Так прожил 3 года. Потом стал изнемогать ногами, которые у него стали толсты, как ступа, от многого всенощного стояния.

(Из записок инока Парфения): По возвращении моем из России, отпустили меня к о. Тимофею послужить ему, и сподобился я быть самовидцем его жизни и подвигов. Жил я с ним полгода, и не видал его никогда на ребрах лежащего, да и сидящего весьма мало, только разве во время трапезы, но всегда он был на ногах. Хотя ноги и больны и опухли, но он на то не смотрел. Каждую ночь с вечера среди церкви становится на молитву, и стоит до дня неподвижен, целые 12 часов; такой его был устав. Кельи для себя не имел, а церковь ему была вместо кельи. В течении дня прочитывал часть из Апостола и из Евангелия и акафист Богородице. Также часть из Добротолюбия и Исаака Сирина. Потом занимался трудами. Пищу употреблял самую постную. После трапезы входил в церковь, садился на место и дремал один час, – это было его упокоение, которое он давал своей немощной плоти. Потом встанет и отправляет монашеское правило: 300 поклонов земных, 1200 поясных; а молитву читает не устами, но сердцем и умом. Таковы были его жизнь и подвиги, что не мог я без слез на него смотреть.

Когда старец Тимофей пришел на Св. Гору, то духовник Иероним благословил его говорить со всеми, и, кто будет требовать, давать наставления. Разговоры и наставления его были только в том, чтобы каждый старался совершать и стяжать умную молитву, и чтобы каждый более всего старался очищать внутреннего человека, очищать свое сердце от помыслов и от прилогов вражиих. Он всегда говаривал, что монах потому называется воин Царя Небесного, что имеет брань и войну не с плотию и кровию, и не с человеками, но с началами тьмы века сего и с духами злобы, которые беспрестанно имеют брань и войну с нашим умом, и беспрестанно пускают свои стрелы в наше сердце, и уязвляют нас. Не в нашей воле состоит, что они стреляют, и невозможно нам того им запретить; но в нашей воле состоит то, чтобы их нам блюстись, беспрестанно им противиться, и отражать их стрелы, т.е. прилоги непрестанною Иисусовою молитвою. Ежели случится, что очень больно уязвят, то надобно скоро эту рану открывать врачу – духовному отцу, и излечивать ее покаянием и слезами.

Еще он часто говорил и сие: – Срамно и стыдно тому воину называться воином, который не исполняет в точности царской службы, еще подвергается и наказанию. Также стыдно и срамно будет пред Царем Небесным и нам монахам, не пекущимся и не старающимся о очищении внутреннего человека, и не тщащимся совершать умную молитву, которая очищает наше сердце, и отгоняет все вражии помыслы и прилоги, и соединяет нас с Самим Богом. Какое мы, монахи, принесем оправдание, аще оставивши мир, освободившись от мирских попечений, удалившись в пустыню, отрекшись самих себя, и уже половину пути прошедши, до конца пути дойти не хотим, и настоящей нашей цели достигнуть не стараемся? Настоящая же наша цель та, чтобы очистить нам внутреннего человека, возлюбить Господа Бога своего от всего сердца своего и от всего помышления своего, и соединиться с Ним молитвою, т.е. беспрестанным с ним собеседованием, через умную молитву. Когда достигнем такого истинного монашеского состояния и будет сладостно для нашего ума и сердца имя Сладчайшего Иисуса Христа, тогда с Ним удобно можем победить и страсти, и

не только победим, но и умертвим. А кроме умной молитвы невозможно победить нам страсти и очистить свое сердце и соединиться с Богом. Умная молитва есть начало и источник всем добродетелям. И Апостол говорит, что лучше сказать 5 слов умом, нежели тмы словес языком (1Кор. 14, 19). И Сам Господь наш, Спаситель мира сказал: царствие небесное внутри вас есть (Лук. 17, 21). И паки: Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Матф. 5, 8). Как нам тогда не веселиться, когда очистим свое сердце от страстей и от нечистых помыслов? Как нам тогда будет не утешительно, когда душевными нашими очами узрим Самого Бога, Творца неба и земли, на Негоже не смеют и чины ангельский взирать? Вот нам Господь открывает какие неизреченные таинства, и какие неизреченные изливает Свои милости, а мы не хотим постараться очистить свое сердце, не хотим понудиться к благотворной молитве? Ибо нуждницы восхищают царствие небесное (Матф. 11, 12). Это наше дело – иноков, монашествующих, оставивших мир и мирское попечение и всю суету. Любители мира не достигают сего, и даже не вмещают, и достигнуть не могут, потому что они всегда упражняются в житейских попечениях, и имеют ум свой привязан к миру и к его прелестям.

Был у нас на Валааме монах, мне духовный брат, который мне открыл, что однажды стоял он на молитве и внимал умом, и сердце его горело огнем божественной любви; и сделался он вне себя, весь изменился, и был в восхищении, и оказался стоящим в раю; видел множество ангелов и святых угодников Божиих, видел множество разных садовых деревьев с прекрасными плодами, а наипаче привлекало взор его одно дерево, более всех прекрасное, и плоды на нем на подобие яблок. Он долго на него любовался, и не хотел от него отойти. Пришел к нему один прекрасный юноша, в див-ном одеянии, и златым поясом подпоясан, и спросил его: – Что, человече, стоишь и чудишься? Или желаешь вкусить сих плодов? Монах ответил: – Ежели бы можно, то желательно хотя бы отведать! – Юноша сорвал одно яблоко, и дал ему, и велел сесть. Когда он сел, то очутился в своей кельи, стоящий на молитве. И столь сладко и вкусно было яблоко, что невозможно и объяснить

языком человеческим; и ничего на земле подобного ему нет. Что на земле сладкого и вкусного вкушаешь, то оно только тогда бывает сладко, когда его вкушаешь, и когда оно еще в гортани; а после скоро и позабудешь; а райский плод не таков: прошло 10 лет, а еще чувствуется в гортани сладость! – Хотя старец Тимофей рассказывал о другом, но я полагаю, что он сам этого сподобился, за его равноангельную жизнь.

К концу жизни своей старец Тимофей вернулся в монастырь, где жил в затворе. Скончался он в 1848 году.

Старец о. Василий – болгарин

Близ монастыря Зографа жил и скончался известный старец о. Василий. Об этом старце один из бывших его учеников рассказывал следующее: читая однажды утреню, дошел он в 50-м псалме до слов: Сердце чисто созижди во мне Боже, – далее он уже не мог продолжать, а только повторял постоянно: Сердце чисто, сердце чисто... и зарыдал наконец. Посещение благодати в сем состоянии умиления продолжалось около часу. Но это только малый луч благодатных состояний его духа, которые продолжались иногда целые дни, приводя его в забвение всего окружающего.

Старец Василий долгое время не имел об умно-сердечной молитве и понятия, а проводил только деятельную жизнь. О внешней подвижнической жизни его слух уже носился по Афону. Деятельная жизнь была для него лестницею к созерцательной: силою помыслов благих, страха Божия, а особенно именем Господа Иисуса Христа, разрушающим всякое зло, он очистил свое сердце и вошел на высшую степень нравственного преуспевания.

Родом о. Василий был болгарин. Первоначально он поступил на родине в Рыльский монастырь и прожил там два года. После того прибыл на Афон и поступил в Зограф. Это было в 1813 году. Здесь проходил он разные послушания, преимущественно же он был эклесиархом. Во время греческого восстания о. Василий удалился из Зографа в пустыню и жил некоторое время на Капсале в калибке, где раньше подвизался известный своими писаниями преп. Никодим Святогорец. В 1822 году смутные политические обстоятельства, приведшие множество турок на Св. Гору, побудили о. Василия выехать на время с Афона; но не задолго до своего отъезда, о. Василий успел совершить подвиг любви: спасти от рук турок одного молодого монаха, который был впоследствии игуменом Зографа. Дело было так:

Турецким войском, пришедшим тогда для занятия афонских монастырей, предводительствовал Абдул Робут-паша, сын

православного грузинского священника, в детстве увезенный турками и обращенный в ислам. Ревнуя о распространении своей веры, а вместе и содействуя турецкому правительству в его политике, паша везде, где только мог, брал мальчиков и обращал их в ислам. Из них после выходили отчаянные воины известные под именем янычар. Тоже сделал он на Афоне, захватив юных питомцев пустыни, чтобы обратить их в свою веру. Между прочим, паша узнал, что в Зографе есть молодой писарь лет 17, и распорядился взять его. Видя неминуемую беду, этот послушник дал знать о своей опасности о. Василию, прося немедленно придти и, как знает, спасти его. Был вечер. Переговорив с ним, о. Василий приготовил корзинку и, прикрепив ее длинною веревкою, ночью спустил в ней юношу в окно, сам же вышел в ворота, не подозреваемый турецкою стражею, как пустынный возвращающийся в свою калибку. Подойдя к глухой стене, где его ожидал послушник, старец уложил его в шерстяной мешок и понес на плечах, как ношу сухарей. Этот послушник росту был малого, а потому для о. Василия, крепкого телом, не тяжело было его нести. Оттуда они по ночам пробрались до пустыни старца, где он кормил будущего игумена сухими каштанами, делая из них муку и приготовляя печение вроде хлебов. – Умилительно бывало, говорили зографцы, помнившие о. Анфима, когда сам игумен рассказывал об этом братии. Вот как Господь приготовил большому монастырю опытного игумена, воспитав его в гонениях, подвигах и лишениях. Скоро турки начали проникать уже и в пустыню о. Василия. Чтобы скрыть ученика он передал его другому старцу, жившему в таком месте, куда не могли проникнуть турки, а сам старец оставил Афон и отправился в Болгарию, где прожил все смутное время в пустыне при одном монастыре.

Когда же водворилось повсюду на Востоке спокойствие, возвратился о. Василий на Афон. Капсальское его убежище было уже в запустении, почему старец попросился в Зограф, где и был принят радушно. Но жизнь в монастыре, тем более бывшем тогда штатным (своежительным), стала для него нестерпимою, и он просил проэстосов монастыря позволить ему

поселиться в заброшенной калибке лесничего в логу в расстоянии менее часа ходу от монастыря. Старцы благословили.

Поселившись в калибке, старец поправил ее, сколько можно было сделать самому, и предался глубокому уединению, которое с течением времени дошло до совершенного безмолвия. Через несколько лет он уже совсем затворился и никого не принимал, ни с кем не беседовал и никуда не выходил. В Зограф старец прежде ходил на большие праздники, а потом являлся только раза 3 в год.

Слух об его подвижнической жизни достиг до отдаленных пустынь Афона и возбудил одного подвижника, иеромонаха Герасима, известного в то время всему Афону, как опытного делателя умной молитвы, посетить старца. Герасим находился в то время в качестве послушника у знаменитого отшельника, духовника Иллариона – грузина. В монастыре отговаривали о. Герасима идти к старцу, говоря, что труд его будет напрасен. Старец, говорили ему, и для своей монастырской братии никому не отворяет дверь. Это, однако, не остановило о. Герасима. Он сказал, что пришел не ради любопытства, но чтобы получить пользу от беседы со старцем. – Верую, – говорил о. Герасим, – что Господь не лишит меня возможности увидеть старца и побеседовать с ним! – С таким несомненным упованием он отправился по логу к пустынной кельи. И надежда его не посрамилась. По устроению Промысла Божия старец Василий вышел из калибы в то время, когда о. Герасим подходил к ней, и они встретились. Приветствуя старца, о. Герасим просил его благословить войти к нему; тот не отказал, и они вошли. Не известно – имя ли великого Илариона, которому о. Герасим служил, или только их беседа; но скоро растворилась внутренняя клеть сердца о. Василия.

– Как ты проводишь время и как совершаешь свое правило? – спросил Герасим.

– Жизнь моя и правило мое – простые, – отвечал старец, – прочитываю утреню, часы, вечерню, повечерие с канонами и акафистом Божией Матери, – совершаю монашеское правило и прочитываю книги.

– Какие? – продолжал Герасим.
– Евангелие, псалтырь, – затем Добротолюбие и Исаака Сирина.

– Хорошо, – заметил Герасим, – какие же ты видишь плоды от умного делания?

– Какого? – спросил старец.

– Как ты упражняешься в умной молитве, – какие от того бывают у тебя действия?

– Прости, отче! – смиренно отвечал старец, – я еще не знаю, какая это умная молитва.

– Да как же ты читаешь Добротолюбие, если не знаешь, что такое умная молитва? – и о. Герасим просил старца, чтобы он говорил с ним откровенно.

– Я читаю просто, как душеполезную книгу. Конечно, я давно замечаю и чувствую, что в этой книге есть что-то сокровенное, глубокое, сладостное; но показать мне было некому, и я потому не знал, как проникнуть в это духовное сокровище! – Видя, что старец говорит с простодушием, иеромонах Герасим ему рассказал правила умной молитвы, предостерегая в то же время от бесчисленных искушений со стороны хитрого ловителя душ человеческих. Усладившись духовною беседою и условившись о новом свидании через некоторое время, они расстались.

Возблагодарив Господа за ниспослание ему милости в свидании и беседе с о. Герасимом, старец много дивился своему невежеству, особенно когда хотел начать новое делание и увидал, что забыл подробности преподанного ему о. Герасимом руководства. Укоривши себя, о. Василий дожидался вторичного прихода своего учителя. Вскоре о. Герасим опять пришел навестить старца, и он не обинуясь рассказал ему, что забыл то правило, какое преподавал ему. О. Герасим повторил сказанное, и в возбуждение ревности старца к умному деланию передал о своем делании и плодах его.

Так как прежняя 20-летняя жизнь старца в монашестве была исключительно посвящена богоугождению, то ему скоро была дарована умная молитва. Только при начале он встретил новое затруднение: распросивши все, относящиеся к умному

деланию, правила, он не спросил о. Герасима, где у него сердце, куда нужно было ниспускать вместе с дыханием и словами: «Господи Иисусе Христе» ум, произнося с выдыханием: «помилуй мя»; и только тогда, когда умная молитва заговорила в сердце, он узнал, где оно у него. Тогда стало ясно для него и Добротолюбие.

Злобный враг диавол, видя духовные успехи старца, вооружил на него людей и до того ожесточил их, что они не раз открыто хотели или выгнать старца, или еще хуже – сжечь его вместе с калибкой. Более двух лет продолжалось это жестокое гонение. Старец же переносил великодушно все это, и, обрехши себя на всякие злострадания и на самую смерть, ожидал каждчасно и днем и ночью мученической кончины. Терпение его и мужество духа изумили самих его гонителей; у всех как бы открылись глаза, и все братство монастыря вдруг переменялось в отношении к нему, начали уважать и почитать его, и с сего времени он жил уже спокойно, особенно когда введено было в Зографе общежитие (1849) и игуменом поставили его питомца о. Анфима.

Мужественно претерпевая напор жесточайших искушений от бесов и людей, старец не мог однако до конца бороться с природою: 25 лет он прожил в пустынной, худо защищенной от непогоды калибке и наконец должен был ее оставить. Сырой воздух водоточного глубокого лога, холодный ветер называемый «опоем» повредили здоровье крепкого мужа, так что он принужден был оставить свое место. Старцы монастыря предложили ему перейти в монастырь; но о. Василий просил устроить ему калибочку повыше того места, и игумен исполнил его желание.

По смерти игумена о. Анфима о. Василий опять подвергся гонению, развившемуся до того, что совсем было изгнали старца из нового его жилища. Но, попустивший это новое испытание для утверждения старца в терпении, Господь, вскоре разрушил все кознодействия диавола. Некто спрашивал по поводу сего старца: – как он теперь пребывает? – он отвечал: – Утвердивши себя в мысли – ожидать ежечасно беды и напасти,

я пребываю в мире и спокойствии, что бы со мною ни случилось!

Опыт в искушениях и просвещение благодатью, через умное делание, привели старца в глубокую рассудительность, а вместе и к смиренномудрию. Теперь он проводил хоть столь же уединенную жизнь, но уже не столь безмолвную, ибо с некоторого времени двери кельи его были открыты для всех братьев, кто бы ни захотел прийти к нему ради совета. Он считал себя невеждою, не могущим и поговорить толком, как не получившего образования, и являл себя ничего из добрых дел не имеющим! В беседе он давал понять другим, как будто он никаких духовных проявлений не знал; а между тем беседа его была весьма усладительна.

Будучи от природы крепкого сложения, он не давал ослабы своему телу. Это можно видеть и из того, что перешедши в новую калибку, о. Василий в течении 10 лет срыл огромную около нее гору, не имея в том никакой надобности.

Всей жизни в монашестве о. Василия было более 60 лет. В последнее время ему поручены были от монастыря ученики, сколько для послушания старцу, столько и для воспитания их в высшей духовной жизни. Один ученик его был военным священником во время русско-турецкой войны; другой, Мелетий, стал митрополитом в Болгарии. Остальные его ученики потом занимали важные должности в Зографе. Принимал учеников о. Василий не без разбору, и если поручаемый ему монастырем монах был ему не по духу, то не принимал. Внимающие своей жизни знают, как трудно при умном делании жить с человеком другого настроения.

Духовник Руссика, о. Иероним, слыша похвальные отзывы о жизни старца о. Василия, желал видеть его; но как сам никуда не выезжал, то он просил некоторых зографских отцов убедить старца прийти в Руссик. 3 года старец не соглашался ни на какие увещания сходить туда, считая себя невеждой и в слове и в деле. В этих приглашениях он видел только искушение от врага вызвать его из пустыни. Чрез многое время, наконец, он сказал одному иеромонаху, что «сходит».

– На вопрос: – когда же? – он отвечал: – Когда возвестит Господь! – Старец рассуждал, что если пойдет с тем иеромонахом, то весть о его приходе огласится в монастыре, и через то будет беспокойство от любопытства братии; поэтому лучше пойти с неизвестным там человеком, – и пригласил он своего духовного друга, пещерника о. Харитона, который хорошо знал дорогу в Руссик. И таким образом тихомолком, как «едины от нищих» пришли они. Оставив о. Харитона на условленном месте ожидать себя, старец отправился прямо к духовнику. На русской половине он увидел игумена о. Герасима, с которым не видался более 40 лет; но не желая огласки, прошел, оставшись незамеченным, к о. Иерониму. Часа 3 пробыли они наедине в беседе, следствием которой было то, что старец Василий вынес глубокое уважение к дару рассуждения, каким обладал духовник.

Желая успокоить старца с дороги, духовник отпустил его в надежде, что в наступающую ночь пространнее побеседует с ним. Но пока духовник сделал распоряжение отвести старца на архондарик, чтобы там угостить его и успокоить, тот потихоньку спустился вниз, отыскал своего проводника и зашел с ним в трапезу. Там его никто не знал, и оттуда они прямо отправились обратно в свою пустыню.

В дополнение сведений о сем доблестном старце не лишне заметить, что он знал подвиги многих новомучеников, и был даже очевидцем страданий некоторых из них. В Зографе один монах, проживши 10 лет, ни разу не был у старца. Вот на него нашли различные искушения, угнетавшие его дух, так что он стал изнемогать. Ему советовал один близкий ему иеромонах сходить к о. Василию, чтобы открыть ему свои помыслы; а он все думал: – что услышу от старца? – Наконец решился таки сходить, но пошел с большою неохотою. В беседе старец предварив его вопросы, начал объяснять ему искушения и все, что с ним было и есть, и даже что будет, если поступит так, а не иначе. Вышел он от старца как бы обновленным.

Советы старца Василия, как поступать во время вражды с кемнибудь:

– Падшей природе нашей, как бы естественно, что сердце возмутится, когда кто-нибудь на тебя злобствует, или сделал какую пакость, явно или скрытно; а если при этом попустить еще себе заняться разбирательством нанесенного зла, то сердце делается подобно тигру рыкающему, который готов напасть на своего противника. В раздраженном сердце повторяются с силою вопросы, раздувающие пламя гнева: как? почему? для чего? какой я подал повод? – Человек хочет в это время овладеть собою и успокоить себя; но когда разожглось сердце помыслами смущения, то ум бессилен уже противопоставить возражения взволнованному сердцу. Даже на молитву трудно подвигнуть себя, особенно на молитву об оскорбившем, ибо тут все: и сердце и самая мысль как бы выворачиваются, – с трудом, с болезнью. Сколько мысленных противоречий возникают в то время – конца и краю нет! И если человек, не смотря на весь этот хаос, воздвигаемый диаволом внутри нас, начнет решительно понуждать себя, то восстает уже одна главная противодействующая мысль, нередко отклонявшая от молитвы неопытных: – как ты будешь молиться? смотри что у тебя на душе – какое смятение! примет ли Бог такую молитву? Не паче воздвигнешь ли гнев Его? – Видя такую бурю и сердечную и мысленную и, проразумевая козни бесовские, подвижник приступает к молитве: берет четки и, творя поклоны, начинает: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй раба Твоего! – О, как болезненно идут эти поклоны и молитва при первой четке. Но Господь близ. Произвольное понуждение человека Он принимает здесь паче всякой жертвы, тем более, что это совершается ради исполнения первой заповеди Его о любви, и при том о любви к врагам.

Мало-помалу как бы начинается рассветать в душе, водворяется тишина и через некоторое время делается на сердце радостно и мирно и исполняется человек горячей любовью ко врагу, любовью такою, что готов предать себя на жертву за него, если бы то потребовалось. О, какой свет, свет небесный, – какая блаженная радость, – какая полнота святой любви растворяется в это время в душе. Это может знать

только испытавший, а слову это недоступно. Восчувствовав в сердце своем совершенную любовь к оскорбившему, он встречает дивную перемену и в самом враге. Из этого видно, что только любовь сродна нам, а вражда, ненависть – суть плевелы злокозненного врага!

Больше сведений о старце о. Василии не нашлось.

Старец о. Иоанн – русский († 1843)

О себе старец о. Иоанн поведал следующее: – Я родом великороссиянин, из самой внутренней России. От какого рода, того знать не нужно. От юности моей возлюбил я Господа Иисуса Христа; рассмотрев суету и непостоянство мира сего, краткость настоящей жизни и бесконечность будущей, и размыслив, что кто на сем свете послужит и поработает Господу Богу, тот спасет душу свою, наследует вечное блаженство; а кто согрешит и прогневает Господа Бога, тот должен принять вечное мучение, я рассудил поработать Господу своему без всяких препятствий от сует мира сего, и, оставив все, последовал Христу с самых младых лет.

Прежде странствовал по российским монастырям, и во многих слышал о великом старце Паисии и о его великих подвигах, о великом его богособранном стаде и о прочих молдавских отцах, и о старце Онуфрии; и я предпринял путешествие и достиг Молдавии и великой обители Нямецкой.

Здесь я увидал великого старца о. Паисия и святолепные его седины, и Богом собранное его великое полчище. Его учеников уже было около 1000. И припал я к стопам его, и начал его просить принять меня в свою святую обитель, и причислить к своему стаду. Он с любовью принял меня и, зачислив в братство, дал мне келью, назначил послушание, и поручил меня духовнику. Он всех приходивших и желавших с ним жить принимал, хотя старшие кое-кто из братии и скорбели, ибо терпели недостатки. Но он всегда говаривал братии: – Аз грядущего ко Мне не изжену вон; прибыл брат, прибыла и молитва; пошлет Бог и на него пищу!

И я грешный начал жить в том богособранном его стаде и наслаждаться его богомудрыми наставлениями и утешаться, глядя на его благолепные седины. Старец Паисий всех учил, всех утешал, всем наказывал с отеческой любовью – не разрушать общежития, иметь совершенное послушание и смирение, отсекал свою волю, и внушал, чтобы всякий повиновался один другому, и почитал один другого земным

поклоном. Чтобы всякий ступал кротко, руки имел сложенные на груди, главу наклоненную, глаза потупленные в землю, сердце горе к Богу, а ум в беспрестанной Иисусовой молитве; и чтобы во всех была любовь нелицемерная. А более всего старался во всяком посеять и углубить божественное семя, сердечное делание, умную и беспрестанную молитву Иисусову. И была тогда Нямецкая обитель как рай, Богом насажденный; все в единомыслии и любви работали Господу своему; было совершенное общежитие и любовь во всех, и была во всех как бы единая душа; всяк проходил свое послушание со смирением, без роптания; все, смотря на пастыря своего, утешались его лицезрением и беседою и его святолепными сединами. Он всем был образ и пример своею жизнью. Но я грешный не сподобился от него постричься в полное монашество, а принял от него только рясофор, и пожил с ним только 2 года.

Но сколько он был смирен и кроток, столько был и строг, за малое какое-либо бесчиние строго наказывал. В одно время шел по монастырю один послушник и неблагочинно размахивал руками и озирался по сторонам. Старец смотрел в окно и спросил посторонних: – какого духовника этот послушник? Ему сказали. Он же призвал духовника и сделал ему строгий выговор: – Так ли наставляешь учеников своих? Они бесчинствуют и соблазняют братию. Монах должен быть во всем монах: ступание кротко, руки на груди, очи в землю, главу склонить, каждому встречающемуся делать поклон; иеромонаху или монаху – до земли, равному себе – в пояс. Ты скажешь, что он еще не монах; но кто живет в монастыре, пострижен ли или нет – все должны наблюдать монашество, и брать со старших пример. За это обоим вам с учеником даю канон – 3 дня в трапезе творить поклоны, чтобы и прочие научились не делать бесчинства!

Еще он строго наблюдал, чтобы крестились правильно: если кто не истово или с небрежением изображал крестное знамение на лице своем, того весьма строго наказывал, и всегда говорил: – Если кто не истово изображает крестное знамение, тому маханию бесы радуются! – Также он наблюдал

великое благочиние в церкви; всегда сам обходил всю братию, чтобы все стояли чинно, со страхом и трепетом, и наблюдали все поклоны, а особенно на клиросах и за чтецами, чтобы ни одного поклона не опустили: на «Святый Боже», на «Приидите поклонимся» на «Аллилуйя». И весь чин и устав и напевы содержали Св. Горы Афонской.

Табак же употреблять строго запрещал; а кто не исправляется, того выгонял из монастыря. Явную он показал ревность по благочестию тем, что когда он жил с братией в монастыре Дрогомирне, и, после военных времен, отошел его монастырь вместе с Буковиною под Австрийское владение, то он оставил монастырь свой со всеми богатствами и перешел в Молдавию, и сказал братии: – Отцы и братия, кто хочет послушать и последовать своему, грешному Паисию, тот да идет со мною, а остаться в Дрогомирне благословения никому не даю; ибо в еретическом дворе жить – ересей убежать невозможно. Папа римский яко лев рычит и по другим царствам, и ищет кого поглотити; не дает покою и в Турецком царстве, и всегда возмущает и оскорбляет св. Восточную Церковь, а кольми паче в австрийском владении он живых поглотит!

И так со всем своим стадом ушел в Молдавию. Молдавский государь, видя его ревность по благочестию, дал ему вместо одного два монастыря: Секуль, во имя Иоанна Предтечи, а потом и Нямец во имя Вознесения Господня. Старец Паисий всегда поучал братию блюстись ересей и расколов, во всем повиноваться Святейшим Восточным Вселенским патриархам, и почитать ревнителей по благочестию: Святейшего патриарха Фотия, и блаженного Марка, митрополита Ефесского, подвизавшихся против папы римского.

Но я немного наслаждался его медоточного учения, только 2 года. Потом все вдруг приуныли и заскорбели, услышавши, что старец болен; все сделалось мрачно и печально. Вскоре всем дана была повестка, чтобы были на литургии. И слетелись иноки, как орлы, так что не могла вместить церковь. Вот идет старец, поддерживаемый двумя духовниками. Вся братия возрадовалась, увидавши его святолепные седины и все поклонились ему до земли; он же прошел прямо в алтарь, и во

время сподобился причастия Св. Таин. По литургии стал на свою кафедру и всем повелел подходить под благословение; со всеми простился, и пошел в келью свою, и уже никого более к себе не принимал. Через несколько дней услышали плачевную весть, что скончался старец. После трех дней похоронили его в соборной церкви Вознесения Господня, и остались мы сиротами. Потом, по совету всей братии, избрали другого начальника, одного из учеников его, духовника Софрония, который постриг меня в мантию. Года чрез 2 начали изменять общежительные уставы о. Паисия и правила, и оттого сделалось в монастыре смущение, через что наших русских 70 человек ушли в Россию; в числе их был знаменитый старец о. Феодор.

Я же, грешный, пошел на Св. Афонскую Гору, чая там возрастить то божественное семя, которое посеял во мне старец Паисий. И, дойдя по морю благополучно, поселился в пустынной кельи на месте называемом Лак, и прожил там почти 2 года, питаясь от рукоделия, вырезал ложечки. Потом наступили смутные времена, настали войны, пришли разбойники на Св. Гору и начали творить много пакостей. Я окаянный не мог терпеть и снова по морю возвратился в Молдавию в свою обитель. Но, вкусив пустынного, сладкого паче меда, безмолвия, испросил себе келью вне монастыря. Отец архимандрит с духовником хотели меня рукоположить во иеродиакона. Я же боялся принять на себя сан, дабы не отлучиться мне от умной и безмолвной молитвы; просил оставить меня на безмолвии, но они усиливались меня принудить. Я же, видя их намерение, отсекаю себе палец правой руки, и от того часа оставили меня, и прозвали «беспалым». И начал я жить в безмолвной кельи и проходить некоторые монастырские послушания, и часто посещал одного пустынножителя, схимонаха Платона, ученика Паисиева, и наслаждался с ним духовными беседами. И прожил в той кельи 5 лет. Наскучила мне молва, бываемая на послушании, и начал во мне угасать светильник божественного света. Тогда начал я просить архимандрита, да отпустит и уволит меня в глубочайшую пустыню, в Покровский скит, к о. Платону. Он же сказал: – Ежели мне вас таких молодых отпускать в пустыню, то

некому будет ходить на послушание! Я же вышел плача и стал помышлять: какое я собрал богатство на Св. Горе, – здесь все расточил. Пойду снова на Св. Гору и там скончаю живот свой. И пошел я к о. Платону и открыл ему свой помысел. Он же сказал: – Иди на Св. Гору и поживи там, да снова приходи сюда; и здесь уже тебя успокоят; и тогда будем вместе жить и похоронишь грешное тело мое. И хотя бы ты и остался там жить до смерти, но по неволе выйдешь! – Я же поклонился ему и пошел к архимандриту и начал его просить да отпустит меня на Св. Афонскую Гору, и сказал ему, что теперь время утихло, ибо я и тогда вышел из-за смущения. Он с любовью отпустил меня.

Перед самым отъездом я снова пошел к о. Платону и просил его дать мне последнее наставление. Он же начал мне говорить: – Мое наставление такое: когда достигнешь Св. Горы, избери себе искусного старца, отца и наставника, и препоручи ему свои тело и душу, и буди ему послушен даже до смерти. И где он благословит, там и живи. Афонские отцы выше молдавских; я и сам бы желал с ними пожить и от них пользоваться, и даже путешествовал на Св. Гору; но воля Божия и смутные времена не позволили мне там препровождать свою жизнь, и я паки возвратился в Молдавию. А о будущем блаженстве, как его достигнуть, скажу тебе вкратце: где будешь жить, где будешь странствовать, везде и на всяком месте владычество Господне и благодать Его присутствует, только если по воле Его святой будем жить и волю Его творить. Не место человека просвещает, но человек место. – Воля Господня состоит в главных трех добродетелях, то есть в вере, надежде и любви. Первое вера, она есть глава всем добродетелям. Без веры все добрые дела мертвы. Праведник от веры жив будет. Верую все святые победили мир, соделали правду, получили обетования. Если совершенную стяжешь веру к Богу, то ничего тебе не будет невозможного, но все твои благие желания исполнятся, и ни какие скорби и напасти одолеть тебя не смогут. О сей вере сказал Господь ученикам Своим: – Аще имате веру, яко зерно горюшно, аще речете горе сей: двигнися и верзися в море, будет (Матф. 21, 21).

Сию веру стяжали Апостолы, и прошли по всей вселенной, яко овцы посреде волков, и уловили все народы в Христову веру. Сию веру имели святые мученики, пролившие свою кровь. Сию веру имели преподобные отцы, которые, оставив мир и яже в нем, удалялись в пустыню, и едины со единым Богом пребывали в ней, одни 40, другие 50 и 60 лет, верили они Богу, и Господь питал их, хотя и мало кого от человек видели. Таковую веру если стяжешь, то и ты не далече будешь Царствия небесного! – Но я ему отвечал: – Отче снятый, как могу стяжать веру сию, которая превосходит естество человеческое? Я человек грешный и повседневно обретаюсь в немощах! – Он же сказал: – Да, правда, эта вера трудами и подвигами, постом и молитвами стяживается, – совершенным послушанием и отсечением собственной воли укрепляется и возрастает. Но опять тебе говорю: если не стяжешь такой веры, то не сможешь стяжать и надежды на Бога и любви к Нему и ближнему; если сих не стяжешь, и не очистишь внутреннего человека, не победишь страстей, все наше будет удаление от мира, только одним телом, а не умом и сердцем. А тогда как бы не постигла нас страшная угроза: ни горяч ты, ни холоден, изbleвати тя имам (Апок. 3, 16). Афонская Гора управляется Божией Матерью, туда ходят с деньгами, но опять возвращаются, а другие и без денег, но там живут; кого как благословит Матерь Божия. Прежде тебе сказал я только о вере в Бога, теперь послушай и о надежде на Бога: Где ты будешь жить не полагай надежды ни на кого смертного, ни на царя, ни на князя и сына человеческого, в них же нет спасения; ни на патриарха, ни на архиерея, ни на купцов, ни на какого-либо человека, ибо всяк человек ложь; ни полагай надежду на богатство, ни на славу мира сего, ни на чины; богатство как роса утренняя. Как роса иссыхает, так и богатство исчезнет, и всякая слава человека, как цвет травный: вечером цветет, а утром подкошен бывает и увядает, так и слава человеческая: сегодня хвалят, а завтра поносят и укоряют. Ты же, возлюбленное мое чадо, всю надежду полагай на Господа Бога. Теперь надобно тебе показать свою веру и надежду не на словах, а на самом деле, без роптания. Теперь для тебя наступает время скорбей и

искушений, по морям и посуху; ты же не унывай, но однажды уверовав в Господа Бога, полагай всю надежду свою на Него, и воспевай с пророком Давидом: Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя (Пс. 32, 22). И еще: Блажени вси надеющиися на Нь. Надеющиися на Господа яко гора Сион: не подвижится в век живый во Иерусалиме (Пс. 2, 12; 124, 1).

Теперь скажу и о любви к Богу и ближнему: Возлюбиши Господа Бога твоего от всея души твоея и от всего сердца твоего и от всего помышления твоего. Так нам должно любить Господа Бога, что ради любви Его ничего не должно нам щадить, ниже самих себя. Так Его возлюбили святые Апостолы, и прошли всю вселенную скорбяще, озлоблени, укоряеми, поношаеми, в узах и в темницах, а после и самую смерть претерпели за любовь Христову. Так возлюбили святые мученики, и все пренебрегши, родителей, жен, детей, саны и честь, дабы не разлучиться со Христом, проливали кровь свою как воду. Так возлюбили Его преподобные отцы наши, и любви ради Его оставили мир и славу мира, и всю прелесть его. Любви ради Христовой удалились в монастыри и в пустыни, и отдали себя в послушание с совершенным отсечением своей воли и своих прихотей, да без всякого препятствия поработают Господу своему. Ты же, возлюбленный брате, уже начаток сделал, – теперь постарайся Господа своего возлюбить от всей души своей т.е. соединиться с Ним сердцем, умною беспрестанною молитвою Иисусовою, и старайся очищать внутреннего человека от всех помышлений противных Богу; тогда познаешь, коль сладка будут гортани твоему словеса Господня (Пс. 118, 103), и коль весело и радостно быть с Богом. Пророк сказал: Помянух Бога, и возвеселихся (Пс. 76, 4). Кто с Ним непрестанно беседует и поминает Имя Его святое, то как не возвеселится и не возрадуется о Имени Господнем? Если с земным царем приятно и радостно иметь беседу и получать от него награду, то насколько больше с небесным Творцом, на Него же не смеют чины ангельскийи взирать? О, коль сладостно! – Но оставим об этом говорить на словах, а когда сам вкусишь на деле, тогда познаешь и скажешь: – Господи, добро есть нам здесь быть; возьми меня от суетного мира сего и от его

прелестей; не хочу более в нем пребывать; боюсь, дабы опять не разлучил меня с Тобою, сладчайший мой Господи!

Теперь иди ты на Афон, и постарайся стяжать эту радость. Там найдешь таких отцов и наставников, которые ею преизобилуют, и тебе могут уделить только бы ты их во всем слушал. Еще скажу тебе, как нам должно любить ближнего своего и всякого человека: Апостол сказал: Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть. (1Иоан. 4, 20). Любовь к Богу доказывается любовью к ближнему. Не так нам должно любить ближнего, якоже самих себя, но несравненно более. Тогда познается совершенная любовь, когда положим свою душу за брата своего (Иоан. 15, 13). Вот совершенная любовь. Этой любви не может стяжать никто, привязанный мыслью и сердцем к прелести мира сего. Отчего бывают в мире убийства, грабительства, злоба, зависть, ненависть, клевета и тяжбы? Либо ради имения и богатства, либо ради чести и славы мира, или ради каких-нибудь плотских страстей. Потому сказано: Любовь мира сего вражда Богу есть (Иак. 4, 4). Никийже раб может двема господином работать (Лук. 16, 13), потому что кто хочет от всего сердца возлюбить Господа Бога и ближнего своего, тот должен, по Евангелию, оставить мир и вся яже в мире, и идти во след за Христом, путем иноческого жития. Да и тогда если не вступим в совершенное послушание, и не отсеchem собственной воли своей, и не будем хранить своего сердца от помыслов скверных, и не будем стараться о очищении внутреннего человека, то и в пристани можем погибнуть. Наше спасение состоит в отвержении самих себя и в хранении своего сердца и в непрестанной умной молитве Иисусовой. Если же отвержемся себя самих, и будем хранить свое сердце от прилогов вражиих, и держать свой ум в непрестанной молитве, тогда соберутся и пребудут в нас все три добродетели: вера, надежда и любовь, – тогда и вселится в нас Святая Троица – Отец, Сын и Снятый Дух – Единый Бог, Ему же слава во веки!

И я отправился в путь снова по морю через Константинополь. Снова достиг Св. Горы и вселился в свою пустыню; снова начал работать ложечки и безмолвие проходить,

и много радовался и веселился, что сподобился достигнуть тихого и небурного пристанища Св. Горы Афонской.

Однажды, проходя со своим рукоделием мимо Иверского монастыря, сподобился я видеть святейшего патриарха Григория 5-го, который проживал тогда там на покое, после замучен был турками. Когда увидел я его сидящего у врат монастырских с двумя диаконами, сединою украшенного, вострепетала душа моя, и возрадовалось сердце мое. Скоро скинул с себя торбу и бросился к его стопам. Диаконы мне сказали, что это патриарх. Он благословил меня; я поцеловал руку его, а он меня в голову и сказал: – Что, отче, хочешь? – Я же сказал ему: – Хочу, да ваше святейшество возьмет от моего худого рукоделия! – Он приказал принести, и я выбрал десяток ложечек, и подал ему. Он же выбрал только три, а прочие назад отдал. Я просил, дабы он взял все, но он сказал: – Довольно во Имя Святой Троицы! – благословил и отпустил меня.

Я прожил три года на Св. Горе. Потом опять настало смущение; умножились разбойники и всюду страх и трепет. Монастыри все заперлись, а в кельях всюду скорбь и горе. Терпел я полгода, – помышлял, что скоро пройдет; однако час от часу было хуже, и более не стерпел, заплакал и простился со Св. Горой. Оттуда отправился в Константинополь по морю. Там был у другого Патриарха и от него сподобился получить благословение. Оттуда отправился на корабле, и много на Черном море натерпелся страху, чуть не утонул. Целый месяц носило нас по морю, и каждый почти час ожидали смерти, и пищи уже не имели. Потом занесло нас в Анатолию и пристали к одной горе, и благодарили Бога. Здесь сказали мне греки корабельщики: – Отче, теперь, слава Богу, пристали к преподобному Григорию; пойдем и поклонимся его святым мощам! – Я спросил: – какого Григория? – Они сказали: – Ученика св. Василия Нового, которому были великие откровения. Он по смерти св. Василия удалился в эту пустыню, и здесь окончил свою жизнь, и здесь погребено тело его! – Я весьма возрадовался. Они взяли ладану, масла и меня с собою посадили, и приехали к берегу и пошли в гору, а потом в великую пещеру. И шли далеко, и пришли к церкви, где посреди

сделана гробница и висит одна лампада. Греки сказали мне: – Тут спасался св. Григорий и в этой гробнице погребено тело его. Потом налили в лампаду масла и зажгли, и накалили ладаном, помолились и приложились ко гробу, и просили угодника Божия, чтобы управился путь наш благополучно. Потом поехали на корабль, и Бог дал добрый ветер, и пристали к одному селу, где купили себе пищу. Потом поплыли далее и в скором времени прибыли в Молдавию.

И снова я возвратился в свою обитель, где приняли меня с любовью, и уволили в безмолвный скит Покровский, где я поселился близ о. Платона, и стал его иметь другом и советником; начал во всем ему подражать, и от него пользоваться много. В то время он уже переплыл страстное море, и достиг тишайшего пристанища сладчайшего безмолвия.

Монастырь Нямец не один, но под собою имеет другой монастырь Секуль, и много скитов; и во все определяются братия от Нямеца, и пища всем посылается оттуда, а одежду добывают сами, и все занимаются разными рукоделиями, и отдают в монастырь и за то получают потребное. О. Платон во всю свою жизнь писал книги; я же работал ложечки. Вскоре я постригся в схиму, и оставили меня в совершенном спокойствии и тишине, и совершенно меня обеспечили всем нужным. Я благодарил Господа моего, что сподобился получить такое спокойствие. И прожил так с о. Платоном более 20 лет. Каждые 5 дней сидели в кельи за рукоделием, в молчании и в хранении умной молитвы. Каждую субботу ходили в соборную церковь и причащались Св. Таин. Также каждую неделю и великие праздники ходили на всенощное бдение. Пищу принимали по однажды в день простую; среду и пяток постились. Каждый год на всю св. Четыредесятницу затворялись мы в кельях; заготовим себе сухарей и воды, запрем окна и двери, и сидим едины со единым Богом до субботы Лазаревой. Только каждую субботу приходил духовник со Святыми Таинами и причащал нас.

После 20-ти лет о. архимандрит с братией упросили нас, чтобы перешли поближе к монастырю ради пользы прочих братий. Хотя нам и показалось тяжело разлучиться с возлюблен-

ною и тихою нашею пустынею, но была воля Божия на то. И опять дали нам безмолвную келью вне монастыря. И начали мы жить по первому пустынному уставу. Мне, слава Богу, было спокойно, а к о. Платону пошли вся братия; не были двери у его кельи затворены, но отверсты всякому приходящему. И дана была ему премудрость на пользу всем, и потекла из уст его как река изобильная. И я часто посещал его, и не мог никогда до сытости насладиться его беседою. Когда же настала св. Четыредесятница, опять мы затворились; а в субботу Лазареву пошли в собор на литургию. О. Платон шел впереди один, а мы с братией позади. В это время сделался от главы о. Платона до небес белый столп. Мы все это видели и пали на землю. Когда же встали, – уже о. Платон взошел во врата монастырские. Мы за ним пришли в церковь и поклонились ему до земли. Он же сказал: – Что вы, братия, мне кланяетесь? это чудо Бог показал не ради меня, но ради вас. Видите, как Господь прославляет работающих Ему. Работайте Господу от всей души своей, и вас Господь прославит, если не в сем веке, то в будущем нескончаемом!

О. Платон также всех учил побеждать страсти, проходить совершенное послушание и отсекал совершенно свою волю, быть смиренным ниже всех, любовь иметь ко всем нелицемерную, а особенно очищать внутреннего человека и держать беспрестанную молитву. И так прожили 10 лет. Потом покинул нас о. Платон и нам сделал большой плач, что оставил нас сырых на сем свете; одних бороться со страстями и со врагом диаволом. После о. Платона вся братия обратились ко мне со своими скорбями и со своими немощами: кто не доволен пищею, кто отягощен послушанием, кто другим чем. А от чего это произошло? От того, что всякая иссякла любовь и разорили общежитие. Я стал говорить начальникам, чтобы всех равно любили. Они же на словах во всем слушали, но не на деле. Братия плачут, всегда меня беспокоят, даже до конца разорили безмолвие мое. И начал я помышлять что делать: если мне жить здесь, то братию надобно до конца любить и душу свою за них положить. Надобно пострадать, а исправить уже невозможно. Если же удалиться, как Бога не прогневать тем, что

себе одному буду искать покоя, а братию оставляю скорбеть без всякого утешения; а больше той любви нет, как положить душу свою за брата своего, а установить все по прежнему уже трудно. Разорили скоро, восстановить намного трудней.

Трижды приезжал митрополит Вениамин с тем, чтобы устроить общежитие, и меня к себе призывал; но не мог ничего сделать. Старшая братия никак не захотела. Я же просил митрополита, чтобы уволил меня из монастыря Нямеца в монастырь Ворону в пустынную келью великого старца Онуфрия, друга старца Паисия, где он проживал с иеромонахом Николаем и старцем Феодором, и где живот свой окончил Митрополит же заплакал и сказал мне: – хотелось, отче Иоанне, чтобы ты пожил здесь и поддержал братию, утешал скорбящих, пользовал немощных; но впрочем удерживать тебя боюсь, да не оскорблю тебя. Господь тебя благословит: иди и молись и за меня грешного Вениамина. И я весьма желаю оставить свою кафедру, и на покое и в тишине и в молитве препроводить остальные дни жизни моей. Я более сорока лет митрополитом управляю молдавскою кафедрою, и много всяких искушений со мною случилось: дела наши великие. Много раз князь бывал в отлучке, и я сам управлял всею Молдавией. Кто поживет и не согрешит против Бога и против ближнего? И давно имею желание оставить все и плакаться о грехах моих, но обстоятельства не позволяют мне. Сколько лет строю собор, а окончить не могу. А хотелось мне самому его освятить; но уже видно, что не сподоблюсь, ибо силы мои уже изнемогают!

– Я же ему сказал: – Владыко святой, уже собора нам с тобою не освятить, а надобно более позаботиться о внутреннем соборе, чтобы его добро устроить; а спокойствие получишь только на малое время! – И так простились с ним.

Сам я отправился в монастырь Ворону, и принял меня архимандрит Рафаил с любовью и отпустил в эту пустыню, и снабдил меня пищею. И живу уже здесь четвертый год, подобно как в раю, во всяком спокойствии и тишине. И каждую субботу хожу в монастырь и причащаюсь Св. Таин, и опять стремлюсь сюда.

Я же, – говорит инок Парфений, – пал ему в ноги и со слезами начал ему говорить: – Отче святой, прости меня грешного, и поведай о таинствах твоего безмолвия, какие оно принесло тебе плоды, и какими Господь наградил тебя дарами? – Он же заплакал и сказал: – Что меня спрашиваешь, чадо, о том что выше меня? Оставь ныне о том вопрошать, но иди с Богом на Св. Афонскую Гору, и старайся очищать внутреннего человека молитвою; и когда уязвится сердце твое любовью Христовою, тогда сам познаешь – коль есть добро быти с Богом! – Я же плакал, да поведает мне хотя нечто малое. Он со слезами сказал:

– Послушай меня грешного; открою тайну, но куда жив я – сохрани ее. Открою тебе часть моего богатства, да не скроешь его, но когда будет время, то и иным подашь: По приходе в Нямецкий монастырь, услышавши от старца Паисия про умную молитву, начал испытывать его: как ее начать и как действовать? и начал делом испытывать. И она столь мне сладка показалась, что более всего мира возлюбил ее. От того бегал братию, любил молчание, часто удалялся в пустыню, бегал всех соблазнов, а особенно празднословия. Ради того путешествовал дважды на Св. Гору, изнурял себя послушанием, трудами, постом, поклонами и всенощным стоянием, чтобы стяжать умную беспрестанную молитву. Ее ради часто затворялся в келью, и все силы свои изнурял ради нее. И когда препроводил так многие лета, – мало-помалу начала она во мне углубляться. Потом, когда жили мы в скиту Покровском, тогда посетил меня Господь за молитвы о. Платона: осенила сердце мое неизреченная радость и стала действовать молитва; и столь усладила меня, что спать мне не дает; усну в сутки час, и то сидя, и опять встаю, как бы никогда не спал. И хотя я сплю, а сердце мое бдит. И начали от молитвы и плоды прозябать. Воистину, чадо, царствие небесное внутри нас есть. Родилась во мне любовь ко всем неизреченная и слезы; если хочу – плачу беспрестанно. И столь сладостно мне сделалось Божественное Писание, а особенно Евангелие и Псалтырь, что не могу насладиться, и каждое слово приводит в умиление и заставляет много плакать. О Боже, безвестная и тайная

премудрости Твоя явил ми еси! – Часто встаю с вечера читать Псалтырь или молитву Иисусову, и бываю в восхищении, вне себя, не знаю где я, – или в теле, или вне тела – не знаю; Бог знает. Только когда прихожу в себя – уже рассветает! Но и дадеся мне пакостник плоти да мне пакости деет, да не превозношуся: никак не могу быть с народом, а наипаче с мирянами; а с женами не могу и говорить: уже более сорока лет как не бывала жена в моей кельи, хотя многие желали со мною побеседовать, но я отказываю тем, что немощствую. Еще много претерпел искушений и оскорблений от врага диавола. Еще скажу тебе, что люблю читать книги, а особенно Евангелие, Псалтырь, Добротолубие и Исаака Сирина; и прочих книг имею довольно, но все лежат в монастыре; денег же себе не стяжевал, и не от кого не брал, кроме книг. Теперь прости меня, что ты так много принудил меня говорить, Пойдем в монастырь, я там ночую, и тебя провожу завтра.

Этот старец скончался после того чрез 4 года, в 1863 году. Роста он был среднего, волосы на главе седые, борода небольшая, белая; и так был сух, что крови и мяса не было заметно. Всех учил и наставлял терпению, послушанию, посту, смирению и любви; некоторых и созерцательному богомыслию, но не всех. Еще много плакал и соболезнавал о тех, которые не соблюдают святых постов, среды и пятки, и говорил:

– Те люди, которые самопроизвольно не сохраняют святых постов, живы телесами, а душами померли; ибо навлекают на себя клятвы соборов и святых отцов. И запрещал с ними и дружбу иметь.

Духовник о. Евстратий – грек

О. Евстратий родился в Трапезунде в Малой Азии около 1783 года от православных родителей греков. В монашество поступил он еще 8-ми лет от роду в монастырь Сумила близ своей родины, в котором находится прославленная чудотворная икона Божией Матери. Там принял он пострижение и прожил около 30 лет. Там же он был удостоен сана иеродиакона, а потом и священства. Находясь в этой обители, он слышал о страждущих христианах, живших под тяжким игом турок и весьма скорбел духом. Турки мучили христиан и беспощадно убивали, желая искоренить ненавистное им христианство. Старец Евстратий просил у Господа какое-нибудь из трех дарований: принять мученичество за Христа, выкупать пленных христиан, или же проводить жизнь аскета. И Господь исполнил его просьбу.

Снедаемый жалостью к убиваемым христианам, он обдумывал как бы помочь им, и отправился в Константинополь. Там он передал высшим лицам государства из представителей греческого народа о страданиях христиан, и просил их помощи; но они отказались, говоря, что сами служат туркам как чиновники Дивана, и что если станет известным, что они содействуют христианам, то им будет беда. Тогда о. Евстратий обратился к женам этих чиновников, и те от себя дали ему деньги и драгоценности. Также он обращался за помощью к богатым купцам и другим христианам, которые так почитали старца, что сколько бы он ни просил, с полным усердием давали ему.

О. Евстратий нашел двух женщин, одну турчанку, тайную христианку, знавшую по-гречески, и другую гречанку, которые исполняли его поручения самым лучшим образом; они покупали на рынках христиан и, некоторое время продержав их у себя, незаметно отпускали их на свободу. Женщин, кои желали принять монашество, они определяли в монастырь, находящийся на соседнем острове, где впоследствии эта самая гречанка стала игуменьей; а тех из них, которые не желали идти

в монастырь, отдавали в замужество. Детей же определяли в хорошие школы. За все эти 18 лет, посвященных старцем для освобождения христиан, он употреблял пищу однажды в неделю по субботам. Всех откупленных о. Евстратием было 500 человек. Но дело это не могло укрыться от турок, наконец узнало правительство, что какой-то монах выкупает христиан и отпускает на свободу. Сделано было дознание, по которому последовало немедленное приказание, где бы то ни было найти этого монаха и представить в Диван, где считали старца участником греческого восстания.

Описаны были приметы: монах невысокого роста, ходит согбенно, в лохмотьях и в худой камилавке, смотрит вниз, посещает богатые дома. Турки искали и караулили; но нигде не находили старца, – он сделался как бы неуловимым.

Однажды они узнали, что о. Евстратий находится в магазине одного купца, они поспешили туда, чтобы схватить его. Завидя их, старец пошел им навстречу, но они его не заметили, или по Промыслу Божию не обратили на него внимания. Когда он прошел, кавасы стали спрашивать в том магазине о монахе, требуя настоятельно, чтобы выдали его. Бывшие там сказали, что они не знают такого монаха. Турки так рассвирепели, что тут же изрубили двоих служащих магазина и бросились искать старца, но нигде его не нашли.

Однажды, он ехал с одним священником на лодке в Галату. Турки узнали его и стали стрелять, целясь в старца, но убили его спутника. Старец, подъехав к берегу, выскочил из лодки и скрылся. Месяцев 6 провел он в доме у одного христианина, скрываясь от турок, и потом вышел; но более не мог уже продолжать дело выкупа христиан, ибо в это время гонение на христиан дошло до того, что был повешен патриарх Григорий 5-й, и многие главные христианские сановники казнены. Теперь уже некому было помогать старцу, ибо и дома прежних благодетелей его были разграблены. Не видя возможности продолжать свою деятельность, и находя опасным оставаться далее в пределах Турции, он отправился в Иерусалим.

Поклонившись святым местам, он побывал и в лавре преп. Саввы Освященного, и пожелал в ней остаться. Здесь патриарх

сделал его общим духовником для братства, а после и своим личным духовником, когда заметил добродетельную и подвижническую жизнь его. Лет 10 подвизался старец Евстратий в лавре, но беспокойство со стороны тех кои искали его духовных советов и наставлений, заставило его искать более безмолвной и уединенной жизни.

Узнав о окончании греческого восстания, он решил отправиться на св. Гору. Тут он обрел искомое безмолвие, и в радости духа поселился в Кавсокаливском скиту. Имея особенную духовную любовь к игумену Дионисиатского монастыря, Стефану, он часто бывал у него. В скиту он недолго жил – всего три с половиною года. Причина тому была следующая: В 1834 году несколько духовных старцев: Леонтий дидаскал и кирикс, известный всем и везде как знаменитый муж ученый и духовный, Стефан, игумен Дионисиата, муж высоко духовной и святой жизни, Пантелеймон, монах того же монастыря, и старец Евстратий, составили прошение к вселенскому патриарху, выставив все причины беспорядочности своежительного жития и святости общежительного, установленного святыми и богоносными отцами, ктиторами Афонских монастырей, и просили его своею духовною властью ввести общежитие во всех монастырях на Афоне. Приведенные доводы были столь важны и убедительны, что патриарх тогда же написал грамоту, повелевая во всех монастырях на Афоне ввести общежитие. Соборные старцы (проэстосы) своежительных монастырей едва только слышали об этом, как устремились в Константинополь и, подарив щедро турецкое правительство и иных из духовных властей, кто только мог им помешать, наконец склонили и самого патриарха. Проэстосы возвратились на Афон с торжеством; а старцы, авторы письма к патриарху, должны были поспешить укрыться со Св. Горы, кто куда мог.

Старец Евстратий отправился в Константинополь и сначала приютился при храме «Панагия» в Галате. Некоторые злонамеренные люди узнали о его пребывании там и подкупили одного человека, чтобы отравить его. Узнав об этом от

находившихся при храме священников, старец удалился оттуда на остров Халки, где и подвизался до самой смерти.

Старец говаривал своим ученикам: – Вот, чада мои, Господь исполнил мое желание: не мог я всю жизнь выкупать христиан у турок; не удостоился и венца мученического, но удостоил Господь оканчивать жизнь в аскетизме. – Впрочем я ничего и не совершил такого, как преподобные отцы наши аскеты, просиявшие в добродетелях и делах богоугождения. Желал я мученичества, но не удостоен я сего венца; разве нечто из скорбей и лишений вменит мне Господь в мученичество; но и в этом опять я мало преуспел!

Между тем в беседах с близкими по духу старец говорил, что истинное монашество есть больше мученичества, в мучениях страдали однажды и иногда только несколько часов, а истинный монах каждодневный мученик, каждый час, каждую минуту он должен быть на страже.

С самых ранних лет старец содержал такое правило: в каждые сутки он полагал по 3000 земных поклонов, преимущественно ночью, 2 часа занимался умно-сердечной молитвой Иисусовой, потом начинал класть поклоны. Затем опять умной молитвой или чтением, и потом далее поклоны. Сменяя одно другим, он всегда выполнял положенные 3000 поклонов. Это правило свое он выполнял почти до смерти: только за 7 месяцев до кончины своей он оставил его по причине усилившейся болезни. Некоторые, бывавшие у старца и знавшие о его подвигах, много удивлялись, как может изможденный и ветхий старец класть по 3000 поклонов, тем более, что он постоянно пребывал в умной молитве, и в то же время не оставлял и деятельных подвигов. Пещера старца была более похожа на гроб нежели на жилище, в ней всегда было темно; единственное небольшое окошечко всегда было закрыто толстою занавескою. Однажды ученик его Анфим спросил: – Как ты, отче, пребываешь в таком тесном и темном затворе? – Старец отвечал: – Нам предстоит претерпеть затвор или временно здесь, или там вечно. Здесь, если не будем пребывать в тесноте и в темнице, то будем там! – Старец даже и на Пасху не выходил из пещеры.

Каждую ночь он совершал бдение, и каждый день в 9 часов утра совершал литургию в своей пещерной церкви, о которой едва ли кто знал, кроме учеников его. Отслуживши литургию, старец обыкновенно садился в уголок на козью кожу отдохнуть, и, вздремнув сидя, сложивши руки на груди, вставал. Такой его отдых продолжался не более часу. Ученики собирались к нему на бдение только на воскресные и праздничные дни, и он иногда говорил им: – Я в бдениях не нуждаюсь и делаю только для вас, чтобы вы не впали в леность.

В пещере у старца стасидий не было, а потому собиравшиеся ученики стояли без всякой поддержки, некоторые только с патерицами, и стояли согбенно из-за низких сводов пещеры, и естественно весьма изнемогали. Но тут же при самом изнеможении являлась сила, и они опять продолжали бодро свое бдение. Так было и при поклонах и в других подвигах, осеяла их некая сила среди самого изнеможения, и они укреплялись. Старец сам всю ночь стоял на ногах и только полагал руки на патерицу, но не облакачивался, а стоял как горящая свеча пред Богом. В такие его стояния слезы в два ручья лились на землю. Он имел великий дар слез; иногда, читая какой-либо тропарь Богородице или святому или же великое славословие – слезы лились источниками. Раз, о. Анфим стоял облокотившись на патерицу, – старец заметил это и сказал: – Ты этим успокаиваешь бесов!

Ученики клали назначенные им земные поклоны, как и сам старец, не в один прием, а, полагая один час поклоны, отдыхали, молясь стоя. Однажды, некоторые близкие к старцу спросили его ученика, как можно класть столько поклонов? Он отвечал: – По началу трудно и 100 поклонов положить, а потом с течением времени, при всегдашней постной пище оно делается легче и легче, и не только 100, но и вдвое больше и до 500 и более можно полагать без особого труда!

Старец болел в год по одному или по два раза, и почти всегда ровно 4 дня. Болел так, что не мог приподняться, но лечился всегда одними поклонами. Бывало как только почувствует, что может приподняться, то вставал с великим трудом и с принуждением начинал класть поклоны, и когда он

начинал учащать их, то ему делалось легче, так что наконец он и выздоравливал среди поклонов.

У него было 7 учеников. Желая сохранить возделенное безмолвие, он оставлял только одного ученика, жившего при нем 25 лет, в недалеком расстоянии в особой калибке, а прочих отсылал на соседний остров, назначая им время, когда они могут прийти к нему для духовного совета. Не всегда и раз в месяц могли те посетить старца, ибо хотя переезд небольшой, но во время сильных ветров нельзя было на маленькой лодке приезжать им туда. Если так он строго относился к своим ученикам, то что сказать о посторонних посетителях?

Еще много лет до кончины он однажды сказал ученику Анфиму, что молитва ему дана такая, что и в сонном состоянии сердце его молится. Поэтому на блаженном старце исполнилось слово царя пророка: Аз сплю, а сердце мое бдит. – Это и есть достояние всех усердно ищущих Господа и обретающих Его у себя в сердце вселившимся по обетованию Его: Аще кто любит Меня, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его и к нему приидем и обитель у него сотворим (Иоан. 14, 23). Как надо поэтому остерегаться пренебрегать самым последним бедняком, если искренно чтит он имя Бога Триединого.

Старец молился так: склонив несколько голову к груди, сидя или стоя, произносил редко с умилением и вниманием: Господи Иисусе Христе, помилуй мя; – и ум всецело заключал в словах молитвы, придерживая дыхание так как это способствует собранию ума.

Однажды, в Светлое Христово Воскресение ученики хотели купить сыр и спросили о том старца. Он сказал: – Братия, сыр имеет в себе сладость; и если кто кушает сладкую пищу, от того уходят слезы!

Старца Евстратия знали как прозорливца; кому бы что он ни сказал – все сбывалось в точности. Еще он имел дар чудотворения: когда он был еще во Иерусалиме там началась чума, и одна девица умирала при гробе Божией Матери в Гефсимании и была уже при последнем издыхании. Старец помазал ее из лампады Божией Матери, и она тотчас исцелилась. Некая жена 20 лет была мучима от беса. Лечили

многие доктора, но успеха не было. Женщина обратилась к старцу Евстратию и просила его молитв. Старец велел ей ходить в церковь и приобщаться 10 дней Христовых Таин. Она так и сделала, и в десятый день бес завопил устами женщины: – Уйду, уйду от этого злого старика! – и она исцелилась.

Однажды потребовалось старцу вынуть из земли кюп т.е. большой глиняный сосуд для хранения воды, вкапываемый в землю, чтобы вода в нем не могла скоро нагреваться. Старец взял с собой трех учеников и велел им вытащить кюп. Те как ни силились не могли вытащить. Старец упрекнул их, и, отстранив, взял одной рукой и вытащил его и поставил пред удивленными учениками.

Иерусалимский патриарх Кирилл 2-й, когда бывал в Константинополе, всегда посещал старца Евстратия, бывшего его духовником еще в Иерусалиме. И Священный Синод Константинопольской патриархии уважал старца, и не только уважал но и боялся его. Бывало, что скажет старец, и Синод спешит исполнить беспрекословно. Причиной этого явился следующий случай: у старца в числе учеников был некто Арсений из богатого дома; его двоюродная сестра была замужем за важным чиновником патриархии. По просьбе сестры, о. Арсений иногда хаживал к ним в дом для назидания ее. Мужу ее это не нравилось, он не хотел, чтобы о. Арсений ходил к ним, и только чтобы не оскорбить жену не прогонял его. Через некоторое время у них умер сын, и муж нашел в этом повод прекратить посещения Арсения. Он стал рассказывать всем, что Арсений уморил его сына волшебством, и требовал от членов Синода заключения его в темницу. Все архиереи молчали, но один, в угоду этому человеку, сказал: – Да, следует посадить его! – и обратясь к служащим сказал: – Привести его! – и отправили за Арсением кавасов. Когда привели старца в патриархию, объяснили ему вину его. Арсений отвечал: – Я человек грешный и поселился в пустыне, чтобы оплакивать свои грехи, а волшебства никакого не знаю! Не успели о. Арсения вывести за двери как тут же постигло обоих – и архиерея и сановника страшное Божие наказание: архиерей крикнул 3 раза: – Ах, ах, ах! – и испустил дух. Сановник же потерял разум.

Тогда все члены Синода в один голос сказали: – Скорее возвратите того монаха; за оскорбление старца Евстратия расступится земля и поглотит нас!

Бывши впоследствии дикеем в Кавсокаливском скиту, старец о. Анфим рассказывал, как поступил он к старцу Евстратию: – Жил я в Константинополе и, будучи мирского настроения, не знал, что в настоящее время есть отшельники, а думал как и другие, что это было в древние времена, а теперь это невозможно. Случилось завести разговор об этом с одним знакомым. Он опроверг мое мнение, сказав, что и ныне есть аскеты-подвижники, и рассказал о старце Евстратии, подвизающемся на острове Халки. Услыхав это, я начал просить его, чтобы он привел меня к нему, обещая наградить его. Приехав на остров, мы направились оба к тому месту, где жил старец. Когда пришли, у него в пещере были 3 ученика, которые в то время упражнялись в молитве. Они заметили нас и скрылись в своем затворе. Подойдя к пещере, я ощутил неизреченное благоухание; но, к прискорбию моему, ни старец, ни ученики его, жившие недалеко в особых калибках, не появились. Во всех затворах была мертвая тишина, как бы ни кого не было дома. Постучавшись во все затворы и не получивши ответа, мы возвратились в монастырь Богородицы, где находилось училище. Тут я заплатил за услуги своему проводнику и отпустил его, а сам, горя желанием видеть старца, отправился к самой пещере но закате солнца без дороги по кустарникам. Случилось так, что когда я пришел, старец стоял вне пещеры, лицом к востоку, положивши руки на патерицу и молился. Было 2 часа ночи по-восточному. Мне видна была только голова старца, которою он слегка покачивал во время молитвы. Я издали сделал поклон и сказал: – благослови, отче! Старец спросил: – Кто ты? Я отвечал: – христианин из Константинополя пришел к вашей святыне исповедаться! Старец отвечал: – Я не могу этого исполнить, а иди в город, там есть священники и архиереи, им и исповедайся. Я стал просить его, и сказал, что пришел собственно к нему. Услышав это, старец сказал: – Ты не можешь сохранить или понести, что я тебе скажу! Я уверял, что понесу; только просил принять меня

на исповедь. Наконец старец сказал: – Будешь монахом, если я буду исповедовать? Я отвечал, что у меня есть сестры, которых я содержу; но через 5 или 6 лет, когда они выйдут замуж, тогда я смогу поступить в монашество. Старец, испытывая меня, сказал: – Оставь их и поступай, если хочешь теперь; а если считаешь это долгом своим, то грех этот да будет на мне! – При этих словах он положил руку мою на выю свою в утверждение меня. Потом сказал: – Ты только возлюби благую часть Марии, уже похвалил Господь!

Что было делать? Я решил остаться. Старец призвал одного из учеников своих и поручил ему меня, сказавши: – Возьми его на 10 дней и приучи к правилу монашескому; после определим его в особую келью. – Вероятно, старец хотел испытать мое произволение, ибо не будь полной, горячей решимости, никто там не уживется. Мы кушали один раз в день – в 9 часов по-восточному: один хлеб и сырую траву, через что я дошел до такого изнеможения, что у меня тряслись руки и ноги и все тело от подвигов и воздержания. Но когда приходило время читать определенное правило, то я сам не знаю, как и откуда являлась сила, и я ощущал внутри необъяснимую внутреннюю радость. Когда собирались к старцу на бдение все его ученики и я с ними, то прямо стоять в его пещере было нельзя, ибо потолок был очень низок. Если старец с кем беседовал, то никогда не садился, а стоял, смотря лицом к востоку, легко опираясь на патерицу, и так беседовал.

Поступивши в число учеников старца, я однажды сказал ему: – Отче, я боюсь жить без послушания – тут близко мир! – Старец отвечал: – Не бойся, только сохрани то что я тебе говорю: к подвигам имей горячее произволение – это главное. Прежде поклоны делай, потом стой на молитве час, несколько склонивши голову и немного прижав подбородок к груди. Затем читай святоотеческие книги и святое Евангелие. Если нет слез, то ударяй лбом в землю. Перед чтением же, если устанешь стоять на молитве, то сидя час или полтора пребывай в молитве, а потом немного читай. И все это делай с умилением и слезами, а в молитве чтобы зрение ума было заключено в одних словах молитвы. Так пребывай до 9-го часа. Потом

немножко покушай. Ночью, после сна, когда станешь на молитву и сон начнет одолевать, то преклони колена на землю и подвизайся до поту и крови, потому что определенный час, это долг наш к Богу, мы обязаны утреню прочесть, а враг приходит воспрепятствовать; но мы прольем пот и кровь, а не поддадимся ему!

Божественную литургию о. Евстратий совершал ежедневно и только за 2 года до кончины оставил ее. В его пещере, где теперь поверх камней положено его тело и засыпано на пол аршина, была в восточной стороне устроена церковь т.е. только алтарь, в котором были престол в углублении стены, жертвенник в той же стене, а с севера умывальник и ладоница. Здесь старец Евстратий каждодневно совершал бдение, а утром литургию. В углу от порога с южной стороны была его постель и малое окошко, около которого лежало несколько книг, которые он читал днем. Спящим его не видали, ибо он только утром немного сидя или стоя вздремнув, брался или за поклоны или за чтение.

Учеников учил правило церковное исполнять все без опущения, не спеша, читать молитвы протяжно. У кого замечал духовное рвение и преуспевание, тому позволял упражняться в умной молитве; но не вдруг, а постепенно, и говорил: -Исполнение правила церковного необходимо каждому, но все это одни листья, а нужно, чтобы дерево украсилось и плодами, а плод рождает молитва умная, которая производит слезы. Слезы есть плод; монах должен всегда плакать.

Сам старец, когда молился, имел платок на патерице, куда падали лившиеся в два ручья слезы, которых ему некогда было утирать или, вернее сказать, он не обращал на них внимания, будучи в духовном восхищении. Часто ученики замечали, что он не чувствовал и не видал того, что делалось вокруг него. Ученики понимали это его состояние, но спросить не осмеливались, а сам он не говорил об этом им. По дару пророчества он говорил некоторым мирским о событиях, сбывшихся потом в точности. Когда те разглашали об этом другим, то о. Евстратий говорил ученикам: – Это мирские говорят; пусть говорят, но вы не верьте. Может ли человек в

теперешнее время иметь дар пророчества и предсказывать будущее? – Старец всячески старался уверить, что он ничего не имеет и не знает.

Когда старец заболел, и не мог послужить себе, то перешел к ученику Макарию, где и скончался. По тесноте калибки, Макарий построил еще комнату, в которой лежал старец на самой убогой постилке с худой подушкой и без особого покрывала. Ясную память старец сохранил до кончины. Когда разнеслась по окрестностям весть о болезни его, то к пещере его собралось около 500 человек, чтобы сподобиться присутствовать при его преставлении и отдать ему последнее целование.

При жизни своей старец очень мало принимал посторонних, хотя в числе посетителей бывали иногда и архиереи и светские важные сановники. Собравшийся народ желал получить его последнее благословение, но старец никого не допустил и просил не беспокоить его; но народ из любви к нему не отходил. Тогда старец усердно помолился Божией Матери, чтобы Она устроила так, что при его кончине не быть никому из посторонних. Так и случилось: погода была такая, что не было никакой возможности выйти из дому; а поэтому и при его смерти были только самые близкие ему.

Один древний старец на Афоне, о. Харитон, Зографский пещерник, рассказывал: – На одном острове около Константинополя славно подвизался старец, который во всю жизнь свою клал в каждые сутки по 3000 земных поклонов. Дарование молитвы умно-сердечный имел в высокой степени. У него было 7 учеников такой жизни, что каждый из них мог быть лучшим духовником в каждом монастыре на Афоне. Великий был старец!

Приложение

В рукописях о. Пантелеймона найдены были следующие 3 беседы неизвестных старцев, записанные им около 1870 года:

* * *

Когда человек многострастен и совесть его как бы засыпана грязным веществом, то не может мгновенно представить сердце и ум свой пред Богом. А если человек постоянно будет подвизаться, и сердце свое и ум не отлучить от Бога, не тогда только, когда какая-нибудь страсть напомнит, то таковой скоро преуспевает, потому что он навсегда смирен сердцем и часто находится в слезах и умилении; и если бы ему как человеку случилось согрешить, то у него покаяние готово, – оно при нем и мгновенно изливается пред Господом. Все это совершенно скрыто от людей, кроме того руководителя, коему открывается, и потому может проходить путь этот ни кем не знаемый; только духовный человек может понять его от некоего изменения в лице.

Входящим сею дверью покаяния открываются великие тайны разумения, тайны премудрости Божией, отчего они постоянно находятся как бы в удивлении и неизреченном плаче; понимают же и немощь человеческую до тонкости им открываемую, хотя бы то и у добродетельных людей, от чего они никогда не могут осуждать.

На этой степени св. Исаак Сирин повелевает не быть без плача, потому что враги спасения паче в такое время скрежещут на них зубами.

Святые отцы, когда хотели совершать какую-нибудь добродетель, то прежде приготавливались претерпеть все, что бы ни встретило их. Они не возлагали надежды ни на какого человека, а единственно на одного Бога. Итак, при помощи Божией, могли и совершать доброе дело и не потерпеть вреда от искушений.

Довольно, что человек имеет брань с сатаною, а если есть и люди, через которых действует диавол на него, то это

несравненно труднее. Испытания ни чем не побеждаются, как только одним терпением и смирением. Лучше оставить всякие намерения и свои предположения и пребывать вне всякого попечения, что бы ни творили с нами, – это будет дело по Богу. Потому что если кто находится в разных парениях ума, то никогда не найдет времени позаботиться о своей душе. А если возложит упование на Бога, то возможно найти время позаботиться о своем спасении, так как Бог каждому человеку распределяет испытания соразмерно силам его и делам его.

Если ваше дело богоугодное, то Господь не попустит впасть в погрешительное для вас испытание враждования, а подаст вам, по молитвам старцев, терпение в том. Возверзите печаль вашу на Господа. Если Он хочет через эти испытания созидать ваше спасение, то Он же подаст и терпение. Господь устроит вас, и легко будет среди испытаний. Мы знаем, что многие получили благодать Святого Духа от Господа, но испытания от них Господь не отнимал, а подавал только терпение. Если будем заботиться о добродетелях и об улучшении жизни нуждающихся, то до смерти не прекратятся испытания, потому что испытания имеют естественную причину и текут не переставая. Без этого не обойтись.

Кто живет на безмолвии, у того бывают другие испытания. В пустыне гораздо большие испытания, разве только кто пребывает в совершенном безмолвии и беспопечительно. Куда мы ни пойдем, везде ждут испытания: это есть наш крест, который мы несем и должны нести до смерти.

Когда борет тебя какая-нибудь страсть, например блудная, или осудить кого, тотчас представь пред Господа сердце и ум твой и болезненно из глубины взывай: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! – Тогда, в мгновение, еще не успеешь сказать – испытание исчезнет. Враг тогда боится, трепещет. В состоянии мирном человек не может так скоро и сильно прибегнуть к Богу, как в наносимом испытании; а враг видя, что не побеждает, а плетет венцы, бежит от того человека без оглядки. Это можно делать везде, ибо оно невидимо и мгновенно, находясь везде и делая все, – а между тем посредством этого можно сохранить сердце свое чистым.

Сохраняя таким образом сердце свое, оно готово к принятию благодати, которая тотчас посещает его.

е е е

«Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения» – ныне, когда оно в наших руках, а не после, не завтра, как мы часто, наущаемые врагом или своею растленною, повредившеюся природою, говорим себе, когда и совесть вопиет на нас: – доколе? – Бог милостив, Он нас любит, за нас пострадал! – А если пострадал, то и нам надо спострадать Ему, чтобы войти в славу Его. Он милостив, но вместе и правосуден. Милует, долготерпит, ожидая с нашей стороны обращения к Нему всем сердцем! – Старец, как бы углубившись в какую-то беспредельную даль, продолжал: – Ах, любовь божественная, – колико ты велика, безмерна, непостижима. Христе Иисусе! Он душу свою положил за нас. Нам остается только обратиться к Нему с полным покаянием о своей виновности пред Ним, и Он простит нас! – Будем искать Его, – и найдем. Он яко чадолюбивый явится нам и пребудет с нами, если не охладеем снова злым нечувствием. Горе мне окаянному грешнику. Если будем понуждать себя во всем следовать Его святым заповедям, заключенным во святом Евангелии, часто противным нашему человеческому разуму, то не постыдимся Его, когда явится Он во славе Своей и все святые Ангелы с Ним. Больше сил наших Он не требует, и заповеди Его тяжки не суть; если бы они были нам не под силу, то Он и не дал бы их. Иго Мое благо, – подтвердил Он Сам, – и бремя Мое легко есть! – Возьмите иго Мое на себя и обрящете покой душам вашим! – Покайтесь, приблизися бо царствие Божие! – И сотворите плод достоин покаяния!

Не думайте, что как на Афоне, так уж и в рай попадете. Нет, с нас более взыщется чем с мирских: у нас нет забот ни о семействах, ни о куплях и продажах; от всего этого мы избавлены, но дали обет послушания Самому Господу: исполнить во всем Его святую волю и повиноваться старцам и братии обители, если они не требуют противного воли Божией.

Но как же, старче, – спросили мы, – святые отцы говорят, что без безмолвия нельзя приобрести покаяния, а у нас ведь в

обители многолюдие и всегдашние общения по послушанию друг с другом?

– Да, кроме покаяния нет иного пути к небу. Действительно, безмолвная тишина рождает подвиг, подвиг – плач и слезы, а с ними и сама собою молитва следует. Но ведь иначе куда же вам деваться? В пустыню? но не приготовленным к ней она недоступна. Добро бы было, если где-нибудь близ монастыря на калибочке, да и на это надо свое время и не малую крепость духа, да и залог в себе иметь такой, который бы и при всех нападениях вражеских укреплял не поддаваться им. В монастыре борьба как с голубями, а в пустыне – как со львами! – Пустыня и безмолвие плодоноснее и действительно удобнее к принесению покаяния с самооплакиванием; но я сказал, что она не для всех. Иногда и бесы, видя получаемую нами

пользу в общежитии, подстрекают к непомерным подвигам безмолвия и едва слышно шепчут: – Будьте яко бози! – Ни днем и ночью ли строят они нам разные сети? Если не успевают победить нас сначала страстями, они начинают действовать с благовидной стороны желанием высших подвигов. Случается, они борют какого-нибудь подвижника, а потом, чтобы обмануть его, с отчаянным криком о побеждении себя пускаются бежать, а этот неразумный, как лев с рыканием пускается за ними в погоню с гордым мнением, что наконец таки победил их окаянных, а на самом деле бывает сам побежден бесом высокоумия.

– Я почти всегда затруднялся советовать выходить из общежития, разве только есть тому благословные причины и искушения. Терпи, будешь мученик! Правда, у вас в обители располагается молодежь, а они вниманием к своему спасению вредят много. Ох, тесно отовсюду! Терпеть надо. – Господь сказал через пророка: Беззаконник, аще обратится от всех беззаконий своих, яже сотворил, и сохранит заповеди Мои, и сотворит суд и правду и милость, жизнью проживет и не умрет (Иезек. 18, 21). И: Праведник аще совратится от правды своей, вся правда его, яже сотворил есть, не помянутся; в преступлении своем, имже преступи и во гресех своих умрет (Иезек. 18, 24). – Значит, в чем застанет нас Господь, в том и

судить будет. Если застанет в покаянном сокрушении и плаче о грехах своих, то несомненно будет помилован и утешен Им бесконечною радостью. Блаженны плачущии, яко тии утешатся! – Старче, – сказали мы, – нам говорил один наш монах, что при принятии его в число братии послушником, духовник ему сказал, что он ради спасения непременно должен позаботиться стяжать умную молитву. После того, когда по пострижении его он пришел к духовнику, тот повторил прежнее замечание. Потом, перед отходом своим в вечность, третий раз с большею настойчивостью он сказал то же самое!

– Воистину так, – заметил на это старец, – хотя сказанное, быть может, по особому намерению, относилось именно к тому лицу, но вместе это полезно и для всех, особенно для нас иноков это необходимо и вернейший путь к достижению царства Божия внутри нас еще здесь на земле, а за тем и блаженства в вечности!

– Как же, отче, многие ведь из монахов и из мирян, не имея даже и понятия о молитве умной, избавлены вечных мучений и удостоены всеблагим Господом небесных благ? И в Евангелии ублажаются и нищие и плачущии, кроткие и милостивый; а о умной молитве ничего там не сказано? – Иное дело быть помилованным, а иное быть освященным. Иное дело быть рабом, а иное быть другом-сотаинником. Иное дело со страхом предстоять у порога, а иное дерзновенно входить во внутренность покоев господина. А инокам и при пострижении молитва Иисусова поставляется в обязанность, ибо при вручении четок говорится постригаемому: – приими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий, во всегдашней молитве Иисусовой: всегда во устех своих имети должен еси, глаголя присно: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! – Блаженный старец Серафим Саровский, достигший великого преуспения в этой молитве, постоянно советовал всем инокам проводить внимательную жизнь и заниматься Иисусовой молитвой. Посетил его однажды юноша, окончив курс в духовной семинарии и открыл старцу о намерении своем вступить в монашество. Старец преподал душеспасительные наставления, в числе коих дал заветное, обучаться молитве

Иисусовой. Говоря о сей, он присовокупил: – одна внешняя молитва недостаточна; Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы со внутреннею, не суть монахи, а черные головешки! – Во времена старца Серафима в Сарове всякому поступавшему в монастырь немедленно преподавалась молитва Иисусова; объяснялось как к ней приступать как продолжать. Тот монах – кто внутри монах; поэтому святые отцы, многотрудными подвигами протекшие тернистое поприще жизни, всеми силами старались внушить приходящим к ним за советами, что весь подвиг наш должен быть обращен на очищение сердца и раскрытие в себе тунелю дарованной благодати в таинстве крещения, по утрате возвращаемой многими трудами и потами почти до крови. Очень немногим дается само собою понятие о самом себе и своем величии в сотворении, о своем ничтожестве по падении, о возвращении утраченного пришедшим Спасителем и о даровании каждому при крещении всецельной Божией благодати.

Большинство же получают это познание себя, и чрез сие познание Бога, посредством чтения Священного Писания и сочинений святых отцов и учителей Церкви, а также через частое собеседование с людьми истинно духовной жизни. Доброе дело быть нищим духом, плачущим, кротким, милостивым, примирителем враждующих, чистым сердцем; но если не будет при этом непрестанной молитвы, то и все эти добродетели, не имея прочного основания, будут малополезны. Господь Иисус Христос сказал: Без Мене не можете творить ничесоже, – и: Аще кто не пребудет во Мне, извергнется вон и изсшет, – и: Будете во Мне и Аз в вас пребуду и плод много сотворите.

– Молитва – мать добродетелей, – если стяжем ее, то при ней удобно можем стяжать и те перечисленные добродетели, но если не будем стараться о приобретении ее так, чтобы она неотлучно пребывала с нами на всяком месте, даже и во сне, чтобы мы могли сказать о себе: мы спим, а сердце наше бдит, то не будем обманывать себя ложною надеждою на какие-то другие добрые дела, которые и сами по себе уже не добрые,

если начнем считать их добрыми, и ради этого одного их совершать, как говорит св. Петр Дамаскин!

– Молитва, осенив подвижника, делает его мало-помалу из жестокосердного милостивым, кротким, плачущим. И до ярости ли, до похоти ли тогда, когда молитва всего его наполняет и даже не вмещается уже в нем? Понимаете, я говорю ведь не о молитве соборной или келейной устной, но о молитве Иисусовой, произносимой умом в сердце, а не в голове, как это обычно устным молитвам!

– Когда ум после многих трудов войдет в сердце и будет всегда там пребывать, тогда прекращаются всякие его парения и блуждания по всей вселенной; а до того, пока он в голове, то парения его невозможно удержать. Сначала бывает это очень трудно, и четверть часа понуждения продержать неустойчивый ум в сердце кажется за какую-то вечность. Ум стремительно вырывается оттуда, но мало помалу с помощью благодати

Божией и своего терпения, он свыкается, и наконец его уж оттуда и не выманить!

В некотором из Афонских монастырей был метох близ мирского селения. В определенное время для исповеди жившей там братии, был посылаем из обители духовник. При этом духовника крестьяне приглашали служить молебны, освящать воду и окропить их жилища. Тут он сообразно с простотой сельского народа, говорил им поучения, например:

– Вот, слушайте, что я вам скажу: смотрите, как только солнце взойдет, вы сейчас же вставайте, ограждайте себя крестным знамением и говорите: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! – а потом весь день старайтесь так молиться; ведь это не тяжело, а от этого у вас и работа будет легче идти и Богу приятнее! – и многое тому подобное говорил им духовник, что только может принести пользу простому человеку. Однажды после такого нравоучения, подходит к нему один молодой человек и говорит: – Отче, в прошлом году ты также нас поучал, чтобы молиться постоянно. Когда уезжал от нас я стал так делать; а у меня вот тут в сердце стало тепло, потом горячо, и что-то как будто и шевелится. – Духовник понял в чем тут дело, – призвал своего ученика и сказал ему: –

Довольно поучения там, где началось дело. Мы учим тому, чего и сами не имеем; а тут в простецах действует преизобильно божественная благодать!

В Пантократорском монастыре подвизался один простой старец, ремеслом портной. Он был очень благочестивой жизни, исполнял беспрекословно все, что бы ни было на него возложено; но понятия о молитв Иисусовой не имел. Надо сказать, что настоятели и духовники, к сожалению, очень часто, понуждая или поощряя к жизни внутренней, при этом не объясняют, как приступать, с чего начинать это дело. Вот и этот старец, не имея понятия о иной высшей жизни, старался исполнять внушения своей совести, как приказание старцев. Однажды, посетил монастырь некоторой дидаскал и, по устройению Божию, вступил в разговор с этим старцем. Узнав его неведение о духовном делании, он объяснил ему его, и как приступать и заниматься им. Старец тотчас же принялся в простоте сердца и с великою ревностью за многоплодное дело, и как уже приготовленный к тому дятельным подвигом, скоро почувствовал в себе горние сердца, и он начал умиленно вопиять: – Иисусе, Иисусе мой! Дидаскал понял случившееся со старцем, и, рассказавши об этом приятелю одному, добавил: – Вот мы и ученые и все знаем, да и еще других учим многому, а сами-то что имеем? Вот старец-простак, а опередил нас и видим, что с ним случилось!

Но и дидаскал был жизни внимательной и подвижник: движимый собственною совестью он так возревновал духом и так возгорелся любовью к Богу, что немедленно отправился в турецкие селения и удостоился принять мученическую кончину от мусульман, исповедав христианскую веру.

Старец говорил еще многое, что не удержалось в моей памяти, а иное осталось и останется только в глубине моего сердца.

КОНЕЦ И БОГУ НАШЕМУ СЛАВА!